

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 1
ТОМ 12

ISSN 2413-6891

2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год;

с 2023 г. в сетевом формате

2024. Том 12, № 1

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocenti	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Андреенкова А. В.

Исследования жизненного пути – концептуальные
и методологические подходы и решения 6

Татарова Г. Г., Чиркова А. В.

Здоровьесберегающее поведение молодёжи: формирование
типообразующих признаков методом неоконченных
предложений 25

Пинчук А. Н., Каренова С. Г., Тихомиров Д. А.

Технологии Text Mining в социологическом анализе
(на примере изучения представлений студентов
о миссии современного вуза) 62

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Сагитов С. Т.

Цифровизация сферы культуры России:
этапы и проблемы 80

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Чумиков А. Н.

Позиционирование фактов, смыслов и терминов в медиа:
теоретические подходы и практика освещения
проблематики терроризма 94

Гиваргизова Н. А.

Востребованность института медиации
в современной России. 120

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Костко Н. А., Печеркина И. Ф.

Городская идентичность и восприятие города
в управленческом дискурсе 136

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

<i>Andreenkova A. V.</i> Life course studies – conceptual and methodological approaches and solution	6
<i>Tatarova G. G., Chirkova A. V.</i> Health behavior of young people: formation of typological attributes using the sentence completion method	25
<i>Pinchuk A. N., Karepova S. G., Tikhomirov D. A.</i> Text Mining technologies in sociological analysis (using the example of studying students`ideas about the mission of a modern university)	62

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Sagitov S. T.</i> Digitalization of the cultural sphere in Russia: stages and challenges	80
---	----

SOCIAL COMMUNICATION

<i>Chumikov A. N.</i> Positioning of facts, meanings and terms in the media: theoretical approaches and practice of covering the problems of terrorism	94
<i>Givargizova N. A.</i> The relevance for the institute of mediation in modern Russia	120

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Kostko N. A., Pecherkina I. F.</i> Urban identity and perception of the city in management discourse	136
---	-----

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ – КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И РЕШЕНИЯ

Анна Владимировна Андрееенкова

Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),

Москва, Россия,

anna.andreenkova@cessi.ru,

ORCID [0000-0002-6776-7703](https://orcid.org/0000-0002-6776-7703)

Для цитирования: Андрееенкова А. В. Исследования жизненного пути – концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 6–24. DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1). EDN [ADRPHA](#).

Аннотация. Исследования жизненного пути нацелены на решение фундаментальных вопросов социальных наук о природе социальных изменений – определение их направления, причин и перспектив, взаимосвязи микро- и макроуровней социальной реальности. Развиваясь в рамках разных социальных наук и научных традиций, исследования жизненного пути отличаются по предметному полю и методологическим подходам и мало связаны между собой. В статье выделены основные направления в изучении жизненного пути: психологическое в рамках теорий развития личности; лонгитюдное социологическое для исследования жизненных путей отдельных когорт и сравнительного изучения поколений, социальных групп, стран и регионов; отраслевое – исследования траекторий в отдельных сферах жизни; жизненно-событийное демографическое, ценностное и биографическое. Всё многообразие методологических подходов к изучению жизненного пути предлагается объединить в две большие категории – синхронные и ретроспективные, отличающиеся временной дистанцией между событием и сообщением о событии. Особенности синхронного подхода состоят в относительно высокой надёжности измерений, но низкой гибкости в выборе показателей, длительности проведения исследования и большими финансовыми затратами. При ретроспективном подходе организационные возможности проводить изучение в любое время, а также гибкость в выборе показателей высокие, но на надёжность измерений влияют «ошибки» памяти и контекст. Ни один из этих подходов не отвечает в полной мере потребностям изучения такого сложного процесса, как жизненный путь. Решения, которые находятся в процессе разработки и тестирования, связаны с применением мультимодального подхода. В проекте «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е» проанализированы особенности применения метода автобиографий для больших выборок населения. Метод показал высокую чувствительность к форме (рукописной, печатной или устной), неравномерность в полноте данных и принципах отбора событий. Использо-

вание дополнительного метода – глубинных интервью – позволило увеличить полноту и сравнимость данных. Однако даже двухмодальная методическая процедура не обеспечивает эффективного решения задачи. К выделенным недостаткам относятся высокая трудоёмкость анализа, необходимость индивидуального подхода к каждой автобиографии, низкий уровень кооперации со стороны респондентов, наличие этических проблем. Дальнейшие перспективы изучения жизненного пути связаны с конвергенцией подходов и достижений разных направлений таких исследований, с развитием междисциплинарных проектов, а также с применением мультимодальной интегрированной методологии, объединяющей разные методы в единый исследовательский цикл.

Ключевые слова: жизненный путь, жизненные события, траектории, социология жизненного пути, лонгитюдные исследования, ретроспективные исследования, метод автобиографий, мультимодальный подход

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е, – лонгитюдное исследование через 30 лет».

Введение

Жизненный путь как литературная категория имеет очень длинную и яркую историю, но как научное понятие стало использоваться относительно недавно. Изучение жизненного пути, его структуры, этапов, поворотных пунктов в разных странах и культурах позволяет не только фиксировать, но и раскрывать внутреннюю логику социальных процессов, выявлять их взаимосвязи и взаимозависимости. Изменения на микроуровне – жизненном пути отдельных людей – в результате приводят к трансформационным процессам на уровне общества, являются и результатом, и причиной социальных изменений. Мы предлагаем понимать жизненный путь как непрерывный процесс трансформации социальных ролей, статусов и позиций, а также установок, предпочтений, оценок и ценностей.

Жизненный путь выступает не только одним из многочисленных предметов изучения социальных наук, но может рассматриваться как общий концептуальный подход к пониманию динамической стороны жизни (life course perspective). В какой бы области или какие аспекты жизни ни изучались в рамках этого подхода – история и трансформация семьи, мобильные и образовательные траектории, изменения политических взглядов или социальных установок — единицей анализа выступает последовательность событий, фаз и периодов в их взаимосвязи и переплетении.

Происхождение и источники такого подхода можно проследить с довольно ранних времён, однако свою современную форму с определённым кругом изучаемых проблем и методов он получил относительно недавно – и то лишь в качестве основных контуров. Особенностью изучения

жизненного пути является междисциплинарность, которая проявляется, во-первых, в том, что соединяются линии исследований разных дисциплин, происходит взаимообмен и обогащение понятийного аппарата. Во-вторых, нередко гипотезы и идеи в отношении жизненного пути, высказанные специалистами в одних дисциплинах, проверяются, а иногда и опровергаются – в других. В последние десятилетия междисциплинарность проявляется также в том, что представители разных дисциплин развивают одни и те же методы сбора информации и подходы к анализу данных (например, биографический метод в социологии, социальной истории, этнографии и социальной психологии). Данные больших лонгитудных проектов становятся основой для работ в области демографии, социологии, политологии и других наук. В некоторых случаях удаётся организовать совместную работу междисциплинарных коллективов, хотя примеров такого прямого сотрудничества пока немного. Междисциплинарность истории изучения жизненного пути обогащает эту область знания, но одновременно усложняет работу по обобщению теоретических оснований и источников, которые лежат в её основе.

Основные направления изучения жизненного пути

Исследования жизненного пути последних лет очень разнообразны и представляют собой разнонаправленный спектр разных исследовательских стратегий, которые развивались в разных социальных науках. Чтобы рассмотреть подобные исследования комплексно, мы выделили несколько основных направлений, или исследовательских линий, на основе нескольких факторов: предмет исследования, концептуальные рамки и методологический подход.

Жизненный путь личности – психологическое направление. Хотя временное первенство в изучении жизненного пути именно в психологии стоит под вопросом, но в отношении последовательности и непрерывности такой линии исследований это можно утверждать уверенно. Понятие жизненного пути включается в современные теории развития и формирования личности, при этом основное внимание уделяется ранним этапам жизненного пути. В этой линии исследований жизненный путь изучался в целях построения возрастной периодизации жизни, выявления событийных маркеров разных возрастных периодов, понимания процесса трансформации жизненных целей и задач на разных жизненных этапах [1; 2; 3; 4].

Одним из важных достижений этого направления является идея сценарного поведения как «неосознаваемого плана жизни» [5]. В субъектно-деятельностном подходе одним из основных качеств человека называет-

ся активность, через которую осуществляется самоопределение человека и конструирование жизни. Были выделены и теоретически осмыслены такие понятия, как «жизненный план», «жизненная стратегия» и «жизненная цель». В работах Б. Г. Ананьева обосновывается важность изучения жизненного пути для понимания непрерывного процесса формирования и изменения личности, показано влияние социально-психологических особенностей личности на отдельные аспекты жизни и жизненный путь в целом, обосновано понятие «социальные достижения личности» [6]. И. С. Кон предложил типологию жизненных планов людей, учитывающую их личностные особенности и ресурсы [7]. В 1970-х и 1980-х гг. было проведено большое количество исследований психологического развития человека на разных отрезках времени (lifespan psychology). Если на первых этапах наибольшее внимание уделялось периоду детства и взросления, формирования психологических особенностей личности, то в настоящее время границы расширились – центральным становится анализ стадии взрослости, зрелости и старения.

В психологическом направлении были заложены основы научного подхода к изучению жизненного пути, определены основные понятия и выдвинуты гипотезы о механизмах и путях психологического развития человека, его личности на протяжении жизни. Методологически в этом направлении жизненный путь выступает и объектом, и предметом исследования. Основными методами исследования являются теоретико-логические.

Большая часть работ в рамках этого направления выполнена с использованием теоретических методов либо опирается на эмпирические экспериментальные и лабораторные исследования в малых группах.

Жизненные пути отдельных возрастных когорт – лонгитюдное направление. Другим направлением исследований является изучение жизненных путей отдельных когорт. Жизненный путь когорты выступает объектом исследования, а предметная область включает отдельные социальные процессы, которые складываются из реализации жизненных путей, – демографические, политические, образовательно-профессиональные. Основным методологическим подходом этого направления является использование эмпирических лонгитюдных данных на длительном промежутке времени. Развитие общей методологии лонгитюдных исследований, накопление лонгитюдных данных и совершенствование методов анализа подобных данных в последние три десятилетия послужили мощным толчком для развития этого направления исследований жизненного пути.

Признанным пионером этого направления является Глен Элдер с его работой «Дети времён Великой депрессии» [8], построенной на анализе двух

лонгитюдных исследований – Оклендского исследования детей, рождённых в 1920–1921 гг., и исследования детей в Беркли, рождённых в 1928–1929 гг. Эти исследования показали, что трудности, пережитые во время Великой депрессии, оказали долговременное влияние на последующее развитие и достижения людей этого поколения, но при этом воздействие не было одинаковым для всех. Основным дифференцирующим фактором оказался возраст, в котором респонденты переживали исторические события. Исследования Элдера продемонстрировали объяснительный и эвристический потенциал лонгитюдных наблюдений на длительных отрезках времени, позволили выйти за пределы анализа детского и подросткового этапов жизненного пути, на которых были сконцентрированы исследования психологического направления, послужили началом развития социологической школы изучения жизненного пути. Идеи Элдера получили дальнейшее развитие в исследованиях отдельных когорт в Великобритании [9], Германии [10] и в других странах. В последние два десятилетия эта линия продолжена в масштабном сравнительном межстрановом исследовании «Поколение и гендер», в котором принимает участие и Россия¹.

Сравнительные исследования жизненных путей разных поколений, социальных групп, стран и регионов. В последние годы помимо изучения отдельных когорт стоит цель сравнительного изучения жизненного пути разных поколений, социальных групп, населения стран или регионов как реализованного взаимодействия макросоциальных и микросоциальных процессов. Эмпирической основой таких исследований являются биографические модули, включаемые в масштабные лонгитюдные исследования, построенные на репрезентативных выборках населения. Например, в лонгитюдных исследованиях людей старшего поколения, таких как HRS, SHARE, ELSA, Национальное исследование старшего поколения (НИСП) по программе SHARE в России, основное внимание уделяется вопросу о процессе и этапах старения – физиологического, психологического и социального. Но в качестве ретроспективных данных в них включают информацию о происхождении, основных демографических, образовательных и профессиональных событиях, которые могли бы повлиять на положение человека в старшем возрасте. Отдельные элементы и стороны жизненного пути изучаются на основе лонгитюдных исследований домохозяйств (например, Understanding society в Великобритании, Swiss Household Panel в Швейцарии, CFPS-China Family Panel Studies в Китае, RLMS-HSE в России). В панельных электоральных исследованиях отслеживаются изменения в политических установках и ценностях на протяжении разных, но чаще всего коротких интервалов времени.

¹ Generation and Gender Programme : официальный сайт. Hague, 2023. URL: <https://www.ggp-i.org/> (дата обращения: 10.10.2023).

Отраслевое направление – исследования траекторий в отдельных сферах жизни. Наибольшее внимание и в России, и за рубежом уделялось изучению образовательных и профессиональных траекторий. При этом в России данная линия исследований имеет более длинную историю, чем во многих других странах. Среди наиболее значимых и ярких работ в отечественной социологии – исследования жизненного пути выпускников школ В. Н. Шубкина и исследования «пути поколений» М. Х. Титмы – были сделаны в 1960-х и 1970-х гг. и продолжены в 1980-х и 1990-х гг. В настоящее время это направление продолжает развиваться столь же успешно в проектах и работах Д. Л. Константиновского, Г. А. Чередниченко, в проекте «Траектории в образовании и профессии»¹. В этом направлении исследований выделяется одна сторона жизненного пути и изучается на протяжении длительного промежутка времени (всего жизненного пути или – чаще – его отдельного отрезка). Возникают определённые концептуальные противоречия между идеей целостного взгляда на жизненный путь и потребностями более глубокого изучения отдельных сфер жизни. Сторонники этого направления говорят о том, что хотя сферы жизни, такие как образование, трудовая деятельность, романтические отношения, жилищная сфера взаимно пересекаются, но аналитически их очень полезно рассматривать как отдельные области в целях измерения и сбора данных [11].

Жизненно-событийное направление – демографическое. В этом направлении концептуальной основой является холистический взгляд на жизненный путь, а основное внимание уделяется его структурно-хронологической части. Изучение структуры жизненного пути, его ключевых и поворотных точек, стандартных и индивидуальных событий стало отдельным предметом изучения сначала в демографии, а затем и в социологии. Направление получило также название «календаря жизни», где жизнь представляется как последовательная цепочка событий и периодов. Впоследствии изучение событийной стороны жизни было дополнено рассмотрением нормативных хронологических рамок жизненных событий, взаимосвязи ожиданий, норм и представлений с реальными событиями жизни разных поколений. В исследованиях этого направления было показано, что нормы изменяются во времени, они также неодинаковы в разных обществах и социальных группах [12]. Одним из ключевых дискуссионных вопросов в последние два десятилетия является гипотеза о росте разнообразия и плюрализации в отдельных сферах жизни в современном обществе, в частности – в семейной жизни [13; 14], стандартизации или дестандартизации, индивидуализации

¹ Траектории в образовании и профессии, проект НИУ ВШЭ // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://trec.hse.ru/> (дата обращения: 10.10.2023).

жизненного пути [15]. Одной из наиболее часто обсуждаемых тем является переход во взрослость и маркеры взрослости [16]. Важным импульсом для развития жизненно-событийного направления стало включение модуля «календаря жизни» в две волны крупнейшего сравнительного исследования в Европе – Европейского социального исследования (волна 3-я 2006 г. и волна 9-я 2018 г.)¹. Благодаря этому стало возможным сравнительное изучение процессов и изменений, происходящих во временной и событийной структуре жизни людей в разных европейских обществах, в разных социально-политических условиях. Данные, собранные в Российском социальном исследовании по программе ESS (РСИ), стали эмпирической основой значимых работ этого направления в отечественной социологии [17; 18].

Ценностное направление – исследования трансформации субъективной картины мира, ценностей и установок на жизненном пути. Помимо событийной и статусно-ролевой структуры жизненного пути, отдельным направлением изучения является мир духовного и интеллектуального развития человека, проблемы усвоения, формирования и трансформации ценностей, взглядов, предпочтений на протяжении жизни или её длительного отрезка. Это направление имеет довольно длинную, но совсем нелинейную историю. Её начало можно отнести к работам по стабильности социальных и политических установок 1930-х гг., проводившимся примерно в одно время с работами Элдера. Одной из них является знаменитый «Боннингтонский эксперимент» 1930-х гг., где проверялись гипотезы об устойчивости и изменчивости политических и социальных ценностей, идеологических предпочтений [19]. Однако широкого развития в последующие годы это направление не получило. Фокус исследований переместился на изучение небольших специальных групп на относительно коротких интервалах времени. Влияние ценностей, ожиданий, активной жизненной позиции и образа будущего на последующие достижения изучалось на основе интервью с людьми в подростковом или юношеском

¹ Европейское социальное исследование (ESS) – эмпирический проект для разработки и сбора данных о разных сторонах жизни европейских обществ, один из наиболее часто используемых источников межстрановых данных в социальных науках. Опросы проводятся каждые два года начиная с 2002 года, в проект входят почти все страны Европы, с 2006 года – Россия. Начиная с 2014 года в России исследование проводится как Российское социальное исследование (РСИ) с независимым управлением по программе ESS. Исследование проводится ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) по национальной вероятностной выборке населения 15 лет и старше методом личных интервью по месту жительства, размер выборки в каждую волну от 2000 до 2500 респондентов. Каждая волна исследования включает трендовую часть (повторяющиеся в каждой волне вопросы) и два ротационных модуля, отбираемых на конкурсной основе и разрабатываемых ведущими научными международными коллективами по отдельным темам.

Российское социальное исследование по программе ESS : официальный сайт проекта. Москва, 2023. URL: <http://www.ess-ru.ru/> (дата обращения: 10.10.2023).

European Social Survey : официальный сайт проекта. London, 2023. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 10.10.2023).

возрасте, а затем на основе повторных интервью с респондентами через 5–10 лет (например, проект High School and Beyond в США, исследования социализации школьников в России Н. В. Андреевковой [20]). Лонгитюдных исследований, в которых бы изучался вопрос о стабильности ценностей или социально-психологических характеристик личности на протяжении длительного периода времени, на сегодняшний день мало, а их результаты противоречивы. В некоторых получены доказательства относительной стабильности общей структуры личности и жизненных ценностей на протяжении жизни [21; 22], в некоторых, напротив, показано, что такая стабильность невелика и краткосрочна [23], зависит от страны или культуры [24].

Изучение трансформации ценностной картины мира пошло по направлению использования мониторинговых (трендовых) данных для сравнения межпоколенных изменений – в отличие от лонгитюдных данных, на которых базируются исследования других описанных выше направлений. Ценностные ориентации и ценностные особенности поколений, взаимосвязи ценностных изменений и макросоциальных трансформаций рассматривались в исследованиях Ш. Шварца, М. Рокича, Д. Алвина, в России – Н. И. Лапина, В. С. Магуна и других. Одними из основных причин социальных трансформаций в XX в. называются ценностные изменения между поколениями, возникающие в результате различий в условиях и особенностях социализации. В работах американского социолога Р. Инглхарта обосновывается постепенный переход от материалистических к постматериалистическим ценностям в результате смены поколений [25]. Альтернативные теории отмечают определяющее влияние социально-экономических и политических условий на жизненный путь людей, постепенную и непрерывную трансформацию ценностей и установок как о способе адаптации к изменяющимся условиям и непрерывную возрастную социализацию [26]. Получить научное эмпирическое подтверждение этих теорий довольно сложно из-за медленного и асинхронного процесса социальных изменений макросреды и ценностей на относительно коротких интервалах времени, доступных исследователям. К этому направлению примыкают исследования «поколений» – групп, объединённых общими инфраструктурными и историческими условиями в один и тот же цикл жизненного времени. При этом основным фокусом исследования были и остаются изменения, связанные с замещением возрастных когорт. Проблеме трансформации ценностей на протяжении жизни одного и того же человека или поколения уделено значительно меньше внимания.

Биографическое направление на основе качественных методов. Отдельным направлением исследований, в котором ставится вопрос о трансформации мировоззренческих и жизненно-событийных показателей

на протяжении жизненного пути, являются биографические исследования [27]. В отличие от структурного подхода в жизнесобытийном направлении, в биографических исследованиях жизненный путь (или его отрезок) рассматривается как целостное полотно, включающее мотивы, причины, случайные обстоятельства событий и поступков. Исследования на основе такой методологии развивались в основном в европейской школе социальных наук [28; 29] и были менее популярны в других странах, но в последние годы интерес к ним растёт во всем мире. Блестящей реализацией такого подхода служат работы по анализу поколения, взрослого в 1990-е гг., коллектива под руководством В. В. Семёновой и Д. Берто [30]. В отечественной социологии многие работы в этом направлении включают анализ отдельных отрезков жизненного пути разных социальных и профессиональных групп. Методология исследований этого направления строится на принципах качественных исследований – глубинных биографических интервью, анализе документов и других исторических материалов на малых выборках.

Методология изучения жизненного пути: синхронный и ретроспективный подходы

Вопрос о методологии, которая позволяет провести изучение поставленной научной проблемы, включающей подготовку эмпирических данных и методы анализа, является важнейшей составляющей любого социального исследования, но в исследованиях жизненного пути он становится ключевым. Чаще всего характеристика и классификация исследований основываются на используемых методах – теоретических, лабораторно-экспериментальных (психологических), количественных массовых опросах или качественных методах сбора и анализа информации. Однако различия направлений изучения жизненного пути значительно более глубоки, чем лишь конкретные методы, применяемые для сбора данных. Они связаны с общим методологическим построением исследования. Два методологических подхода, которые мы предлагаем определить как синхронный и ретроспективный, отличаются дистанцией между изучаемым событием и сообщением о событии, что порождает принципиальные различия в изучаемых сторонах жизненного пути, предмете исследований, методах анализа данных и возможностях решений разных исследовательских вопросов и задач. Каждый из этих подходов имеет свою историю, причины возникновения, достоинства и ограничения.

В исследованиях, построенных на синхронной методологии (синхронных исследованиях), измерение проводится в точке, близкой или совпадающей с изучаемым событием, состоянием или процессом. В них речь

идёт о настоящем для респондента и исследователя. Параметрами сравнения и типом анализа служат собранные по эквивалентной схеме данные в разных точках времени. В исследованиях, построенных на ретроспективной методологии (ретроспективных исследованиях), время «события» и время сбора информации могут находиться на определённом временном расстоянии, иногда очень большом, то есть собирается информация о прошлом. Методы получения информации и в синхронном, и в ретроспективном подходе могут быть разные – от количественных до качественных. Но выбор любого из них влияет и даже определяет предметную область и вопросы, которые поддаются изучению, аналитическую стратегию и организационные условия проведения исследования.

Синхронный методологический подход. Наблюдаемый и наблюдающие (респонденты и исследователь) находятся в одном времени, объединены общим историческим, событийным, социальным контекстом. При этом они ограничены знаниями конкретного момента времени, но обладают всей полнотой информации на этот момент. При этом подходе эмпирические данные собираются чаще всего на основе лонгитюдных или мониторинговых (повторных или трендовых) опросов. Надёжность как фактологических (показатели состояния), поведенческих, так и субъективных (чувств, оценок, мнений, предпочтений, установок) данных относительно высока.

Основные ограничения и сложности возникают в области организационных и инфраструктурных аспектов исследования, однако их важность нельзя недооценить, так как нередко именно они служат непреодолимым барьером для осуществления исследовательских процедур и решения исследовательских задач. Одно из таких ограничений – длительность проведения полного цикла исследования. Изучаемое время жизненного пути респондентов (поколения) равно времени реализации проекта по сбору информации и жизненному времени исследователя. Проект, задуманный в одной точке времени, можно полностью реализовать только через несколько десятилетий. Например, в случае Глена Элдера первые данные были получены в 30-х гг. прошлого века, а анализ их стал возможным только через 30 лет – в 1960-х гг. Такая временная протяжённость влечёт за собой целый ряд дополнительных проблем и вопросов – концептуально-смысловых, финансовых и организационных. Наука и социальная жизнь находятся в постоянном развитии; через несколько десятилетий после того, как задумано исследование, меняются проблемное поле, концептуальные подходы, появляются новые теории и опровергаются старые, меняется семантическое поле понятий и терминов. Для проведения такого проекта требуется финансовое обеспечение на протяжении долгих лет либо после длительного перерыва, при этом исследовательская ин-

фраструктура, поддерживающая собранные базы данных и контактную информацию, должна сохраняться. На этапе сбора данных «осыпание» выборки, неизбежное вследствие ухода людей из жизни, географических перемещений, изменений в желании и готовности участвовать в исследовании, часто ведёт к существенному сокращению выборки и её смещениям по важным параметрам. В результате количество лонгитюдных исследований на длинных промежутках времени очень невелико как в России, так и в мире, хотя значение каждого из них трудно переоценить. Синхронных исследований на коротких и средних промежутках времени гораздо больше, однако почти все описанные методические и организационные проблемы им также присущи.

Ретроспективный методологический подход. Информация собирается о прошлом в текущий момент времени, и нет необходимости исследователю проводить жизнь в ожидании результатов много лет, как происходит в синхронных исследованиях. Реконструировать прошлое можно в любой момент времени, используя самые современные на момент исследования средства. Такой подход можно реализовать разными исследовательскими методами. На практике наиболее часто используется качественный метод – глубинные биографические интервью, когда человек вспоминает и рассказывает о разных событиях на жизненном пути. Ретроспективные вопросы включаются также в количественные исследования, например – исследования «календаря жизни»: вопросы о возрасте респондента в то время, когда произошли события, сведения о статусах или состояниях человека в разные моменты времени. Изучение субъективных показателей в ретроспективном формате, например – удовлетворённость жизнью или политические взгляды в разные периоды жизни, происходит нечасто, так как такие данные требуют тестирования и проверки, а их надёжность всегда остаётся под вопросом. В целом в ретроспективных исследованиях вопрос о надёжности измерений стоит очень остро.

Ошибки измерения в ретроспективных опросах можно разделить на «ошибки памяти» и «ошибки контекста». Ошибки памяти проявляются в преувеличении, преуменьшении, изменении направления или интенсивности показателя (поведения, состояния, чувства или оценки) и пропущенной информации – произвольное изменение и пропуск информации из-за того, что респондент физически не помнит, что, как и когда произошло в прошлом, либо помнит неверно. Ошибки контекста возникают из-за влияния конечной точки (настоящего) на восприятие, интерпретацию, оценку или передачу информации о прошлом. Особую проблему ретроспективных опросов представляют даты. Неточность информации о датах событий, произошедших в прошлом, количество пропущенных данных во многих опросах очень велики. Например, в Национальном исследовании старшего

поколения (НИСП) по программе SHARE в России¹, включающем большое количество биографических сведений о самом респонденте и его близких (супруге, детях, внуках, родителях), связанных с датами, предварительное тестирование показало значительное количество пропусков, длительное время ответа на вопрос, обращение к внешним источникам при вопросах о датах. Респонденты использовали разные внутренние подсказки, отсчитывали даты от известных им событий, строили логические цепочки и тем не менее делали ошибки. В исследовании респондентам был представлен выбор: назвать дату (год) события или свой возраст, в котором произошло какое-то событие в их жизни, что в целом расширило возможности для получения ответа. Но полностью решить эту проблему без привлечения документальных, административных или других внешних данных не удаётся. Ретроспективные данные о субъективных показателях (чувствах, оценках, отношении) в целом мало изучены, но их надёжность находится под очень большим вопросом, вплоть до признания полной невозможности получения такой информации.

В поисках новых методов изучения жизненного пути

Рост интереса к проблеме жизненного пути в разных социальных науках и осознание концептуальных, методологических и организационных трудностей, с которыми приходится сталкиваться, ведёт к необходимости поиска новых методов изучения жизненного пути. Одно из направлений поиска – разработка и применение новых статистических методов анализа для такого типа данных: метода последовательного анализа (sequence analysis), статистического моделирования, а также анализа данных с помощью новых методов визуализации.

Другое направление – разработка методики получения информации о событийных и биографических данных в массовых опросах с целью количественного анализа, создание модулей для изучения «демографического жизненного пути», «брачной истории», «образовательной истории», профессиональной биографии, истории здоровья. Такая работа ведётся, например, в рамках SHARE (биографический модуль). В рамках проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е» (П90) был создан и протестирован модуль об истории географической мобильности на протяжении жизни человека². Третьей возможностью является развитие или применение методов, которые до этого редко использовались в массовых опросах или на выборках населения.

¹ Национальное исследование старшего поколения // CESSI : [сайт]. URL: <https://www.cessi.ru/natsionalnoe-issledovanie-starshego-pokoleniya> (дата обращения: 10.10.2023).

² Жизненный путь поколения, взрослого в 1990-е // CESSI : [сайт]. URL: <https://www.cessi.ru/zhiznenniy-put> (дата обращения: 10.10.2023).-

Одним из основных методов изучения жизненного пути как целостного процесса является метод автобиографии. Этот метод хорошо известен в рамках качественной стратегии биографического метода и использовался при анализе жизненного пути отдельных выдающихся людей, элитных или специальных групп – политиков, предпринимателей, артистов, художников. Для изучения жизненного пути широких групп населения автобиографии применялись реже и в основном на малых выборках (от 5 до 50 респондентов, семей, династий), отобранных по принципу «типичности». Но и в этих случаях преимущество оставалось за глубинными биографическими интервью. Способы применения метода автобиографий для изучения жизненного пути на случайных выборках населения до сих пор оставались малоизученными. Апробация метода автобиографий для анализа жизненного пути была проведена в России в рамках проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, выросшего в 1990-е» (П90). Тестирование строилось на случайной выборке 100 представителей одной возрастной когорты 1960–1975 годов рождения как самой молодой группы, которая к настоящему времени прошла основные этапы жизненного пути, из разных социально-демографических, экономических и географических групп. Участники исследования написали свою автобиографию в свободном формате – рукописном, печатном или устном (аудиозапись) – по своему выбору. Каждый из этих форматов предполагает индивидуальную работу респондента без влияния второго лица (интервьюера или исследователя), является гибким по времени – позволяет потратить столько времени на заполнение, сколько респондент считает нужным, даёт возможность редактирования – внесения изменений, дополнений, сокращений. На этапе анализа из текстов были выделены «события», «периоды» и «задачи» и выстроены в хронологическом порядке для каждого респондента. «События» были описаны набором параметров, таких как: время, тип события, является ли событие предметом жизненного выбора, пространство выбора, барьеры, характер выбора, последствия, результаты и другие параметры.

Тестирование показало, что метод автобиографий чувствителен к формату и условиям работы респондента. Значимыми факторами оказались формат автобиографии (рукописный, печатный, устный), название задания-документа (проводились эксперименты с названиями – Автобиография, История жизни, Рассказ о жизни, Моя жизнь), инструкции по заполнению (подробные и короткие, указание на ожидаемую длину текста или отсутствие такого указания). Эти факторы повлияли на полноту информации, отбор событий, стиль текста. В среднем одна автобиография состояла из 720 слов, однако разброс по длине очень велик – от 120 до 1400 слов. Самые «длинные» автобиографии были получены в устном

формате, наиболее короткие – в рукописном. Полнота автобиографий связана с социально-демографическими параметрами респондента: возрастом (самые длинные тексты – в самой молодой группе 50–54-летних, самые короткие – в группе респондентов 70 лет и старше) и образованием (автобиографии людей без высшего образования в среднем в два раза короче, чем людей с высшим образованием). С помощью автобиографий удалось восстановить последовательность событий и периодов на жизненном пути участников, а также получить информацию, которую очень трудно, если вообще возможно, получить другим путём, – увидеть взаимосвязи, причины и мотивационные стимулы разных событий, определить общую траекторию жизни человека (линейная, восходящая, нисходящая, колеблющаяся), субъективную значимость разных событий и сфер жизни. Однако автобиографии существенно отличались по включённым и исключённым событиям, последовательности событий и отнесению их к точному времени, упоминанию чувств и эмоций, причин и мотивов действий и выборов, исторического контекста и макрособытий. Такая неравномерность в полноте данных серьёзно затруднила общий анализ.

Для выравнивания полноты данных потребовалось использование дополнительного метода – глубинных интервью по индивидуальному плану для каждого респондента. В ходе этих интервью ставилась задача дополнить, уточнить, прояснить все неясные или пропущенные события и их характеристики, провести реконструкцию жизненного пути. В результате двухступенчатого подхода была создана база данных со структурированными биографическими данными о респондентах, позволяющая проводить сравнительный анализ. Методическое тестирование показало, что даже в мультимодальном формате из двух методов эффективность для изучения жизненного пути на массовых выборках ограничена. Метод является чрезвычайно трудоёмким, требует индивидуального подхода к каждой автобиографии. Репрезентативность данных снижется из-за более низкого уровня кооперации, чем в основной части опроса. Готовность участвовать в длительной и высокочувствительной к личным аспектам жизни человека исследовательской процедуре не одинакова в разных социальных группах, что приводит к ещё большим смещениям выборки. Готовность к работе над автобиографией ниже среди людей с высоким социальным статусом и уровнем благосостояния, людей со сложной биографией, включающей девиантное поведение или нарушение социальных норм. Пока не до конца решённым остаётся вопрос об этической стороне работы с такими данными в отношении анонимности и конфиденциальности, использования персональных данных в процессе анализа и при публикации данных. Тем не менее богатство исследовательского материала и его уникальные характеристики заставляют искать способы его оптимизации.

Заключение

Опыт последних десятилетий в изучении исследований жизненного пути, который был накоплен в разных областях научных знаний, показал, что поиски эффективных методов изучения этого комплексного динамического процесса находятся в области развития междисциплинарных исследований и мультимодального методологического подхода. Долгое время исследования жизненного пути проводились в разных независимых друг от друга направлениях в разных дисциплинах. К настоящему времени стоит задача постепенной конвергенции этих направлений, перехода к междисциплинарным исследовательским проектам.

Весь предыдущий опыт исследований жизненного пути показывает, что использование как синхронного, так и ретроспективного методологического подхода не позволяет полностью ответить на поставленные вопросы и получить надёжные данные эффективным образом. Такой сложно структурированный предмет исследования может изучаться лишь с использованием комплексного методологического подхода, включающего и синхронные, и ретроспективные методы. Наиболее очевидным является объединение количественных и качественных методов в последовательной цепочке: либо получение основных данных количественными методами, а затем проведение качественного этапа как объяснительного или иллюстративного, либо проведение качественного исследования как эксплоративного, поискового для разработки гипотез, идей и конкретных вопросов, а затем количественного этапа как доказательного и подтверждающего. Но более перспективным сегодня видится интегрированный подход, при котором разные методы не разделены, а «встроены» друг в друга уже на стадии сбора информации. Автобиография в структурированной форме может использоваться как часть количественного онлайн-опроса, либо количественный опрос может быть организован в интерактивном формате, позволяющем синхронно задавать уточняющие вопросы и дополнять недостающую информацию во время поля. Совместное использование разных методов даёт возможность если не избежать, то хотя бы минимизировать недостатки каждого отдельного метода и продвинуться на пути изучения сложной, но столь перспективной темы как жизненный путь разных поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Havighurst R. J. Developmental tasks and education. 3rd ed. NY : Addison-Wesley Longman Ltd, 1972. 119 p. ISBN 978-0679300540.
2. Heckhausen J., Wrosch C., Schulz R. A motivational theory of life-span development // Psychological Review. 2010. № 117 (1). P. 32–60. DOI [10.1037/a0017668](https://doi.org/10.1037/a0017668).

3. Абдульханова-Славская К. А. Диалектика человеческой жизни. М. : Мысль, 1977. 224 с. EDN **WABAXX**. [Abdulkhanova-Slavskaya K. A. Dialectic of human life. Moscow: Mysl; 1977. 224 p. (In Russ.)].
4. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев : Рипол Классик, 1984. 207 с. [Golovakha E. I., Kronik A. A. (Psixologicheskoe vremya lichnosti) Psychological time of personality. Kiev: Ripol Klassik; 1984. 207 p. (In Russ.). ISBN 5458366042].
5. Berne E. Principles of group treatment. Oxford : Oxford University Press, 1966. 400 p. ISBN 978-0195011180.
6. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова ; сост. В. П. Лисенкова. М. : Педагогика, 1980. 232 с. [Ananyev B. G. (Izbranny'e psixologicheskie trudy'. V 2-x t. T. 1. Pod red. A. A. Bodaleva, B. F. Lomova; sost. V. P. Lisenkova) Selected psychological works. Moscow: Pedagogika; 1980. V. 1. 232 p. (In Russ.)].
7. Кон И. С. Социологическая психология. Воронеж : МОДЭК, 1999. 560 с. ISBN 5-89395-106-9. [Kon I. S. (Sociologicheskaya psixologiya) Sociological psychology. Voronezh: MODEK; 1999. 560 p. (In Russ.). ISBN 5893951069].
8. Elder G. H. Jr. Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience. Chicago : University of Chicago Press, 1974. 400 p.
9. Sullivan A., Brown M., Hamer M., Ploubidis G. B. Cohort Profile Update: The 1970 British Cohort Study (BCS70) // *International Journal of Epidemiology*. Vol. 52, № 3. 2023. P. e179–e186. DOI [10.1093/ije/dyac148](https://doi.org/10.1093/ije/dyac148).
10. Elliott J., Shepherd P. Cohort profile: 1970 British Birth Cohort (BCS70) // *International Journal of Epidemiology*. 2006. Vol. 35, № 4. P. 836–843. DOI [10.1093/ije/dyl174](https://doi.org/10.1093/ije/dyl174).
11. Methods of Life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches / Eds. J. Z. Giele, G. H. Elder Jr. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 1998. DOI [10.4135/9781483348919](https://doi.org/10.4135/9781483348919).
12. Settersten R. A., Hägestad G. O. What's the latest? Cultural age deadlines for family transitions // *The Gerontologist*. 1996. Vol. 36, № 2. P. 178–188. DOI [10.1093/geront/36.2.178](https://doi.org/10.1093/geront/36.2.178).
13. Bras H., Liefbroer A., Elzinga C. H. Standardization of pathways to adulthood? An analysis of Dutch cohorts born between 1850 and 1900 // *Demography*. 2010. Vol. 47, № 4. P. 1013–1034. DOI [10.1007/BF03213737](https://doi.org/10.1007/BF03213737).
14. Zimmermann O. Destandardization in later age spans in Western Germany: Evidence from sequence analysis of family life courses // *Advances in Life Course Research*. 2020. Vol. 43. P. 1–15. DOI [10.1016/j.alcr.2019.04.017](https://doi.org/10.1016/j.alcr.2019.04.017).
15. Brückner H., Mayer K. U. De-Standardization of the Life Course: What it Might Mean? And if it Means Anything, Whether it Actually Took Place? // *Advances in Life Course Research*. 2005. Vol. 9. P. 27–53. DOI [10.1016/S1040-2608\(04\)09002-1](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(04)09002-1).
16. Billari F. C., Liefbroer A. C. Towards a new pattern of transition to adulthood? // *Advances in Life Course Research*. 2010. Vol. 15, № 2-3. P. 59–75. DOI [10.1016/j.alcr.2010.10.003](https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003).
17. Захаров С. В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: Представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой / Россия в Европе : по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / А. В. Андреевкова, В. Г. Андреевков [и др.] ; под общ. ред. А. В. Андреевковой, Л. А. Беляевой. Москва : Academia, 2009. С. 347–379. EDN **АУНТКQ**. [Zakharov S. V. (Cennostno-normativny'e

- «raspisanija» chelovecheskoj zhizni: Predstavleniya zhitelej razny'x stran o tom, kogda devushka stanovitsya vzrosloj) Value-normative schedule of human life: views of people from different countries about when a girl becomes an adult. (Rossiya v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo proekta «Evropejskoe social'noe issledovanie». A. V. Andreenkova, V. G. Andreev [i dr.]; pod obshh. red. A. V. Andreev, L. A. Belyaeva) In: Russia in Europe. On materials of cross-national project European value survey. Eds. A. V. Andreenkova, L. A. Belyaeva. Moscow: Academia; 2009. P. 347–379. (In Russ.). ISBN 978-5-87444-344-3].
18. Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 53–82. DOI [10.17323/demreview.v6i4.10427](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427). EDN [GSPFFS](https://elibrary.ru/gspffs). [Mitrofanova E. S. Models of transition of adulthood of different Russian generations. *Demographic review=Demograhizheskoe obozrenie*. 2019;6(4):53–82. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v6i4.10427](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427)].
 19. Newcomb T., Koenig K. E., Flacks R., Warwick D. P. Persistence and change: Bennington College and its students after 25 years. New York : Wiley, 1967. 292 p. ISBN 978-0471633808.
 20. Андреевкова Н. В. Проблема социализации личности // Социальные исследования. Вып. 3. Проблемы труда и личности / Отв. ред. Г. В. Осипов ; АН СССР ; ИКСИ ; ССН. М. : Наука, 1970. С. 38–53. [Andreenkova N. V. (Problema socializacii lichnosti) Issue of socialization of personality. In: Social research. V.3. (Sozialnye Issledovaniya. V.3). Moscow: Nauka; 1970. P. 38–53. (In Russ.)].
 21. Caspi A., Bem D. J. Personality Continuity and Change across the Life Course // Handbook of Personality: Theory and Research / Ed. by L. A. Pervin. N.Y. : Guilford, 1990. P. 549–575.
 22. Biesanz J. C., West S. G., Kwok O-M. Personality over time: methodological approaches to the study of short-term and long-term development and change // Journal of Personality. 2003. Vol. 71, № 6. P. 905–942. DOI [10.1111/1467-6494.7106002](https://doi.org/10.1111/1467-6494.7106002). EDN [EUDBD](https://elibrary.ru/eudbdb).
 23. Roberts B. W., Wood D., Smith J. L. Evaluating Five Factor Theory and social investment perspectives on personality trait development // Journal of Research in Personality. 2005. Vol. 39, № 1. P. 166–184. DOI [10.1016/j.jrp.2004.08.002](https://doi.org/10.1016/j.jrp.2004.08.002).
 24. Chopik W. J., Kitayama S. Personality change across the life span: Insights from a cross-cultural, longitudinal study // Journal of Personality. 2018. Vol. 86, № 3. P. 508–521. DOI [10.1111/jopy.12332](https://doi.org/10.1111/jopy.12332). EDN [VCUNTI](https://elibrary.ru/vcunti).
 25. Inglehart R. F. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton : Princeton University Press, 1990. 504 p. ISBN 978-0691022963.
 26. Brim O. G. Jr., Wheeler S. Socialization after Childhood: Two Essays. New York : Wiley, 1966. 116 p. ISBN 978-0471104186.
 27. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 381 с. ISBN 978-5-7598-0960-9. EDN [SDSRBR](https://elibrary.ru/sdsrbr).
 28. Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. 1983. Vol. 13, № 3. P. 283–293.
 29. Biography and Society / D. Bertaux (ed.). Beverly Hills : Sage, 1981. 309 p. ISBN 0-8039-9800-7.
 30. Судьбы людей: Россия XX век. Биографический метод в социологии / В. Семёнова, Е. Фотеева, М. Малышева [и др.] ; ред. Д. Берто, В. Семёнова, Е. Фотеева. М. : ИС РАН, 1996. 426 с. EDN [VKDFTB](https://elibrary.ru/vkdftb). [Fates of people: Russia XX century. Biographical method in sociology (Sud'by' lyudej: Rossiya XX vek. Biograficheskij metod v sociologii). Eds. D. Bertaux, V. Semenova, E. Foteeva. Moscow: IS RAN; 1996. 426 p. (In Russ.)].

Сведения об авторе

А. В. Андреевкова

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
AuthorID РИНЦ: 259928

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 11.01.2024;
принята к публикации 29.01.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.1

LIFE COURSE STUDIES – CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES AND SOLUTIONS

Anna Vladimirovna Andreenkova

Institute for comparative social research (CESSI),
Moscow, Russia,

Anna.andreenkova@cessi.ru,
ORCHID 0000-0002-6776-7703

For citation: Andreenkova A. V. Life course studies – conceptual and methodological approaches and solution. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):6–24. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.1.

Abstract. Studies of the life course address the fundamental issue of social sciences – understanding the social change, its directions, reasons and perspectives, the interaction of micro- and macro levels of social reality. Studies of life course developed independently in different social sciences and scientific traditions cover a broad range of topics, issues and methodological approaches. These variety of studies were grouped into few major research frameworks: psychological within the studies of personality development; longitudinal sociological focused on life course of different cohorts and comparative studies of generations, social groups, countries and regions; domain-based – studies of trajectories in different life domains; demographic studying the timing of life events; studies of stability and transformation of values and biographical research. The multiple methodological approaches to study the life course are suggested to group in two main categories – concurrent and retrospective which differ by the time distance between the occurrence of an event and the reporting about the event. Concurrent approach is characterized by relatively high reliability of the measurement, but low flexibility in selecting research indicators, long time for the organization of data collection and large financial investments. Retrospective approach provides high flexibility in organization and design of the survey, allows free selection of indicators to test research hypotheses, but the reliability of the data is hampered by the memory errors and context effect. None of these approaches alone can satisfy the needs and requirements of studying the life course and collecting dynamic multi-level

data. The possible solution is to design and test the multimodal approach combining the advantages of different research methods and mitigating their drawbacks. The new long-term longitudinal project “Life course, values and expectations of the generation of 1990s” (G90) included the test of an autobiographical method of data collection for random samples of the general population in quantitative design. The testing revealed high sensitivity of the method to the format (handwritten, printed or oral), high differentiation between respondents in completeness of information and the selection of events included in the autobiography. Supplementing autobiographies by in-depth interviews increased the data standardization, completeness and comparability. The drawbacks of this method found during the survey are high demand for resources for data analysis, individual approach to each autobiography, low respondents’ cooperation in highly demanding tasks, and ethical issues. The future of the life course studies can be found in the convergence of different research frameworks, multidisciplinary research projects, and the application of mixed-model integrated methodology.

Keywords: life course perspective, life events, life trajectories, life course sociology, longitudinal surveys, retrospective survey methods, autobiographies, mixed-mode approach

Acknowledgments: the research was done with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00635 “Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990x – longitudinal survey after 30 years”.

Information about the Author

A. V. Andreenkova

Doctor of sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [AAB-7872-2020](#)

Scopus AuthorID: [56649925300](#)

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 11.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

УДК 316.334; 303.72
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.2
EDN: GWRDZA

Научная статья

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЁЖИ: ФОРМИРОВАНИЕ ТИПООБРАЗУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ МЕТОДОМ НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Галина Галеевна Татарова¹
Анна Владиславовна Чиркова²

^{1, 2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ tatarova-gg@rambler.ru,
ORCID 0000-0001-8580-1752

² chircovaanna@gmail.com,
ORCID 0009-0001-5014-3531

Для цитирования: Татарова Г. Г., Чиркова А. В. Здоровьесберегающее поведение молодёжи: формирование типобразующих признаков методом неоконченных предложений // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 25–61. DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.2. EDN GWRDZA.

Аннотация. В статье актуализируются проблемы типологического анализа молодёжи по характеру здоровьесберегающего поведения, среди них особо выделяются вопросы формирования типобразующих признаков. Это те теоретические конструкты, характеристики, на основе которых происходит отнесение респондента к той или иной типологической группе – носителю определённого социального типа. На роль типобразующих признаков претендуют различные показатели здоровьесберегающего поведения. Их выбор зависит от множества факторов: от специфики изучаемой совокупности, от основания типологии, от цели, ради достижения которой проводится типологический анализ, от накопленного опыта исследовательских практик использования показателей и др. В статье представлены результаты поискового исследования, посвящённого изучению представлений молодёжи о здоровьесберегающем поведении. Исходная методологическая предпосылка заключалась в том, что эвристический потенциал показателей здоровьесберегающего поведения как типобразующих признаков в разных группах молодёжи различен. Правдоподобность этой предпосылки была подтверждена в процессе анализа текстовых данных, полученных методом неоконченных предложений. С опорой на построение пирамид обобщений (по данным опроса трёх возрастных групп молодёжи) были выявлены структурные элементы образа «здоровьесберегающее поведение» (элементарные обоснования, элементы, компоненты), определены доминирующие компоненты. В результате выдвинуты предположения об адекватности тех или иных методических решений при формировании типобразующих признаков.

Ключевые слова: здоровьесберегающее поведение, молодёжь, типологический анализ, типобразующие признаки, метод неоконченных предложений, социальные представления, пирамида обобщений, элементарные обоснования, элементы образа, компоненты здоровьесберегающего поведения

Постановка исследовательской задачи. Эмпирическая база исследования

В контексте социологического измерения действий, активности, установок и мотиваций людей в сфере здоровья исследователи обращаются к множеству понятий, среди которых самосохранительное поведение, здоровый образ жизни, здоровьесберегательные установки, *здоровьесберегающее поведение* (ЗСП). В нашем поисковом исследовании будем придерживаться последнего из этих понятий в роли зонтичного для обозначения вербально выраженного поведения (действий, активностей и др.), адекватного англоязычному «health behavior».

В контексте социологии и психологии здоровья накоплен определённый опыт проведения типологического анализа¹, отражённый как в работах отечественных авторов, так и зарубежных. Существующие подходы к этому виду анализа различаются в зависимости от исследовательской ситуации. Прежде всего, от того, какая совокупность подвергается анализу и что выбирается в качестве *основания типологии*: здоровьесберегающие практики, здоровьесберегательные установки, здоровьесберегательные ориентации, здоровьесберегательные мотивации, представления о здоровом образе жизни. Кроме этого, ситуации отличаются: по концептуальным моделям, отражающим структуру здоровьесберегающего поведения; по совокупности используемых показателей и по способам их измерения; по цели проведения типологического анализа. Сравнительный анализ подходов демонстрирует наличие потребности в совершенствовании не только методов сбора, измерения и анализа данных, но и самого понятийного аппарата, используемого для выстраивания концептуальных моделей типологического анализа (ТА)².

Среди всевозможных теоретико-методических проблем главная роль может быть отведена формированию *типобразующих признаков* (ТП), и это связано с рядом причин. Во-первых, практически все исследовательские практики различаются по числу таких признаков, по спосо-

¹ В ряде публикаций само понятие «типологический анализ» не используется, но предлагаемый в них многомерный анализ (кластеризация, сегментация, типологическая группировка), по сути, направлен на решение задач типологизации.

² В рамках статьи авторы исходят из языковой структуры типологического анализа в трактовке, предложенной в работах Г. Г. Татаровой [1, с. 83; 2, с. 132].

бам их измерения, по логике анализа данных. Тем самым сравнительный анализ результатов типологического анализа в ряде случаев теряет смысл. Во-вторых, даже использование четырёх наиболее изученных показателей (связанных с курением, употреблением алкоголя, питанием и физической активностью) в качестве ТП порождает различные совокупности исходных для анализа переменных, а также разные способы формирования *классификационных признаков* (как правило, это логические индексы, которые подаются на вход *алгоритма классификации*). Несмотря на популярность и универсальность этих четырёх типобразующих признаков, введение эмпирических индикаторов для «питания» или «физической активности» вызывает значительные трудности именно в процессе реализации многомерных представлений. В-третьих, эвристический потенциал каждого из показателей в роли типобразующего признака различен для разных общностей. Это было проиллюстрировано на примере типологического анализа молодёжи [3]. В социологии здоровья идея о том, что для разных групп населения необходимо исходить из различной специфики переменных, не нова [4; 5], но нам неизвестны примеры её использования в процессе типологического анализа.

Рассмотренные причины актуализируют проблемы выявления структуры *социальных представлений* разных групп населения о здоровьесберегающем поведении, определения доминирующих компонентов в таких представлениях (образах), важных для формирования типобразующих признаков, разработки рекомендаций по совершенствованию технологии проведения типологического анализа в массовых опросах. В первой части статьи рассматриваются направления развития таких технологий, во второй – социологическая специфика метода неоконченных предложений, в третьей части представлены результаты поискового исследования, в четвёртой части предложены принципы формирования типобразующих признаков. С опорой на построение пирамид обобщений по данным, полученным методом неоконченных предложений в ходе интервью с молодыми людьми из трёх возрастных групп, выявлены структурные элементы образа «здоровьесберегающее поведение» и определены доминирующие его компоненты, выдвинуты предположения об адекватности возможных типобразующих признаков в трёх возрастных группах молодёжи. Кроме этого, важно было ответить на вопрос о том, насколько адекватны сконструированные нами неоконченные предложения поставленным задачам.

Эмпирическая база исследования состоит из двух частей: данные по молодёжи 15–29 лет 26-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»

(2019 чел., 2017 г.)¹; текстовые данные, полученные методом неоконченных предложений в методическом исследовании (слабоформализованные интервью с 63 представителями трёх возрастных групп проведены в Москве в июне 2023 г.).

Показатели здоровьесберегающего поведения как типобразующие признаки

Типологический анализ может выступать целевой стратегией на разных предметных полях социологии здоровья, включая изучение самосохранительного поведения, определяемого как «система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла и увеличение продолжительности жизни индивида» [6, с. 320], здоровьесберегающего поведения (*health behavior*), исходя из понимания, что это: «явные поведенческие паттерны, действия и привычки, связанные с поддержанием, восстановлением и улучшением здоровья» [7, с. 3]. Во всех случаях на роль *типобразующих признаков* могут претендовать одни и те же показатели. Это сугубо теоретические понятия, на языке которых выстраивается концептуальная модель типологического анализа. Совокупность таких признаков – целостное образование, в процессе перехода на эмпирический уровень она выполняет определённые функциональные роли [1, с. 88–97]. Различение этих ролей (как минимум их три) позволяет структурировать исследовательский процесс и повысить его результативность. Типобразующие признаки участвуют, во-первых, в процессе предварительной типизации (*априорной типологии*) изучаемой совокупности объектов, во-вторых, в процессе введения *основания типологии* и формирования *классификационных признаков* (с помощью которых производится разбиение объектов на группы), в-третьих, являются кандидатами в типобразующие признаки, участвуя в переходе от формальной классификации к содержательной типологии, но при этом не участвуя в самих процедурах разбиения. Большинство методических проблем возникают на этапе формирования классификационных признаков при реализации цепочки: *типобразующие признаки – переменные – классификационные признаки*. Здесь речь идёт о базовых типобразующих признаках, которые описывают основание типологии.

Среди показателей здоровьесберегающего поведения наиболее изученные и претендующие на роль базовых ТП – употребление алкоголя, курение, питание, физическая активность. Идея о том, что измерение этих

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 15.01.2024).

сложных по структуре показателей является методологической проблемой, проиллюстрирована на примере первого из них [8].

Одни и те же типобразующие признаки порождают разные технологии проведения ТА. Отличия могут заключаться в методах измерения (и исходных переменных, и классификационных признаков), в применяемых алгоритмах разбиения изучаемой совокупности на классы (кластеры, сегменты), в способах интерпретации результатов классификации. Вне зависимости от изучаемой совокупности (взрослое население, работающие, молодёжь, студенты и др.) речь идёт о внутренней её дифференциации по характеру ЗСП. При этом за основание типологии, когда изучаемая совокупность – молодёжь, можно принять утверждение о том, что *«два молодых человека похожи по характеру здоровьесберегающего поведения, если в их образе жизни отказ от курения и злоупотребления алкогольными напитками, регулярное питание и физическая активность проявляются приблизительно на одном и том же уровне»* [3, с. 146]. Разумеется, возможны и другие формулировки относительно четырёх базовых типобразующих признаков.

Ниже рассмотрим специфику базовых ТП, используемых в ряде перспективных, на наш взгляд, направлений развития методологии типологизации в области изучения ЗСП. *Первое* из них имеет смысл связать с четырехкомпонентными моделями (ТП: употребление алкоголя, курение, питание, физическая активность)¹ [5; 9; 10; 11; 3]. К этому направлению можно условно отнести и те исследовательские практики, в которых используется меньшее число ТП: курение, употребление алкогольных напитков и физическая активность (изучаемая совокупность – мужское население Великобритании 40–59 лет) [12]; курение, здоровое питание и физические упражнения («употребление алкоголя» исключено из анализа из-за большого количества пропущенных данных; изучаемая совокупность – население Великобритании 16 лет и старше) [13].

Вектор развития четырехкомпонентных моделей в основном направлен в сторону увеличения числа компонентов: добавляются показатели «приём витаминов» (изучаемая совокупность – население России 14 лет и старше) [14]; «соблюдение правил личной гигиены», «прохождение медицинских осмотров» и «умение справиться с эмоциями» [5]; происходит дробление базового показателя, например – «питание» [11], и др. Заметим, что увеличение числа типобразующих признаков обостряет проблему *уровня измерения* классификационных признаков. Подчеркнём, что практически возможны лишь два способа формирования классификационных признаков. Первый связан с дихотомизацией и использова-

¹ Такие модели использовались для изучения только взрослого населения [9; 11], населения старше 12 лет [10] и старше 14 лет [5].

нием бинарных переменных (принимающих два значения в зависимости от наличия/отсутствия заданной характеристики). Второй – со стремлением к пятибалльным шкалам. В содержательном смысле каждый способ порождает собственные методические проблемы, рассмотрение которых не входит в задачи статьи.

Второе направление представлено работами Д. В. Шкурина [15; 16]. Исходные для анализа данные представляют собой значения 19 бинарных переменных, отражающих различные действия и привычки, направленные на сохранение здоровья (исследование ЗСП студенческой молодёжи). Они сформированы по ответам на вопрос с возможностью множественного выбора: «*Что вы предпринимаете, чтобы сберечь своё здоровье?*». Специфика исходных для анализа данных детерминирует выбор алгоритма классификации, но эти проблемы также остаются за рамками статьи. Заметим лишь, что предложенный в упомянутых работах алгоритм затруднительно реализовать на практике.

Два следующих направления связаны с попыткой включить в модели ТА *здоровьесберегательные установки, мотивы заботы о здоровье, ответственность за здоровье и др.*, исходя из того, что отношение к здоровью – одно из центральных понятий социологии здоровья, субъективную сторону которого характеризуют *мотивы деятельности в сфере здоровья* [17, с. 37–40]. В области психологии здоровья мотивация здоровьесбережения рассматривается как одна из составляющих здоровьесбережения – наряду с самооценкой состояния здоровья, здоровьесберегательными установками, системой здоровьесберегающих действий [18]. Задача такого «включения» в массовых опросах может решаться по нескольким схемам, составляющим третье и четвёртое направления развития ТА.

В третьем направлении, представленном в статье А. В. Коряленко, в качестве основания типологии выступают близость, похожесть здоровьесберегательных установок, а выделенные на их основе типологические группы анализируются с позиции распространённости в них практик здорового образа жизни (среди совершеннолетнего населения Вологодской области) [19]. Эти установки: степень заботы о здоровье («*В какой мере Вы заботитесь о своём здоровье?*»); характер мотивации («*Если Вы заботитесь о своём здоровье, то что побуждает Вас это делать?*»); ответственность за здоровье («*Кого Вы считаете ответственным за Ваше здоровье?*»).

Четвёртое направление представлено в работе П. О. Ермолаевой и Е. П. Носковой, в которой описаны три этапа технологии ТА [5]. На первом авторы определяют представления о здоровом образе жизни на основе ответов на вопрос: «*Как Вы считаете, что включает в себя понятие “здоровый образ жизни”?*»? Он задавался в закрытой форме (респонденты могли выбрать неограниченное количество ответов). На втором этапе выявлялись

вредные привычки («Есть ли у Вас личные привычки, которые Вы бы назвали вредными и от которых хотели бы избавиться?»). На третьем формировались типологические группы с учётом оценки состояния здоровья.

К особому направлению (*пятому*) развития технологий ТА можно отнести и возможные исследовательские практики, в которых возникает необходимость «наложения» двух типологических структур. Поясним это для ситуации изучения взаимосвязей ЗСП с субъективным благополучием [20, с. 68–85]. С одной стороны, ЗСП является важным фактором, определяющим субъективное благополучие, с другой стороны, ЗСП – один из компонентов субъективного благополучия. Тем самым векторы развития самой проблематики измерения здоровьесберегающего поведения тесно связаны с проблемами измерения субъективного благополучия. Поэтому может оказаться весьма плодотворной идея «наложения» двух типологических структур. Каждая из них будет получена по разным основаниям типологии, разбиение объектов будет происходить в разных пространствах. В результате наложения определяются *типологические синдромы*¹ – основания для выдвижения гипотез о существовании социальных типов. Важно то, что реализация такой модели возможна при условии разработанности технологии проведения типологического анализа как по субъективному благополучию [21], так и по здоровьесберегающему поведению.

Рассмотренные контексты развития ТА демонстрируют актуальность проблематики изучения адекватности тех или иных показателей ЗСП в качестве типобразующих признаков. Это подтверждают и выводы, полученные в процессе апробации четырёхкомпонентной модели [3]. Они относятся, во-первых, к целесообразности предварительной типизации молодёжи (подростки 15–17 лет; молодёжь 18–24 лет; «молодые взрослые» 25–29 лет), поскольку типологическая структура трёх возрастных групп различается (см. табл. 1–3²). Во-вторых, к эвристическому потенциалу базовых типобразующих признаков в этих группах. В определение уровня здоровьесберегающего поведения представителей всех трёх групп наибольший вклад вносят «курение» и «физическая активность», наименьший вклад – «питание». «Употребление алкоголя» является информативным и позволяет получить различия между классами только для группы молодых взрослых.

¹ Это понятие введено в систему языковых конструкторов ТА для обозначения ситуации, когда по результатам многомерного анализа данных выявляются эмпирические закономерности, которые делают правдоподобным выдвижение гипотезы о существовании социальных типов.

² В таблицах 1–3 [3, с. 150] приведены данные о трёх уровнях проявления ЗСП, они условно обозначены буквами: З – «здоровое поведение», Н – «нездоровое», Р – «рискованное». Для описания каждого класса используется фраза, состоящая из четырёх элементов – в соответствии с компонентами апробированной модели. Например, для большинства объектов из класса З-З-З-РН характерны проявляющиеся на высоком уровне отказ от курения, от злоупотребления алкоголем, регулярное питание, на низком или среднем уровне – физическая активность.

Таблица 1

Типологическая структура в группе подростков 15–17 лет, $n = 415$

З-З-З-РН (44%)		З-З-З-З (49%)		Р-З-З-З (7%)
З-З-З-РН (44%)		З-З-З-З (26%)	З-З-Н-З (23%)	Р-З-З-З (7%)
З-З-НЗ-Н (24%)	З-З-З-Р (20%)	З-З-З-З (26%)	З-З-Н-З (23%)	Р-З-З-З (7%)

Таблица 2

Типологическая структура в группе молодёжи 18–24 лет, $n = 857$

З-З-НЗ-З (42%)	З-З-З-Р (36%)		Р-НЗ-З-Р (22%)	
З-З-НЗ-З (42%)	З-З-З-Р (26%)	З-З-Р-Р (10%)	Р-НЗ-З-Р (22%)	
З-З-НЗ-З (42%)	З-З-З-Р (26%)	З-З-Р-Р (10%)	Р-НЗ-З-З (12%)	Р-З-З-Р (10%)

Таблица 3

Типологическая структура в группе молодых взрослых 25–29 лет, $n = 747$

З-З-З-НЗ (30%)	Р-З-Р-Р (39%)			З-З-З-Р (31%)
З-З-З-НЗ (30%)	Р-РНЗ-З-Р (26%)		Р-З-Р-Р (13%)	З-З-З-Р (31%)
З-З-З-НЗ (30%)	Р-РН-З-Р (18%)	Р-З-Р-З (9%)	Р-З-Р-Р (13%)	З-З-З-Р (31%)

Выявленные закономерности легли в основу методического исследования, в котором был апробирован метод неоконченных предложений для поиска структуры представлений о ЗСП. Сами предложения конструировались с учётом социологической специфики применения этого метода.

Социологическая специфика метода неоконченных предложений

Тест на завершение предложений может выступать в роли самостоятельного метода исследования и поэтому его правомерно обозначать как *метод неоконченных предложений* (НП). Отечественный опыт использования метода достаточно богат. В 1980–1983 гг. группой В. Б. Олышанского было проведено исследование, в котором использовалась методика изучения социальных представлений о личных жизненных проблемах человека, социальной структуре общества и стратегии жизненного успеха [22; 23].

Значительный вклад в разработку методических проблем применения метода НП связан с выделением социологической специфики его использования [24; 25; 26; 1, с. 153–179]. Обратим особое внимание на три состав-

ляющие. *Во-первых*, эта специфика касается целесообразности выделения как минимум трёх различных стратегий применения метода в социологии, особенно важных с позиции логической организации анализа текстовых данных. В рамках первой метод является вспомогательным инструментальным средством, играет роль открытых вопросов, поэтому достаточно часто применяется в массовых опросах в виде одиночных предложений. В рамках второй стратегии он используется для создания средства измерения представлений, образов. В этом случае конструируется совокупность НП, поля поисков ответа в них пересекаются, что позволяет уловить все структурные элементы изучаемого представления (образа). В рамках третьей – также используется совокупность НП, но, в отличие от второй стратегии, она организована так, что отдельные части предназначены для изучения представлений о разных сторонах жизнедеятельности.

Во-вторых, в социологических исследованиях в процессе конструирования НП важную роль играет «манипуляция» шириной поля поиска ответа. Каждое начало предложения задаёт респонденту рамки (поле) поиска ответа. Эти рамки, с одной стороны, не должны быть очень узкими, чтобы не возникала угроза получения очевидных ответов, социально желательных. С другой стороны, рамки не должны быть очень широкими, чтобы избежать большого числа иррелевантных ответов.

В-третьих, к социологической специфике относим построение *пирамиды обобщений* – логическую организацию процесса анализа текстовых данных. Теоретически она включает в себя переход от *элементарных обоснований к элементам*, от них – к *компонентам* и завершается процесс введением *структурных показателей* изучаемых представлений и образов. Эти показатели дают возможность перехода к формализованным многомерным методам анализа. В реальных исследованиях возникает вопрос о том, какими уровнями обобщений будет ограничен анализ текстовых данных. Ответ на него зависит от цели исследования, от степени многообразия ответов респондентов, от специфики самого измеряемого феномена.

Одна из важных целей построения пирамиды обобщений в социологии – типологический анализ респондентов по характеру представлений об образе измеряемого социального феномена. Тогда в структуре образа выделяют ядро и периферию – в зависимости от степени «интенсивности» компонентов в образе, которую целесообразно измерять по порядковой шкале с четырьмя градациями (отсутствие компонента, слабая выраженность, средняя выраженность, сильная выраженность). Степени интенсивности компонентов играют роль формально заданных классификационных признаков для деления респондентов на классы по близости ядер образов. Различение «ядра» и «периферии» образа направлено

на преодоление трудностей, связанных с нестабильностью многих получаемых количественных значений показателей.

Опыт социологического использования метода НП включает в себя такие примеры, как измерение установок на успех [27], описание феномена одиночества [28], образа города [29], выявление социальных представлений об образах террориста [30] и коррупционера [31].

В рамках поискового онлайн-исследования «Здоровьесберегающее поведение студентов», проведённого в 2017 году и охватившего 124 студента – пользователя социальной сети «ВКонтакте», одним из авторов статьи была апробирована первая стратегия использования метода НП [32]. В инструментарий было включено шесть НП, играющих роль открытых вопросов. Понятие «здоровьесберегающее поведение» операционализировали с помощью конструкта «забота о здоровье», который отражается в видах деятельности, непосредственно связанных со здоровьем [17, с. 65]. Пять неоконченных предложений были направлены на поиск факторов, способствующих и препятствующих заботе о здоровье. В некоторых из них обращались к личному опыту респондентов, в иных – к их социальным представлениям. И ещё одно НП использовалось для выявления личного опыта употребления алкоголя. Выбор последнего обусловлен данными о том, что «алкоголь укоренился в вузовской системе на протяжении последних десятилетий в виде традиции», и что «именно употребление алкоголя является самой распространённой вредной привычкой» среди студентов [33, с. 115].

Результаты рассматриваемого поискового исследования были использованы и в процессе конструирования неоконченных предложений для измерения представлений о ЗСП в трёх возрастных группах молодёжи. В частности, исходили из отказа от «заботы о здоровье» – конструкта, указывающего на непосредственную связь со здоровьем и потому в большей мере способного формировать сознание – в пользу «здорового образа жизни». Данный конструкт понятен информантам, в отличие от исследовательского «здоровьесберегающего поведения».

При подготовке инструментария исследования важно было предложить такие формулировки НП, которые в идеале способствовали бы «кооперации» исследователя и информанта, непременное условие которой – соблюдение *принципа четырёх максим*. В виде четырёх максим исследователи опросных методов, например, в работе [34, с. 74], представляют скрытые допущения, которыми руководствуются информанты как в ситуации опроса, так и в повседневном общении. Максима *качества* заставляет информанта давать только те ответы, которые, с его точки зрения, не являются ошибочными или неадекватными. Максима *связи* означает, что информант должен дать ответ, имеющий отношение, по его мнению, к целям опроса. Максима *количества* препятствует формированию ответов, перегруженных избы-

точной информацией. Максима *хороших манер* диктует необходимость выражаться понятно, избегая туманных, двусмысленных или многословных ответов. Приведённые максимы являются ключевыми в понимании того, как информанты догадываются о целях вопросов [34, с. 74]. Поскольку метод НП представляет собой способ «мягкого» измерения показателей здоровьесберегающего поведения, цель того или иного НП может быть не всегда ясна информанту и максимы способны ограничивать информанта или, напротив, помогать ему, когда он завершает предложение.

В исследовании использовалась смешанная стратегия (сочетание первой и второй стратегий) применения метода НП, в инструментарий интервью были включены следующие неоконченные предложения:

Для меня вести здоровый образ жизни означает... (1)

Для меня вести здоровый образ жизни – это, в первую очередь... (2)

Я буду считать, что веду здоровый образ жизни, если... (3)

Сложнее всего в здоровом образе жизни... (4)

Чтобы вести здоровый образ жизни, надо... (5)

Я задумываюсь о здоровом образе жизни, когда... (6)

Согласно второй стратегии применения метода, поля поиска ответа в использованных неоконченных предложениях пересекаются, чтобы наиболее полно выявить структурные элементы образа «здоровьесберегающее поведение». Преимущественно на эту цель работают первые три НП. Предложения № 4 и № 5 нацелены также на определение факторов, препятствующих и способствующих здоровьесберегающему поведению соответственно, а предложение № 6 – на поиск факторов, побуждающих информантов задуматься о здоровьесберегающем поведении. В данной статье ограничимся анализом первых пяти НП, поскольку цель нашего исследования – выявление представлений молодёжи о структуре ЗСП для формирования типобразующих признаков.

Формулировки неоконченных предложений № 4 и № 5 обусловлены стремлением не ограничивать информантов. Предполагалось, что они будут давать ответы исходя из своего понимания целей именно этих НП. Анализ показал, что окончания предложений № 4 и № 5 преимущественно служат источником для выявления элементов образа ЗСП. Полученные ответы в основном указывают на поведенческие практики, например: *«...не есть чрезмерное количество переработанного красного мяса»*¹.

¹ По-видимому, указания на различные поведенческие практики приобретают большую значимость в ответах информантов 15–19 лет. Об этом свидетельствуют и результаты использования НП № 6: по группе 15–19-летних получены такие элементарные обоснования, как «...выбираю продукты в магазине», «...оплачиваю абонемент в спортзал», «...решаю, чем бы занять себя в свободное время», «...иногда бегаю по утрам», «...выхожу на природу». Информанты 20–29 лет практически не давали подобных ответов. В целом же представителями всех трёх групп в продолжение НП № 6 по большей части даны ответы, указывающие на их физическое состояние.

Такой ответ, как «...из-за работы не всегда получается систематически питаться», может быть проинтерпретирован и как фактор, препятствующий здоровьесберегающему поведению (работа), и как неотъемлемая его часть (систематическое питание). Лишь некоторые информанты указывали на то, что мешает или помогает им придерживаться ЗСП, например: «...дисциплина», «...иметь достаточно средств», «...иметь много времени» и др. Из этого можно сделать вывод о том, что если в массовом опросе поставлена цель поиска факторов, способствующих и препятствующих ЗСП, то необходимо использовать неоконченные предложения с более узким полем поиска ответа.

Сходства и различия представлений о здоровьесберегающем поведении в трёх возрастных группах молодёжи

Текстовые данные, составившие вторую часть эмпирической базы исследования, были собраны с помощью раздаточных анкет в завершение слабоформализованных интервью, посвящённых образу жизни молодёжи и её отношению к здоровью. Информанты – по 21 представителю трёх возрастных групп: 15–19, 20–24 и 25–29 лет. В процессе их отбора, с одной стороны, стремились к максимальному разнообразию, с другой стороны, контролировали несколько параметров с тем, чтобы иметь основания для сравнения трёх групп. В каждой возрастной группе опрошено по 11 мужчин и 10 женщин. Среди опрошенных 20–24 лет не состоят в официальном (зарегистрированном) браке 19 человек, среди опрошенных 25–29 лет – 17 человек. В третьей возрастной группе не имеют детей 17 человек. В первой группе учатся / учатся и работают 20 человек, во второй группе – 15. Среди представителей третьей группы 18 человек работают / учатся и работают.

Интервью проводились с молодыми людьми, которых в целом можно охарактеризовать как благополучных, не имеющих значительных девиаций в поведении, связанном со здоровьем. Тем не менее считаем правомерным поставить задачу выявления схожести и различия *структуры представлений* о ЗСП в этих трёх группах. Проводить сравнение целесообразно на уровне элементов и компонентов в представлениях об образе ЗСП.

Принцип построения пирамиды обобщений аналогичен и для других неоконченных предложений. На первом этапе анализа тексты окончаний НП делятся на *элементарные обоснования* – неделимые части текста. На втором этапе, цель которого – выявление *элементов образа* «здоровьесберегающее поведение», элементарные обоснования, схожие по смыслу, объединяются в группы. Поскольку число элементов значи-

тельно и на их основе трудно уловить структуру образа, необходим третий этап, на котором элементы с общей смысловой направленностью объединяются в *компоненты*.

В таблицах 4–6 представлены результаты объединения элементарных обоснований (ЭО) в элементы по данным, полученным с помощью НП № 1–4 для каждой из трёх возрастных групп. В этих таблицах в последнем столбце приводятся доли элементарных обоснований, вошедших в элементы, в общем числе ЭО: для 15–19-летних по окончаниям предложений было выявлено 197 элементарных обоснований, для 20–24-летних – 209, для 25–29-летних – 162. В анализ включены только те ЭО, которые характеризуют ЗСП. Анализ факторов, способствующих или препятствующих ЗСП, не входит в задачи статьи.

В процессе анализа текстов, полученных с помощью метода неоконченных предложений, возникает ряд взаимосвязанных между собой методических сложностей. Проиллюстрируем их на примере данных, представленных в таблицах 4–6.

Таблица 4

Схема объединения элементарных обоснований в элементы,
НП № 1–4, молодёжь 15–19 лет

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Правильное, здоровое, полезное питание	«...буду кушать правильную еду», «...есть здоровую пищу», «...здоровое питание», «...питание», «...питаться правильно», «...правильно питаться и не срываться», «...следить за своим питанием», «...слежу за своим телом с точки зрения питания», «...соблюдать здоровое (правильное) питание», «...употребление в пищу только правильных продуктов», «...употреблять полезную еду», «...хоть немного следить за питанием»	20,3
Спортивные занятия	«...буду заниматься спортом в своё удовольствие», «...буду регулярно заниматься спортом», «...заниматься спортом», «...занимаюсь зарядкой по утрам», «...занятие различными видами спорта», «...поддерживать организм в тонусе, занимаясь активными видами спортивной деятельности», «...слежу за своим телом с точки зрения спорта», «...спорт», «...уметь пересилить себя в занятии спортом», «...буду регулярно посещать спортивный зал», «...начать регулярно посещать спортзал», «...приходить к стабильно регулярным тренировкам», «...я занимаюсь гимнастикой»	14,2

Продолжение таблицы 4

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Физическая активность	«...буду заниматься физической активностью», «...быть активным», «...быть активным человеком», «...вести активный образ жизни», «...высокая физическая активность», «...заставить себя перестать лежать на кровати и начать делать что-то», «...поддержание физической активности», «...постоянно нахожусь в движении», «...регулярно заставлять себя двигаться, а не лежать в мягкой постели», «...регулярные физические нагрузки», «...физическая активность»	7,1
Забота о себе, о своём здоровье	«...буду поддерживать здоровье», «...забота о своём здоровье», «...забота о себе», «...поддержание здоровья», «...поддерживать баланс между преувеличением проблем и реальным адекватным слежением», «...следить за здоровьем», «...следить за своим здоровьем», «...следить за собой», «...следить и ухаживать за своим здоровьем», «...следить за своим физическим здоровьем», «...уделять время физической составляющей своего организма»	6,1
Поддержание хорошего самочувствия и бодрости, отсутствие проблем со здоровьем	«...каждый день буду чувствовать себя бодро», «...чувствовать себя полным сил», «...поддерживать своё хорошее самочувствие», «...делать всё, чтобы самочувствие не испортилось», «...буду хорошо себя чувствовать», «...буду чувствовать себя здорово в физическом плане каждый день», «...чувствую себя хорошо физически», «...не буду болеть», «...не имею проблем со здоровьем», «...не ощущать недомогания», «...не чувствую дискомфорта и боли»	5,6
Забота о своём теле, о внешности, соблюдение правил гигиены	«...соблюдать режим гигиены», «...буду заниматься укреплением мышц», «...внешне ухаживать за собой», «...забота о своём теле», «...заботиться о своём теле», «...поддерживать себя в форме», «...прислушиваться к своему телу», «...буду хорошо выглядеть», «...моя физическая форма улучшится»	4,6
Контроль над здоровьем, прохождение медицинских осмотров, посещение врачей	«...вовремя проходить медицинский осмотр», «...мониторинг своего здоровья», «...наблюдаться у врача», «...по возможности проверяться у врачей», «...следить за жизненными показателями», «...буду регулярно посещать врачей», «...посещать врачей», «...своевременный визит к врачам»	4,6

Продолжение таблицы 4

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Отсутствие алкоголя, умеренное употребление алкоголя, сокращение употребления алкоголя	«...буду меньше пить», «...не пить», «...не пью», «...отсутствие алкоголя», «...отсутствие вредных привычек (употребление алкоголя)», «...пить в меру», «...редкое употребление алкогольных напитков»	4,1
Отсутствие сигарет, сокращение числа выкуриваемых сигарет	«...буду меньше курить», «...не курить», «...не курю», «...отсутствие в жизни сигарет», «...отсутствие вредных привычек (курение)», «...отсутствие курения»	4,1
Здоровый сон	«...буду высыпаться», «...начну соблюдать режим сна», «...нормализую режим сна», «...нормированно спать», «...придерживаться режима сна», «...соблюдать режим сна»	3,6
Проведение досуга на свежем воздухе	«...бег на свежем воздухе», «...выделять время на прогулки», «...прогулки», «...чаще буду гулять с друзьями», «...активный отдых на природе», «...много гулять на свежем воздухе», «...свежий воздух»	3,6
Ограничение употребления вредной пищи	«...буду меньше употреблять вредной пищи», «...из-за работы не всегда получается систематически питаться, бывают быстрые и бесполезные перекусы», «...не есть фастфуд», «...ограничивать себя в том плане, что не кушать много фастфуда и вредной еды», «...откажусь от газировок и фастфуда», «...отказаться от вредной пищи»	3,0
Поддержание душевного благополучия, любовь к себе	«...моё психическое здоровье улучшится», «...моё эмоциональное здоровье улучшится», «...следить за своим ментальным здоровьем», «...сохранение психологического здоровья», «...чувствую себя хорошо ментально», «...любовь к себе»	3,0
Отсутствие вредных привычек	«...не буду иметь плохие привычки», «...не иметь вредных привычек», «...отсутствие вредных привычек»	2,0
Систематическое, умеренное питание	«...соблюдать диету», «...составлю свой рацион питания», «...считать калории», «...соблюдать режим питания»	2,0
Систематический отдых	«...больше отдыхать от работы», «...не забывать отдыхать», «...систематический отдых»	1,5
Соблюдение режима дня	«...вести чёткий распорядок дня», «...соблюдение режима дня»	1,5

Окончание таблицы 4

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Ограничение экранного времени	«...ограничение себя в интернете, т. к. из-за него портится зрение», «...отказаться от интернета»	1,0
Отсутствие наркотических веществ	«...не употреблять вредные вещества», «...отсутствие вредных привычек (употребление наркотических веществ)»	1,0
Приём витаминов	«...витамины»	1,0

Таблица 5

Схема объединения элементарных обоснований в элементы,
НП № 1–4, молодёжь 20–24 лет

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Правильное, здоровое, качественное питание	«...у меня здоровые пищевые привычки», «...буду есть здоровую пищу», «...буду правильно питаться», «...здоровое питание», «...качественно питаться», «...нормализовать своё питание», «...питание», «...правильно питаться», «...правильное питание», «...придерживаться правильного питания», «...приобрести курс и питаться правильно», «...следить за питанием», «...следить за правильным питанием», «...следить за своим питанием», «...следить за тем, чем питаешься», «...соблюдать питание», «...соблюдать правильное питание», «...соблюдение здорового питания», «...соблюдение правильного питания», «...я буду правильно питаться», «...я буду хорошо питаться»	18,7
Спортивные занятия	«...2–3 раза в неделю заниматься спортом», «...буду больше заниматься каким-либо спортом, чтобы он оказывал положительное влияние», «...заниматься любым спортом / физической активностью: танцы, плавание, акробатика и т. д.», «...заниматься спортивной активностью регулярно», «...заниматься спортом», «...заниматься спортом (активностью)», «...заниматься спортом (бег, плавание и т. д.)», «...заниматься физкультурой», «...занятия спортом», «...заставить себя пойти на тренировку зимой и (или) после работы», «...наличие спорта», «...понимаю, что нужно больше времени уделять спорту», «...постоянно заниматься спортом», «...построить комфортный	

Продолжение таблицы 5

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
	график занятий и соблюдать его», «...регулярно заниматься спортом», «...регулярное посещение спортивных мероприятий», «...смогу найти время на занятия спортом», «...соблюдать режим тренировок», «...спорт», «...проводить ежедневную зарядку», «...регулярное посещение тренажёрного зала», «...я хожу в зал»	18,2
Забота о своём теле, о внешности, соблюдение правил гигиены	«...буду комфортно себя чувствовать в своём теле физически», «...быть в гармонии со своим телом», «...внешне буду стройной», «...заботу о своём теле», «...моё тело чувствует себя хорошо», «...последовательно заботиться о своём организме», «...регулярно заботиться о своём организме», «...следить за своим внешним видом», «...следить за своим физическим состоянием», «...следить за тем, чтобы оставаться в форме», «...слушать свой организм», «...соблюдать гигиену», «...ухаживать за своим телом»	6,2
Отсутствие алкоголя, умеренное употребление алкоголя, прекращение употребления алкоголя	«...брошу пить», «...в первую очередь не буду пить много алкогольных напитков», «...знать, что в моём организме нет вредных веществ (алкоголь)», «...избегать употребления алкоголя», «...не злоупотреблять алкоголем», «...не иметь вредных привычек (алкоголь)», «...не пить», «...перестану пить»	4,8
Отсутствие сигарет, прекращение курения	«...брошу курить», «...в первую очередь, не буду курить», «...для меня бросить курить», «...знать, что в моём организме нет вредных веществ (никотин)», «...не иметь вредных привычек (курение)», «...не курить»	4,8
Здоровый сон	«...буду соблюдать режим сна», «...вовремя ложиться спать», «...вовремя просыпаться», «...соблюдать график сна», «...соблюдать режим сна», «...сон», «...спать не менее 8–9 ч. в день»	4,3
Поддержание хорошего самочувствия, бодрости и лёгкости, отсутствие проблем со здоровьем, сбережение здоровья	«...беречь своё здоровье», «...буду чувствовать себя легко, свободно», «...моё здоровье будет в порядке», «...не буду чувствовать себя плохо», «...не допускать появления болезней и осложнений в организме», «...поддержание своего здоровья на высоком уровне», «...следить за тем, что делаешь для того, чтобы чувствовать себя достаточно хорошо», «...я полна сил», «...я редко болею»	4,3

Продолжение таблицы 5

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Прохождение медосмотров, посещение врачей	«...в целом проверять состояние организма», «...посещать плановые осмотры с медицинской точки зрения», «...посещаю врачей», «...посещение врачей», «...проверки здоровья», «...проверяться в больнице», «...проходить диспансеризацию», «...проходить медосмотры», «...регулярная проверка у врача»	4,3
Соблюдение режима дня	«...придерживаться распорядка, который позволит избежать преждевременных проблем со здоровьем», «...рационально распределяю время», «...режим, ведь без него никуда», «...следить за распорядком дня», «...следить за своим распорядком дня», «...соблюдать режим дня», «...соблюдение режима», «...создам себе режим»	4,3
Ограничение употребления вредной пищи	«...испытывать соблазн съесть что-то вредное больше, чем требуется», «...не есть вредную пищу», «...не есть чрезмерное количество переработанного красного мяса», «...ограничить себя в фастфуде», «...отказаться от жирного, мучного», «...перестану есть много сладкого», «...употреблять меньше фастфуда»	3,3
Отсутствие вредных привычек	«...воздерживаться от вредных привычек», «...не злоупотреблять вредными привычками», «...не иметь вредных привычек», «...нет вредных привычек», «...отказаться от вредных привычек»	3,3
Систематическое питание	«...вовремя пообедать на работе», «...дальше уже стоит придерживаться плана спортивного питания», «...найду себе подходящую диету и буду её придерживаться», «...регулярно питаться», «...соблюдать режим питания», «...я буду регулярно питаться»	3,0
Забота о себе, о своём здоровье	«...заботу о своём физическом здоровье», «...нужно следить за собой», «...следить за здоровьем», «...следить за своим здоровьем каждый день», «...ухаживать за своим здоровьем»	2,4
Поддержание душевного благополучия, гармонии души и тела	«...буду комфортно себя чувствовать в своём теле морально», «...заботу о своём ментальном здоровье», «...не иметь ментальных расстройств, которые я не вылечил», «...поддержание своего психического состояния на высоком уровне», «...следить за своим ментальным состоянием»	2,4

Окончание таблицы 5

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Проведение досуга на свежем воздухе	«...иногда гулять», «...также ходить на прогулки», «...не сидеть дома и смотреть в окно», «...больше находиться на природе», «...по большей степени проводить время на улице, а не сидеть дома»	2,4
Физическая активность	«...активный образ жизни», «...больше двигаться», «...заниматься физическими нагрузками», «...поддерживать высокую физическую нагрузку», «...уделять определённое количество времени физической нагрузке в соответствии со своим образом жизни»	2,4
Сбалансированное питание	«...сбалансированно питаться», «...сбалансированный состав продуктов», «...чтобы было всё сбалансированно», «...стараться употреблять в пищу фрукты/овощи»	2,0
Систематический отдых	«...не работать более 8–9 ч. в день»	0,5
«Соблюдение баланса» в жизни	«...следить за балансом между работой и другими сферами жизни»	0,5

Таблица 6

Схема объединения элементарных обоснований в элементы,
НП № 1–4, молодёжь 25–29 лет

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Правильное, здоровое питание	«...здорово питаться», «...кушать вкусно и по возможности здорово», «...смогу ввести в ежедневную рутину и вести на постоянной основе правильное питание», «...соблюдать правильное питание», «...правильно питаться», «...правильное питание», «...придерживаться правильного питания, т. к. не всегда есть возможность брать с собой домашнюю еду, не во всех ресторанах есть здоровая пища без лишних добавок», «...придерживаться правильного питания, т. к. довольно затруднительно подсчитывать белки, жиры и углеводы»	10,5
Спортивные занятия	«...активно заниматься спортом», «...буду заниматься спортом», «...быть спортивным», «...заниматься спортом», «...заниматься спортом, но пока не могу себя заставить приступить к тренировкам», «...заниматься спортом, т. к.	

Продолжение таблицы 6

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
	не всегда хватает времени из-за работы», «...посещать спортзал, бассейн», «...смогу ввести в ежедневную рутину и вести на постоянной основе спорт», «...смогу поддерживать занятия спортом», «...хожу в зал», «...я буду несколько раз в неделю заниматься спортом»	8,6
Отсутствие вредных привычек, избавление от вредных привычек и зависимостей	«...сдерживаться от вредных привычек», «...не иметь вредных привычек», «...бросить вредные привычки», «...брошу вредные привычки», «...брошу все вредные привычки», «...избавиться от зависимостей», «...окончательно брошу вредные привычки», «...противостоять вредным привычкам», «...откажусь от вредных привычек», «...отказ от вредных привычек», «...отказаться от вредных привычек», «...у меня не будет вредных привычек»	8,0
Поддержание хорошего самочувствия и бодрости, отсутствие проблем со здоровьем, улучшение здоровья, развитие выносливости	«...буду хорошо себя чувствовать», «...буду чувствовать себя хорошо», «...делать вклад в своё долголетие и счастливое будущее», «...если буду чувствовать себя энергичной, продуктивной и активной», «...не иметь различные болезни», «...продление своей жизни», «...профилактика заболеваний», «...улучшение своего здоровья», «...хорошее самочувствие», «...я буду хорошо переносить физическую нагрузку», «...я буду хорошо себя чувствовать», «...я нормально себя чувствую»	7,4
Забота о себе, о своём здоровье	«...буду каждый день следить за собой», «...следить за здоровьем», «...следить за своим здоровьем», «...следить за своим физическим здоровьем», «...следить за своим физическим состоянием», «...следить за собой», «...смогу поддерживать паттерны заботы о себе», «...поддерживать своё физическое здоровье», «...поддержание своего здоровья», «...поддерживать постоянство в заботе о себе»	6,2
Поддержание душевного благополучия, личное и семейное счастье	«...быть счастливым», «...внутреннее состояние будет приближено к идеальному по меркам здоровья», «...внутренний мир», «...душевный покой», «...отталкиваться от своего ментального состояния», «...поддерживать своё ментальное здоровье», «...радость моей семьи»,	

Продолжение таблицы 6

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
	«...следить за своим ментальным здоровьем», «...следить за своим ментальным состоянием», «...следить за состоянием здоровья: положительный эмоциональный фон»	6,2
Забота о своём теле, о внешности, соблюдение правил гигиены	«...буду выглядеть хорошо», «...внешнее состояние будет приближено к идеальному по меркам здоровья», «...находиться в хорошей спортивной форме», «...поддерживать физическое состояние в состоянии комфорта, но без переутомления», «...следить за своим внешним видом», «...соблюдать личную гигиену», «...у меня спортивное тело», «...физическое состояние на сто лет»	4,9
Здоровый сон	«...буду вовремя ложиться спать», «...достаточно спать», «...иметь постоянное время подъёма и отхода ко сну (раннее)», «...иметь правильный режим сна», «...рано вставать и ложиться спать», «...следить за состоянием здоровья: здоровый сон», «...смогу ввести в ежедневную рутину и вести на постоянной основе режим сна», «...хорошо высыпаться», «...я буду спать достаточное количество часов»	4,9
Отсутствие сигарет, прекращение курения, сокращение числа выкуриваемых сигарет	«...бросить курить», «...брошу курить», «...буду меньше курить (в идеале брошу)», «...не курить», «...не курю», «...отказаться от курения, т. к. я это делаю с 18 лет, мне сложно это сделать», «...отказаться от табака»	4,9
Контроль над здоровьем, прохождение медосмотров, посещение врачей	«...вести мониторинг здоровья у специалистов», «...контролировать своё здоровье», «...мои показатели ИМТ, АД, ЧСС будут находиться в целевых диапазонах», «...отслеживание своего здоровья», «...регулярно посещать врачей», «...регулярно сдавать анализы», «...следить за здоровьем (регулярно проходить медосмотры)»	4,3
Физическая активность	«...быть активным», «...быть подвижным», «...заниматься физической активностью», «...иметь физическую активность на регулярной основе», «...следить за состоянием здоровья: придерживаться физической активности», «...физическая активность»	4,3

Окончание таблицы 6

Элементы	Типичные элементарные обоснования	Доля ЭО, %
Ходьба, проведение досуга на свежем воздухе	«...часто быть на свежем воздухе», «...отдыхать на природе», «...буду проходить в день более 10 000 шагов», «...включить в свою жизнь прогулки на свежем воздухе», «...много ходить», «...проводить время на свежем воздухе»	3,7
Отказ от употребления вредной пищи	«...отказаться от вредной пищи», «...отказаться от некоторой еды», «...отказаться от тех или иных привычных вещей (сладкого, мучного, жареного, солёного)», «...питаться без фастфуда», «...с лёгкостью смогу отказаться от вредных продуктов питания»	3,1
Отсутствие алкоголя	«...не пить», «...не пью алкоголь», «...не употреблять алкоголь»	2,5
Систематическое питание	«...буду питаться не менее 3 раз в день», «...планирование – рациона питания», «...следить за состоянием здоровья: придерживаться диеты»	1,9
Соблюдение режима дня	«...планирование – распорядка дня», «...режим дня», «...смогу соблюдать правильный режим дня»	1,9
Учёт физического состояния	«...изучать свой организм и выбирать для него лучшее», «...отталкиваться от своего физического состояния», «...прислушиваться к своему организму»	1,9
Систематический отдых	«...достаточно отдыхать», «...часто отдыхать»	1,2
«Соблюдение баланса в жизни»	«...баланс, который отражается на всех сферах жизни», «...соблюдать баланс здоровой и радостной жизни»	1,2
Сбалансированное питание	«...иметь сбалансированный рацион питания»	0,6
Закаливание	«...закаляться»	0,6

Первая сложность относится к тому, насколько детализированно необходимо анализировать текстовые данные. Например, типичные ЭО «...составлю свой рацион питания» и «...считать калории» могут образовывать разные элементы, если перед исследователем стоит задача глубокого изучения практик питания.

Вторая сложность заключается в низкой информативности некоторых элементарных обоснований, которые представляются важными. Так, неясно, какой смысл вкладывают информанты в ЭО: «...правильно питаться», «...противостоять вредным привычкам» (речь идёт об отказе от уже имеющихся вредных привычек?), «...не пить» (не злоупотреблять алкогольными напит-

ками или полностью отказаться от их употребления?). Для преодоления этой сложности целесообразны манипуляции с шириной поля поиска ответа, апробация различных формулировок НП в ходе методических экспериментов.

Вторая сложность приводит к *третьей*, связанной с допущениями, которые делает исследователь, анализируя текстовые данные. Стремлением избежать излишней детализации при анализе продиктованы решения включить в состав одного компонента элементы «отсутствие алкоголя...» и «отсутствие сигарет...»; в состав одного элемента – элементарные обоснования «...занимаюсь зарядкой по утрам» и «...заниматься спортом». В то же время занятия спортом не всегда предполагают здоровьесбережение. Аналогично с ЭО «...следить за своим внешним видом», который было решено включить в состав элемента, впоследствии оказавшегося частью одного из компонентов, доминирующих в образе ЗСП. Другой пример – такие ЭО, как «...каждый день буду чувствовать себя бодро», «...чувствую себя хорошо физически», «...буду хорошо выглядеть», которые формально относятся не к характеристикам ЗСП, а скорее к целям такого поведения, желаемым результатам. Тем не менее подобные элементарные обоснования включаем в анализ, исходя из предположения о том, что информанты не обозначают границы между «характеристиками» и «результатами»: приведённые примеры схожи с ЭО «...поддерживать своё хорошее самочувствие», «...делать всё, чтобы самочувствие не испортилось», «...внешне ухаживать за собой», «...следить за тем, что делаешь для того, чтобы чувствовать себя достаточно хорошо» и т. д. Ещё один пример – элементарные обоснования с низкой частотой встречаемости – «...ограничение себя в интернете» и «...отсутствие вредных привычек (употребление наркотических веществ)». Мы предполагаем, несмотря на небольшое количество опрошенных молодых людей, что первое из них в представлениях молодёжи 15–19 лет играет важную роль.

Частным случаем описанных сложностей является маркирование каких-либо практик как «нездоровых привычек». К соответствующему компоненту отнесено, например, «ограничение экранного времени». Элемент «ограничение употребления вредной пищи» было решено включить в состав другого компонента, который характеризует практики питания информантов. В широком смысле нездоровые привычки – всё, что противоположно здоровьесбережению. Что понимают информанты под нездоровыми привычками, зачастую остаётся неясным.

Четвёртая сложность неизбежно возникает вследствие разной природы изучаемых поведенческих практик. Некоторые элементарные обоснования в составе элемента, а также некоторые элементы в составе компонента несоразмерны, они вносят разный вклад в понимание образа ЗСП. Например, элементы: «отсутствие наркотических веществ» и «ограничение экранного времени», «отсутствие алкоголя» и, более общее, «отсутствие вредных привычек»; элементарные обоснования: «...брошу курить» и «...не курить». С одной стороны, необходима достаточная чувствительность к практикам

ЗСП, важная с точки зрения обеспечения качественной однородности изучаемой совокупности по определённым критериям, с другой стороны, излишняя детализация затрудняет поиск структуры представлений.

Пятая сложность обусловлена тем, что возможны и другие аналитические схемы, альтернативные предложенной. Несмотря на то, что элементарные обоснования представляют собой неделимые образования, неизбежна потеря некоторых смыслов. ЭО «...найду себе подходящую диету и буду её придерживаться» входит в состав элемента «систематическое питание». В то же время данное ЭО, а также ЭО «...изучать свой организм и выбирать для него лучшее» и «...отталкиваться от своего физического состояния» могут образовывать элемент, отсутствующий в представленных пирамидах обобщения, такой как «учёт индивидуальных потребностей». Ещё один пример – ЭО «...кушать вкусно и по возможности здорово», отражающее приоритеты информанта, не учитываемые в проведённом нами анализе.

Элементы, образованные для каждой из трёх возрастных групп молодёжи, необходимы для выявления сходств и различий представлений о здоровьесберегающем поведении. Важная роль в структуре образа ЗСП, независимо от возрастной группы, отводится *правильному, здоровому питанию и спортивным занятиям. Физическая активность*, важная для информантов 15–19 лет, отходит на задний план в представлениях информантов 20–29 лет. В представлениях молодёжи любого возраста проявляются *забота о своём теле, о внешности, соблюдение правил гигиены и здоровый сон*, в представлениях молодёжи 15–19 и 25–29 лет – *забота о себе, о своём здоровье*. Для группы 25–29-летних на передний план выходит *отсутствие вредных привычек, избавление от вредных привычек и зависимостей*, для остальных групп *отсутствие вредных привычек* проявляется менее заметно. *Отсутствие алкоголя, отсутствие сигарет* вносят некоторый вклад в представления молодых людей любого возраста. Среди отличий особое внимание обращают на себя важность изменения практик употребления алкоголя для молодёжи 15–24 лет и менее заметное место *отсутствия алкоголя* в представлениях молодёжи 25–29 лет. Наиболее разнообразными в отношении нездоровых привычек являются представления молодёжи из первой группы, поскольку в них появляются *отсутствие наркотических веществ и ограничение экранного времени*. В составе элементов для молодёжи, независимо от возраста, присутствуют *поддержание хорошего самочувствия и бодрости, отсутствие проблем со здоровьем*, для молодёжи 20–24 лет – *сбережение здоровья*, для молодёжи 25–29 лет – *улучшение здоровья и развитие выносливости*. Заметное место в представлениях молодых людей, независимо от возраста, занимают *прохождение медосмотров и посещение врачей*, в представлениях молодёжи из первой и третьей групп – *контроль над здоровьем*. Для информантов 25–29 лет имеет значение *поддержание душевного благополучия, личное и семейное счастье*, для информантов 20–24 лет – *соблюдение режима дня*.

В представлениях информантов, независимо от возраста, проявляются, хотя и не очень выраженно, *ограничение или отказ от употребления вредной пищи, проведение досуга на свежем воздухе, систематическое питание, систематический отдых*. В представлениях молодёжи 15–19 лет присутствует *умеренное питание*, в представлениях молодёжи 25–29 лет – *ходьба*. Молодые люди 20–29 лет придают некоторое значение *сбалансированному питанию*. В структуре образа ЗСП встречаются также в группе 15–19-летних *приём витаминов*, в группе 25–29-летних – *учёт физического состояния и закаливание*. «Соблюдение баланса» в жизни проявляется в представлениях информантов из второй и третьей групп, причём по смыслу несколько различается. К данному элементу отнесены элементарные обоснования: «...следить за балансом между работой и другими сферами жизни», «...баланс, который отражается на всех сферах жизни», «...соблюдать баланс здоровой и радостной жизни».

Обращение к компонентам образа (табл. 7–9) для выявления сходств и различий представлений о ЗСП приводит к выводу о том, что различия между возрастными группами на этом уровне обобщения выражены слабо. Если исходить из наибольшей частоты встречаемости ЭО, в топ-5 для каждой группы вошли одни и те же компоненты. Прежде всего, в структуре образа проявляется модель, состоящая из четырёх показателей, связанных с питанием, физической активностью, употреблением алкоголя и курением – компоненты А, В и С. При этом последние два показателя представлены в третьем компоненте исходя из нашего критерия. В число доминирующих компонентов также вошли забота о себе в разных вариациях (компонент D) и характеристики, непосредственно связанные со здоровьем (компонент E).

Таблица 7

Схема объединения элементов в компоненты,
НП № 1–4, молодёжь 15–19 лет

Компоненты*	Элементы
А (26,3)	Правильное, здоровое, полезное питание Ограничение употребления вредной пищи Систематическое, умеренное питание Приём витаминов
В (24,9)	Спортивные занятия Физическая активность Проведение досуга на свежем воздухе
С (12,2)	Отсутствие алкоголя, умеренное употребление алкоголя, сокращение употребления алкоголя Отсутствие сигарет, сокращение числа выкуриваемых сигарет Отсутствие вредных привычек Отсутствие наркотических веществ Ограничение экранного времени

Компоненты*	Элементы
D (10,7)	Забота о себе, о своём здоровье Забота о своём теле, о внешности, соблюдение правил гигиены
E (10,2)	Поддержание хорошего самочувствия и бодрости, отсутствие проблем со здоровьем Контроль над здоровьем, прохождение медосмотров, посещение врачей
F (5,1)	Здоровый сон Систематический отдых
G (3,0)	Поддержание душевного благополучия, любовь к себе
H (1,5)	Соблюдение режима дня

* В скобках указаны доли элементарных обоснований в %, вошедших в компоненты, в общем числе ЭО.

Таблица 8

*Схема объединения элементов в компоненты,
НП № 1–4, молодёжь 20–24 лет*

Компоненты*	Элементы
A (27,0)	Правильное, здоровое, качественное питание Ограничение употребления вредной пищи Систематическое питание Сбалансированное питание
B (23,0)	Спортивные занятия Физическая активность Проведение досуга на свежем воздухе
C (12,9)	Отсутствие алкоголя, умеренное употребление алкоголя, прекращение употребления алкоголя Отсутствие сигарет, прекращение курения Отсутствие вредных привычек
D (8,6)	Забота о своём теле, о внешности, соблюдение правил гигиены Забота о себе, о своём здоровье
E (8,6)	Поддержание хорошего самочувствия, бодрости и лёгкости, отсутствие проблем со здоровьем, сбережение здоровья Прохождение медосмотров, посещение врачей
F (4,8)	Здоровый сон Систематический отдых
H (4,3)	Соблюдение режима дня
G (2,4)	Поддержание душевного благополучия, гармонии души и тела
I (0,5)	«Соблюдение баланса» в жизни

* В скобках указаны доли элементарных обоснований в %, вошедших в компоненты, в общем числе ЭО.

Таблица 9

Схема объединения элементов в компоненты,
НП № 1–4, молодёжь 25–29 лет

Компоненты*	Элементы
В (17,2)	Спортивные занятия Физическая активность Ходьба, проведение досуга на свежем воздухе Закаливание
А (16,1)	Правильное, здоровое питание Отказ от употребления вредной пищи Систематическое питание Сбалансированное питание
С (15,4)	Отсутствие вредных привычек, избавление от вредных привычек и зависимостей Отсутствие сигарет, прекращение курения, сокращение числа выкуриваемых сигарет Отсутствие алкоголя
Е (13,6)	Поддержание хорошего самочувствия и бодрости, отсутствие проблем со здоровьем, улучшение здоровья, развитие выносливости Контроль над здоровьем, прохождение медосмотров, посещение врачей Учёт физического состояния
Д (11,1)	Забота о себе, о своём здоровье Забота о своём теле, о внешности, соблюдение правил гигиены
Г (6,2)	Поддержание душевного благополучия, личное и семейное счастье
Ф (6,1)	Здоровый сон Систематический отдых
Н (1,9)	Соблюдение режима дня
І (1,2)	«Соблюдение баланса» в жизни

* В скобках указаны доли элементарных обоснований в %, вошедших в компоненты, в общем числе ЭО.

По-видимому, молодые люди 25–29 лет склонны фокусироваться в своих представлениях о ЗСП в равной мере собственно на здоровье и связанном с ним непосредственно поведении (компонент Е) и на том, как молодёжь проводит время, чем занимается в контексте более широком, чем сфера «здоровье» (компонент В). Подчеркнём, что среди молодых людей 15–24 лет разница между компонентами В и Е более заметна. С другой стороны, из-за небольшого числа опрошенных молодые люди, у которых сложились какие-либо другие образы ЗСП, остаются за пределами проведённого методического исследования.

Самостоятельный интерес представляют и компоненты, не являющиеся доминирующими в образе ЗСП. Для информантов, независимо от возраста, некоторое значение имеют здоровый сон и систематический отдых (компонент F), для информантов 25–29 лет – поддержание душевного благополучия, личное и семейное счастье (компонент G). Соблюдение режима дня (компонент H) на данном уровне анализа уходит на задний план для молодых людей любого возраста.

К вопросу о принципах формирования типообразующих признаков

В предыдущем разделе фокус анализа был направлен на данные, полученные с помощью НП № 1–4. Заметим, что в массовых опросах, в зависимости от исследовательских задач, от того, насколько детализированный требуется анализ, может быть достаточно введения в инструментарий только одного неоконченного предложения. По НП № 5 информанты дают лаконичные ответы. Несмотря на то, что структура образа ЗСП, полученная в результате использования НП № 5, несколько отличается от структуры образа ЗСП, полученной в результате использования НП № 1–4, в целом по всем анализируемым НП компоненты совпадают. Возможно, это объясняется действием *эффекта порядка вопросов* [34, с. 110]: предложению № 5 предшествуют четыре предложения, которые в основном нацелены на выявление характеристик ЗСП.

Как уже было отмечено, часть ответов, полученных по НП № 4–5, указывают на характеристики здоровьесберегающего поведения, часть – на факторы, способствующие и препятствующие такому поведению. В целом это не затрудняло анализ текстовых данных – в него включены только те окончания НП, которые вносят вклад в понимание структуры образа ЗСП, свойственной представителям той или иной возрастной группы. Тем не менее использованные формулировки неоконченных предложений требуют доработки и дальнейшей апробации.

Проведённый анализ сходств и различий представлений молодёжи о ЗСП приводит к выводу о том, что метод неоконченных предложений обладает эвристическим потенциалом как инструмент поиска возможных оснований типологического анализа и, соответственно, возможных типобразующих признаков. Подтвердилось также предположение о необходимости использования различных типобразующих признаков в разных группах (15–19, 20–24 и 25–29 лет). Если исследовательские задачи связаны с проведением массового опроса, формировать типобразующие признаки целесообразно по одним принципам, если с глубоким изучением отдельных групп среди молодёжи – по другим.

Различия представлений о ЗСП проявляются в большей или меньшей значимости тех или иных компонентов и элементов ЗСП для молодёжи из разных групп. Компоненты крайне важны для формулирования *основания типологии* (этим понятием обозначается суждение о близости, похожести молодых людей по характеру здоровьесберегающего поведения). В условиях массового опроса в основание типологического анализа имеет смысл ввести схожесть молодёжи по характеристикам, которые соответствуют пяти компонентам, доминирующим в образе ЗСП, т. е. по приверженности молодых людей любого возраста: 1) систематическому, сбалансированному, умеренному, правильному (здоровому) питанию, включая ограничение употребления вредной пищи; 2) спортивным занятиям и проведению досуга на свежем воздухе, а также физической активности в целом; 3) ограничению нездоровых привычек, включая курение и употребление алкогольных напитков; 4) заботе о себе (в частности, о своём здоровье, о внешности); 5) поддержанию хорошего самочувствия, прохождению медосмотров и посещению врачей. Поскольку речь о массовом опросе, учёт выявленных различий в представлениях о ЗСП между группами не является приоритетной задачей.

С целью углублённого изучения молодёжных групп некоторые компоненты образа ЗСП (или совокупности каких-либо компонентов), не являющиеся доминирующими, можно рассматривать как самостоятельные основания типологии. Прежде всего, при изучении молодёжи, независимо от возраста, стоит обратить внимание на компоненты, включающие здоровый сон, систематический отдых, соблюдение режима дня; при изучении молодёжи 25–29 лет – на компонент, включающий поддержание душевного благополучия, личное и семейное счастье.

Для формирования показателей, кандидатов в типобразующие признаки, имеет смысл вернуться к составу компонентов – элементам. По сути, это показатели здоровьесберегающего поведения. Они многомерны, при их измерении появляется целый комплекс переменных, что затруднительно в условиях массового опроса. Например, при измерении «питания» необходимо использовать по меньшей мере две переменные – «сбалансированность питания» и «ограничение употребления вредной пищи». Для измерения «физической активности» в инструментарий могут быть введены такие переменные, как «спортивные занятия» и «активное проведение досуга на свежем воздухе».

Если цель – глубокое изучение возрастных групп среди молодёжи, то различия в структуре образа ЗСП, которые проявляются на уровне элементов, представляют особый интерес. Вместе с тем важно учитывать, что выявленные сходства и различия отчасти могут быть обусловлены небольшим количеством участников проведённого методического

исследования. Так, в отношении молодёжи 15–19 лет целесообразно акцентировать внимание на ограничении экранного времени, в отношении молодёжи 15–24 лет – на изменении практик употребления алкогольных напитков, в отношении молодёжи 25–29 лет – на избавлении от вредных привычек и зависимостей, улучшении здоровья и развитии выносливости. При изучении молодёжи 20–29 лет внимание может быть также сфокусировано на «соблюдении баланса» в жизни, при изучении молодёжи 25–29 лет – на учёте физического состояния.

Выводы

Результаты проведённого поискового исследования методической направленности позволяют сделать несколько важных выводов.

1. Несмотря на небольшой объём опрошенной молодёжи, подтвердилась актуальность постановки задачи формирования типобразующих признаков посредством метода неоконченных предложений. Более того, каждый из компонентов образа (особенно это относится к доминирующим компонентам) может служить самостоятельным основанием типологии.

2. С позиции эвристических возможностей использованных неоконченных предложений оказалось, что стимул *«Чтобы вести здоровый образ жизни, надо...»* обладает достаточным потенциалом для измерения показателей ЗСП в массовых опросах. Наименьший потенциал оказался у стимула *«Я буду считать, что веду здоровый образ жизни, если...»*, поскольку союз «если» значительно и неоправданно расширяет поле поиска ответов.

3. С позиции дальнейшего развития методологии типологического анализа по характеру ЗСП важен вывод о том, что типобразующие признаки неравноправны, они вносят предположительно разный вклад в определение типологических групп. Это необходимо учитывать при выборе алгоритма классификации.

4. Показатели ЗСП, связанные с курением, употреблением алкоголя, питанием и физической активностью, представлены в ответах информантов из каждой группы, но для молодёжи разного возраста они имеют разную значимость. В процессе их использования в типологическом анализе важно учитывать многомерность этих показателей, в том числе для повышения качества измерения классификационных признаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М. : Высшее Образование и Наука, 2007. 236 с. ISBN 5-94084-047-7. EDN QOGTDB.

2. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура : [монография] / Г. Г. Татарова, Н. С. Бабич [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с. ISBN 978-5-89697-408-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023](#). EDN [LSRSFV](#).
3. Чиркова А. В. Типологический анализ молодёжи по здоровьесберегающему поведению: особенности реализации четырехкомпонентной модели // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 145–153. DOI [10.31857/S013216250024647-4](#). EDN [GVABMH](#).
4. Журавлева И. В., Лакомова Н. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2 (26). С. 132–152. DOI [10.19181/snsp.2019.7.2.6414](#). EDN [OSDFDH](#).
5. Ермолаева П. О., Носкова Е. П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 120–129. EDN [TRRQOV](#).
6. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М. : ИНФРА-М, 2005. 368 с. ISBN 5-16-002250-3. EDN [QODRMH](#).
7. Handbook of health behavior research (vols 1–4) / D. S. Gochman (ed.). New York : Plenum, 1997. 506 p.
8. Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 48. С. 7–57. EDN [DSPNRJ](#).
9. Chan C. W., Leung S. F. Lifestyle health behavior of Hong Kong Chinese: Results of a cluster analysis // Asia-Pacific Journal of Public Health. 2015. Vol. 27, № 3. P. 293–302. DOI [10.1177/1010539514555214](#).
10. Clusters of lifestyle behaviors: Results from the Dutch SMILE study / H. De Vries, J. Van't Riet, M. Spigt [et al] // Preventive Medicine. 2008. Vol. 46 (3). P. 203–208. DOI [10.1016/j.ypmed.2007.08.005](#).
11. Patterns of health behavior in U.S. adults / D. Berrigan, K. Dodd, R. P. Troiano [et al] // Preventive Medicine. 2003. № 36. P. 615–623. DOI [10.1016/s0091-7435\(02\)00067-1](#).
12. Class and lifestyle „lock-in“ among middle-aged and older men: a Multiple Correspondence Analysis of the British Regional Heart Study / I. R. Jones, O. Papacosta, P. H. Whincup [et al] // Sociology of Health and Illness. 2011. Vol. 33. P. 399–419. DOI [10.1111/j.1467-9566.2010.01280.x](#).
13. Kandt J. Social practice, plural lifestyles and health inequalities in the United Kingdom // Sociology of Health & Illness. 2018. Vol. 40, № 8. P. 1294–1311. DOI [10.1111/1467-9566.12780](#).
14. Гремченко Е. П., Рощина Я. М. Факторы склонности к здоровому образу жизни // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2016. Вып. 6. С. 118–163. EDN [WEWWUT](#).
15. Шкурин Д. В. Многомерные методы обработки вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих стратегий современных студентов // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: коллективная монография (по материалам XX Международной конференции – второй этап) / Под общ. ред. Е. В. Грунт и А. В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во ИСТУ, 2017. С. 36–49. EDN [YMVZEL](#).
16. Шкурин Д. В. Обработка и анализ вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих практик современных студентов // Вестник

- Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50). С. 142–150. EDN **YSQWDJ**.
17. Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. М. : Наука, 2006. 238 с. ISBN 5-02-035368-X. EDN **QOGCOH**.
 18. Яковлева Н. В. Исследование индивидуальных различий здоровьесберегающей деятельности личности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 202–214. DOI **10.17759/exppsy.2015080317**. EDN **VCXHTV**.
 19. Короленко А. В. Здоровьесберегательные установки как фактор самосохранительного поведения: подходы к изучению и опыт типологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 4. С. 59–76. DOI **10.15838/esc.2021.4.76.4**. EDN **JYFMXJ**.
 20. Социологические подходы к изучению социального благополучия : [монография] / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. ISBN 978-5-89697-377-5. DOI **10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021**. EDN **LHJSQX**.
 21. Татарова Г. Г., Кученкова А. В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 21–32. EDN **NSAODB**.
 22. Климова С. Г. Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: методология, методы, математические модели. 1995. № 5-6. С. 49–64. EDN **PFTWHV**.
 23. Ольшанский В. Б. Становление метода неоконченных предложений в Советском Союзе 70-х гг. // Социология: методология, методы, математические модели. 1997. № 9. С. 82–89. EDN **PFTWRB**.
 24. Бурлов А. В. Метод неоконченных предложений в социологии: стратегии использования и логика анализа данных : автореф. дис... канд. социол. наук : 22.00.01 / Бурлов Антон Вячеславович ; Институт социологии РАН. Москва, 2001. 21 с.
 25. Бурлов А. В., Татарова Г. Г. Метод неоконченных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1997. № 9. С. 5–31. EDN **PFTWPN**.
 26. Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 123–133. EDN **SNBITP**.
 27. Oshodi J. E. The Construction of an Africentric Sentence Completion Test to Assess the Need for Achievement // Journal of Black Studies. 1999. Vol. 30, № 2. P. 216–231. DOI **10.1177/002193479903000205**.
 28. Пузанова Ж. В. Метод неоконченных предложений в изучении проблемы одиночества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6-7). С. 92–111. EDN **HRREDV**.
 29. Стрельникова А. В. Особенности применения опросных методик в изучении городской проблематики // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия, социология, искусствоведение. 2011. № 3 (65). С. 239–255. EDN **NUAAIX**.
 30. Пузанова Ж. В., Тертышникова А. Г. Метод неоконченных предложений в исследовании социальных представлений (на примере образа террориста) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 12–15. EDN **TKAMQH**.
 31. Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А. Образ коррупционера в восприятии российской молодёжи: применение метода неоконченных предложений // Вестник Инсти-

- туда социологии. 2019. Т. 10, № 2. С. 12–27. DOI [10.19181/vis.2019.29.2.573](#). EDN [UFIZXB](#).
32. Чиркова А. В. Метод неоконченных предложений в анализе здоровьесберегающего поведения студентов // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 4904–4917. DOI [10.19181/kongress.2020.578](#). EDN [UQRTCP](#).
33. Журавлева И. В., Иванова Л. Ю., Ивахненко Г. А. Студенты: поведенческие риски и ценностные ориентации в отношении здоровья // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 112–129. EDN [QAPDZF](#).
34. Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с. ISBN 5-93947-008-4. EDN [QOBZEJ](#).

Сведения об авторах

Г. Г. Татарова

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [526220](#)

А. В. Чиркова

младший научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [1046093](#)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 04.03.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.2

HEALTH BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: FORMATION OF TYPOLOGICAL ATTRIBUTES USING THE SENTENCE COMPLETION METHOD

Galina Galeevna Tatarova¹

Anna Vladislavovna Chirkova²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ tatarova-gg@rambler.ru,

ORCID 0000-0001-8580-1752

² chircovaanna@gmail.com,

ORCID 0009-0001-5014-3531

For citation: Tatarova G. G., Chirkova A. V. Health behavior of young people: formation of typological attributes using the sentence completion method. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):25–61. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.2.

Abstract. The article actualizes the problems of typological analysis of young people according to character of health behavior, among them the issues of the formation of typological attributes are particularly highlighted. These are the theoretical constructs; characteristics on the basis of which the respondent is assigned to one or another typological group – the carrier of a certain social type. Various indicators of health behavior claim to be typological attributes. Their choice depends on many factors: on the specifics of the population being studied, on the basis of the typology, on the purpose for which the typological analysis is carried out, on the accumulated experience of research practices in using indicators, etc. The article presents the results of an exploratory research devoted to the study of young people's representations about health behavior. The initial methodological premise was that the heuristic potential of indicators of health behavior as typological attributes in different groups of young people is different. The plausibility of this premise was confirmed in the process of analyzing text data obtained by the sentence completion method. Based on the construction of pyramids of generalizations (according to a survey of three age groups of young people), the structural elements of the image of "health behavior" (elementary justifications, elements, components) were identified, and the dominant elements and components were identified. As a result, assumptions have been made about the adequacy of certain methodical solutions in the formation of typological attributes.

Keywords: health behavior, young people, typological analysis, typological attributes, the sentence completion method, social representations, pyramid of generalizations, elementary justifications, elements of image, components of health behavior

REFERENCES

1. Tatarova G. G. Fundamentals of typological analysis in sociological research. [Osnovy tipologicheskogo analiza v sotsiologicheskikh issledovaniyakh]. Moscow: Vy'sshee Obrazovanie i Nauka; 2007. 236 p. (In Russ.). ISBN 5-94084-047-7.

2. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. eds. Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure. Moscow: FNISC RAN; 2023. 358 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-408-6.
3. Chirkova A. V. A typological analysis of young people health behavior: on specifics of the four-component model realization. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023;(5):145–153. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024647-4](https://doi.org/10.31857/S013216250024647-4).
4. Zhuravleva I. V., Lakomova N. V. Social conditionality of adolescent health in time aspect. *Sociological Science and Social Practice=Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2019;2(26):132–152. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.2.6414](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6414).
5. Ermolaeva P. O., Noskova E. P. Main trends in the sphere of Russians' healthy lifestyle. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015;4:120–129. (In Russ.).
6. Antonov A. I. Microsociology of family. [Mikrosotsiologiya sem'i]. Moscow: INFRA-M; 2005. 368 p. (In Russ.). ISBN 5-16-002250-3.
7. Gochman D. S. ed. Handbook of health behavior research (vols 1–4). New York: Plenum; 1997. 506 p.
8. Radaev V. V., Roshchina Y. M. Measuring alcohol consumption as a methodological problem. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling=Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 2019;(48):7–57. (In Russ.).
9. Chan C. W., Leung S. F. Lifestyle health behavior of Hong Kong Chinese: results of a cluster analysis. *Asia-Pacific Journal of Public Health*. 2015;27(3):293–302. DOI [10.1177/1010539514555214](https://doi.org/10.1177/1010539514555214).
10. De Vries H., Van't Riet J., Spigt M. [et al]. Clusters of lifestyle behaviors: results from the Dutch SMILE study. *Preventive Medicine*. 2008;46(3):203–208. DOI [10.1016/j.ypmed.2007.08.005](https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2007.08.005).
11. Berrigan D., Dodd K., Troiano R. P. [et al]. Patterns of health behavior in U.S. adults. *Preventive Medicine*. 2003;(36):615–623. DOI [10.1016/s0091-7435\(02\)00067-1](https://doi.org/10.1016/s0091-7435(02)00067-1).
12. Jones I. R., Papacosta O., Whincup P. H. [et al]. Class and lifestyle „lock-in“ among middle-aged and older men: a multiple correspondence analysis of the British Regional Heart Study. *Sociology of Health and Illness*. 2011;33:399–419. DOI [10.1111/j.1467-9566.2010.01280.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2010.01280.x).
13. Kandt J. Social practice, plural lifestyles and health inequalities in the United Kingdom. *Sociology of Health & Illness*. 2018;40(8):1294–1311. DOI [10.1111/1467-9566.12780](https://doi.org/10.1111/1467-9566.12780).
14. Gremchenko E. P., Roshchina Ya. M. Factors of tendency towards a healthy lifestyle. *Bulletin of the Russia Longitudinal Monitoring Survey of the National Research University Higher School of Economics=Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE (RLMS-HSE)*. 2016;6:118–163. (In Russ.).
15. Shkurin D. V. Multidimensional methods for processing questions with multiple choice on the example of health-saving strategies of modern students. In: Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research: Collective monograph (based on the materials of the XX International Conference – second stage). [Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: kollektivnaya monografiya (po materialam XX Mezhdunarodnoy konferentsii – vtoroy etap)]. E. V. Grunt and A. V. Merenkova eds. Yekaterinburg: Izd-vo ISTU; 2017. P. 36–49. (In Russ.).

16. Shkurin D. V. Processing and analysis of multiple choice questions on the example of modern students' health-saving strategies. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University=Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017;5(50):142–150. (In Russ.).
17. Zhuravleva I. V. Attitude to the health of the individual and society. [Otnosheniye k zdorov'yu individa i obshchestva]. Moscow: Nauka; 2006. 238 p. (In Russ.). ISBN 5-02-035368-X.
18. Yakovleva N. V The study of individual differences in health-activity of the person. *Experimental Psychology=Eksperimental'naya psikhologiya*. 2015;8(3):202–214. (In Russ.). DOI [10.17759/exppsy.2015080317](https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080317).
19. Korolenko A. V. Health-saving attitudes as a factor promoting self-preservation behavior: approaches to the study and experience in typology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2021;14(4):59–76. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2021.4.76.4](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.4).
20. Chernysh M. F., Epikhina Y. B. eds. Sociological approaches to the study of social well-being. [Sotsiologicheskiye podkhody k izucheniyu sotsial'nogo blagopoluchiya]. Moscow: FCTAS RAS; 2021. 431 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-377-5.
21. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. Indicators of subjective well-being as typical characteristics. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016;(10):21–32. (In Russ.).
22. Klimova S. G. Experience of using the sentence completion technique in sociological research. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling=Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 1995;(5-6):49–64. (In Russ.).
23. Olshansky V. B. The formation of the sentence completion method in the Soviet Union of the 70s. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling=Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 1997;(9):82–89. (In Russ.).
24. Burlov A. V. The sentence completion method in sociology: strategy of use and logic of data analysis. [Metod neokonchennykh predlozheniy v sotsiologii: strategii ispol'zovaniya i logika analiza dannykh]. Synopsis of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow: Institut sociologii RAN; 2001. 21 p. (In Russ.).
25. Burlov A. V., Tatarova G. G. The sentence completion method in studying the image of a „cultured person” [Metod neokonchenny'x predlozhenij v izuchenii obraza «kul'turny'j chelovek»]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling=Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 1997;(9):5–31. (In Russ.).
26. Tatarova G. G., Burlov A. V. Logical organization of data analysis obtained by the sentence completion method [Logicheskaya organizaciya analiza danny'x, poluchenny'x metodom neokonchenny'x predlozhenij]. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1999;(8):123–133. (In Russ.).
27. Oshodi J. E. The construction of an afri-centric sentence completion test to assess the need for achievement. *Journal of Black Studies*. 1999;30(2):216–231. DOI [10.1177/002193479903000205](https://doi.org/10.1177/002193479903000205).
28. Puzanova J. V. The technique of the “unfinished sentences” in studying the loneliness phenomenon [Metod neokonchenny'x predlozhenij v izuchenii problemy' odinochestva]. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya:Sotsiologiya*. 2004;6-7:92–111. (In Russ.).
29. Strelnikova A. V. Features of the use of survey techniques in the study of ur-

- ban issues. *RSUH Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series=Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya, sotsiologiya, iskusstvovedeniye"*. 2011;3(65):239–255. (In Russ.).
30. Puzanova J. V., Tertyshnikova A. G. The method of incomplete sentences in the study of social representations (the case of the terrorists' image). *Theory and practice of social development=Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015;(4):12–15. (In Russ.).
31. Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A. The image of a corrupt official as perceived by Russia's youth: using the unfinished sentences method. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sotziologii*. 2019;10(2):12–27. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.29.2.573](https://doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573).
32. Chirkova A. V. The sentence completion method in the analysis of students' healthy behavior. In *Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress. [Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa]*. V. A. Mansurov eds. Moscow: ROS; FNISC RAN; 2020: P. 4904–4917. (In Russ.). DOI [10.19181/kongress.2020.578](https://doi.org/10.19181/kongress.2020.578).
33. Zhuravleva I. V., Ivanova L. Y., Ivakhnenko G. A. Students: risk behaviors and health-related values. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sotziologii*. 2013;(6):112–129. (In Russ.).
34. Sadman S., Bradburn N., Schwartz N. How people answer questions: applying cognitive analysis to mass surveys. [Kak lyudi otvechayut na voprosy: primeneniye kognitivnogo analiza v massovykh obsledovaniyakh]. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie»; 2003. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-93947-008-4.

Information about the Authors

G. G. Tatarova

Doctor of Sociology,
Professor,
Main Researcher
ResearcherID: [B-5152-2016](https://orcid.org/0000-0002-1152-2016)
Scopus AuthorID: [6506761668](https://orcid.org/0000-0002-6506-7616)

A. V. Chirkova

Junior researcher
ResearcherID: [KCK-8950-2024](https://orcid.org/0000-0002-8950-2024)

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 04.03.2024.

УДК 316.7
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.3
EDN: LOUOJW

Научная статья

ТЕХНОЛОГИИ TEXT MINING В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О МИССИИ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА)

Антонина Николаевна Пинчук¹

Светлана Геннадьевна Карепова²

Дмитрий Андреевич Тихомиров³

^{1, 3} РЭУ имени Г. В. Плеханова,

² Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ antonina.pinchuk27@bk.ru,
ORCID 0000-0001-7842-7141

² Svetlran@mail.ru,
ORCID 0000-0002-0472-0924

³ dat1983@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-1872-6788

Для цитирования: Пинчук А. Н., Карепова С. Г., Тихомиров Д. А. Технологии Text Mining в социологическом анализе (на примере изучения представлений студентов о миссии современного вуза) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 62–79. DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.3. EDN LOUOJW.

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения методов Text Mining в практике анализа открытых вопросов анкеты. В работе представлен пример исследования униграмм и биграмм, а также поиска латентных топиков с помощью тематического моделирования. Эмпирическими материалами послужили данные проведенного в 2022 году анкетного опроса, в котором приняло участие 929 студентов одного московского экономического вуза. В открытом вопросе анкеты предлагалось определить миссию университета, что дало возможность представить в плоскости субъективной интерпретации предназначение высшей школы в современных условиях. Частотный анализ униграмм, дополненный качественным исследованием высказываний респондентов, позволил составить словарь студенческого дискурса о миссии вуза. Артикулирование биграмм осуществлялось на основе нескольких статистических метрик, с опорой на которые были проранжированы словосочетания и выделен ключевой набор концептов. Выявлено, что в восприятии студентов первоочередные задачи вуза прежде всего направлены на трансляцию профессиональных знаний и навыков, в широком смысле – подготовку квалифицированных специалистов. Социальные функции университета, ориентированные на удовлетворение потребностей общества и государства, в концепту-

альных интерпретациях опрошенных студентов выражены слабее. На следующем этапе исследования была выдвинута задача анализа латентных топиков с помощью тематического моделирования. Особенностью тематического моделирования является то, что объединённые в один топик слова отражают идентифицированное программой распределение слов, но не в буквальном смысле понятную для человека тему. Учитывая специфику применяемого метода, авторы продемонстрировали результаты поискового анализа в практике обработки открытого вопроса. Как оказалось, ключевые слова, сосредоточенные в ядре основных тем, в основном связаны с обеспечением потребностей самих обучающихся, оставляя на периферии вербализируемых определений понимание значимости вуза как платформы для инноваций, научных разработок, предпринимательских и иных инициатив во благо общества и страны. Результаты представленного исследования могут быть полезны для переосмысления исследовательского инструментария социологов в условиях активного развития цифровых технологий, что требует апробации новых методов, понимания их реальных возможностей и ограничений в решении задач социологического исследования.

Ключевые слова: Text Mining, открытый вопрос, препроцессинг, униграммы, биграммы, тематическое моделирование

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00549 «Культурная маргинальность российских студентов: развитие человеческого потенциала новых поколений как проблема и ресурс развития патриотизма в основных положениях и мерах по реализации государственной молодёжной политики» (руководитель: кандидат социологических наук Д. А. Тихомиров).

Введение

В последнее время особое внимание практикующих социологов-исследователей привлекают технологии интеллектуального анализа текстов (Text Mining), расширяющие и обновляющие классический научно-методологический арсенал новыми методами обработки и анализа социологических данных. Text Mining представляет собой алгоритмический процесс извлечения «не известных ранее знаний из текста, а также выявления основных понятий и взаимосвязей между ними» [1, с. 116]. Интеллектуальный анализ текста как отрасль научного знания развивается на основе междисциплинарных разработок в области информационного поиска, машинного обучения, статистики, вычислительной лингвистики, дата-майнинга [2]. Text Mining – сравнительно молодое научное направление, формированию которого послужило использование технологий искусственного интеллекта для обработки естественного языка. Становление Text Mining как отдельной области исследований отмечается в конце XX в., когда стали разрабатываться характерные для данной отрасли технологии и алгоритмы [3]. Сегодня методы Text Mining получили широкое распространение и используются в различных программных

и информационных системах «и как отдельные приложения, библиотечные модули, и в составе инструментария интеллектуального анализа данных, систем бизнес-аналитики, корпоративного управления и т. д.» [4, с. 478].

Технологии интеллектуального анализа текста могут применяться в социологии для исследования социокультурных явлений и процессов, что неизбежно сопровождается эпистемологическими вопросами и дискуссиями [5]. С одной стороны, к методологической рефлексии учёных подталкивает использование неструктурированных текстовых данных, которые позволяют отразить мнение пользователей сети Интернет без прямых опросов [6; 7]. С другой стороны, интерес вызывает применение методов Text Mining в социальных науках для анализа первичных данных, полученных в результате опросов и интервью [8].

Особый фон дискуссиям об использовании методов интеллектуального анализа текстов в социологических исследованиях придаёт обсуждение технических нюансов, требующих от исследователей социально-гуманитарного профиля продвинутых знаний и навыков в области программирования, машинного обучения, математической статистики и т. д. Учитывая многопрофильность и сложность такой социологической практики, следует отметить успешный опыт использования методов Text Mining в социологических исследованиях для обработки и анализа русскоязычных текстов. К примеру, в статье В. И. Дудиной и Д. И. Юдиной решаются задачи тематического моделирования и извлечения мнений из сети Интернет [9], О. Ю. Кольцова и К. А. Маслинский выявляют тематическую структуру блогосферы и апробируют кластерный анализ текстов, латентно-семантический анализ и тематическое моделирование [10], М. А. Кашина и С. Ткач, исследуя тенденцию развития социологии ценностей, осуществляют тематическую кластеризацию текстов [11].

Стоит добавить, что помимо классических примеров классификации и кластеризации текстов, учёные также выделяют автоматическое аннотирование, извлечение ключевых понятий, навигацию по тексту, анализ трендов, поиск ассоциаций [12], что расширяет границы социологического анализа текстовых данных. В то же время освоение новых практик анализа качественных данных подталкивает к переосмыслению традиционных подходов к решению насущных проблем исследовательской рутины социологов. Одной из таких проблем является работа с открытыми анкетными вопросами. Так, в нашем случае в сжатые сроки нужно было обработать и проанализировать результаты опроса студентов, в рамках которого изучалось восприятие современной российской молодёжью общественно значимых функций высшей школы. Студентам было предложено в открытой форме высказать своё мнение о миссии вуза в со-

временных условиях. Прочтение и ручная обработка с последующей кодировкой мнений около тысячи человек является весьма трудозатратой задачей. Чтобы упростить работу с корпусом текстов, было принято решение использовать технологии интеллектуального анализа текста, что в плоскости методологической проблематики выдвинуло новые исследовательские задачи. Во-первых, следовало апробировать современные технологии обработки и анализа естественного языка на корпусе документов, полученном из открытого вопроса анкеты, и продемонстрировать существующие возможности и ограничения. Во-вторых, выдвигалась задача – показать латентные переменные, отражающие общие сюжетные линии для данного корпуса текстов, иными словами, выявить тематическую структуру, что недоступно выполнить при ручном анализе.

В социальных науках технологии интеллектуального анализа текстов пока не стали широко распространённым инструментом исследований, поэтому так важно привлечь внимание к новым исследовательским технологиям для изучения социальных явлений и процессов, показать их преимущества и ограничения.

Эмпирическая база и препроцессинг данных

В качестве эмпирической базы послужили материалы анкетного опроса, проведенного в 2022 году в одном из московских вузов. Всего в исследовании приняли участие 929 студентов. Выборка неслучайная, сформирована методом «снежного кома». В задачи исследования не входило обеспечение репрезентативной выборки, поэтому полученные результаты распространяются только на выборочную совокупность.

В рамках данного исследования был сформулирован открытый вопрос, в котором необходимо было определить миссию современного университета: «Университет имеет свою миссию. На Ваш взгляд, в чём состоит миссия университета в современных условиях?». Вопрос предполагал развернутый ответ, в котором студенты в сжатой форме могли выразить свои идеи об основном предназначении вуза в меняющейся социальной реальности.

Для того чтобы решить исследовательские задачи, на первом шаге была проведена предварительная обработка данных (препроцессинг), в рамках которой текстовый корпус был преобразован в доступную для дальнейшего анализа и моделирования форму [13; 14]. В рамках препроцессинга были выполнены следующие виды работ: разбиение текста на токены (языковые единицы для анализа), приведение слов к единому регистру, удаление нетекстовых знаков, лемматизация (приведение словоформы к нормальной форме), удаление стоп-слов (предлоги, междометия, союзы,

служебные слова, частицы) [15]. В некоторых случаях были удалены слова, которые состоят менее, чем из трёх букв.

Для выполнения необходимых процедур использовалось несколько библиотек, в частности, из библиотеки NLTK был импортирован список стоп-слов. Морфологический анализатор для лемматизации был получен из библиотеки `rumorphy2`, а удаление ненужных символов проводилось с помощью регулярных выражений, что потребовало применения специального модуля `re`.

Дополнительные работы с корпусом документов потребовались перед тематическим моделированием, в котором следовало учитывать объём полученных текстов. В рамках анализа ответов респондентов на открытый вопрос последнее требование выступает существенным ограничением, т. к. односложные и немногословные ответы нередко составляют основной массив опросных данных. В нашем случае в результате фильтрации текстов для тематического моделирования были исключены комментарии, объём которых составлял менее 50 слов. Таким образом, в дальнейшем использовался сокращённый корпус текстов, поэтому с содержательной точки зрения нужно учитывать возможную потерю информации. Данные обрабатывались с помощью языка программирования Python.

Результаты интеллектуального анализа текстов

Одной из задач количественного анализа текстов является выявление наиболее часто встречающихся слов. Для социолога, который стремится систематизировать ответы респондентов на открытые вопросы и узнать распространённость тех или иных категорий, частотный анализ также представляет актуальную задачу. Однако специфика обработки прямых и многословных высказываний респондентов проявляется ещё на этапе кодирования. Как известно, обрабатывая и анализируя открытые вопросы анкеты, кодировщики могут быть ориентированы на различие значений и различие смыслов. Последнее небезосновательно вызывает сомнения, т. к. понимание смысла полученных ответов неизбежно будет нести отпечаток субъективной интерпретации исследователя и отражать его концептуальное видение категорий, что ограничивает возможность воспроизведения подобной кодировки другими социологами [16]. В рамках нашей работы было решено придерживаться подхода, согласно которому следует выявить эксплицитно артикулируемые значения, а не смыслы. В данном случае можно выделить наиболее часто встречающиеся слова (униграммы) и словосочетания (n-граммы), выражающие основную идею автора текста в определении миссии вуза. Эта задача оперативно решается с помощью различных алгоритмов подсчёта терминов,

представленных в языке программирования (к примеру, в Python можно использовать CountVectorizer). Прежде чем приступить к частотному анализу слов, следует обратить внимание на проблему зашумлённости текстов малополезными словами, не имеющими содержательной коннотации. Как ранее было отмечено, в ходе препроцессинга были удалены стоп-слова. Несмотря на предварительное исключение стоп-слов, в тексте могут сохраниться малоинформативные термины, которые не были изначально предусмотрены алгоритмом, к примеру, «свой», «который», «весь», «поэтому», «мочь» и другие. Подобные слова следует вручную включить в список стоп-слов. Так, после исследования частотности слов, к перечню стоп-слов были добавлены часто встречающиеся слова, по существу, не имеющие особой смысловой нагрузки. Безусловно, удаление лишних терминов сопряжено с некоторой потерей информации, когда можно столкнуться с коротким, но эмоционально нагруженным ответом. Так, один из респондентов в ответ на вопрос о миссии вуза кратко написал: «А она есть?». Данное высказывание после исключения ненужных символов, пунктуации и стоп-слов было в итоге полностью очищено программой. Это указывает на риски потери информации при автоматической обработке текстов, что может потребовать дополнительной работы исследователя, который осмысленно подойдёт к анализу тезауруса языка респондентов.

Частотный анализ униграмм. Итак, представим результаты анализа униграмм. Частотный анализ как один из самых простых методов обработки текста на естественном языке позволил выделить топ-10 слов, которые чаще всего использовались опрошенными студентами в определении миссии вуза: «знание» (упоминалось 263 раза), «студент» (227), «навык» (120), «образование» (98), «специалист» (97), «профессиональный» (81), «развитие» (75), «человек» (72), «жизнь» (62), «научить» (51), «работа» (49). Как видно, для открытых вопросов, предполагающих развёрнутый ответ, простой подсчёт слов не даёт исчерпывающую информацию, т. к. остаются непояснёнными понятия «развитие» и «человек». Какое конкретное развитие имелось в виду: личностное, профессиональное, либо развитие страны или экономики? В каких контекстах использовалось слово «человек»: когда речь шла о становлении человека как личности, особого субъекта образования, либо здесь проявился разговорный стиль и говорили о людях, о человеке вместо слов «студент», «обучающийся»? Становится очевидным, что необходим дополнительный качественный анализ высказываний. Плотное чтение комментариев, в которых фигурировали наиболее распространённые слова, позволило обогатить терминологический тезаурус контекстом описания. Прежде всего стоит отметить, что в понимании миссии вуза преобладают интеллектуальная и

образовательная функции, связанные с формированием необходимых знаний и навыков у студентов. По словам респондентов, вуз должен дать знания, навыки, «фундаментальное образование в соответствии со способностями каждого студента», «дать достойное образование в различных сферах жизни». По мнению многих студентов, вуз отвечает за подготовку кадров, он должен «взрастить специалистов», «подготовить будущих специалистов в своей сфере». Анализ данных показал, что в восприятии опрошенной молодёжи ведущие функциональные характеристики вуза также связаны с развитием, которое артикулируется студентами в различных контекстах: некоторые респонденты писали о развитии личности, мышления, навыков, «профессиональных качеств». Иногда речь шла о «развитии молодёжи и молодёжного капитала», общества, страны, либо «населения в целом». Как было отмечено выше, в текстах также часто встречался термин «человек». Данное понятие использовалось опрошенными юношами и девушками, как правило, для обозначения целевой аудитории вуза (студентов, обучающихся), когда утверждалось, что вуз даёт человеку знания, образование, возможность самореализоваться. В нескольких случаях высказывалась мысль о формировании «развитого, интересного и умного человека», «становлении человека как личности», «социализации человека».

Социальные функции вуза, его служение в интересах государства слабо выражены в представлениях опрошенных студентов. Только 35 человек написали о роли вуза как драйвера государственного развития. В этом аспекте звучали мысли, что миссия вуза состоит в том, чтобы подготовить кадры «во благо общества и страны», «выпустить студентов, которые будут способны улучшить положение страны». Примечательно, что диплом упоминался ещё реже, всего 33 раза, при этом на первый план выдвигались собственные цели пребывания в вузе. Так, студенты подчёркивали, что миссия вуза — «получить диплом, работодателям нужно просто его наличие», «просто получить бумажку (диплом) чисто для повышения зарплаты».

Стоит обратить внимание на то, что в представлениях опрошенной молодёжи крайне слабо актуализирована научно-исследовательская функция вуза: только 11 респондентов артикулировали в высказываниях данную сторону деятельности университета. Причём речь в основном шла о формировании научного потенциала обучающихся. О развитии науки в стране написал только один студент. О предпринимательском и инновационном измерении, характерном для третьей миссии вуза, не упоминалось ни разу.

Хотя частотный анализ униграмм позволяет извлечь определённую статистику из текстовых данных, в то же время более объёмную информацию из неструктурированных текстов можно получить, рассматривая

несколько лексем одновременно. Социологи применяют «анализ биграмм для определения семантического поля концепта на основании слов, которые непосредственно встречаются в одном словосочетании с ним» [17, с. 113]. Это позволит ответить на вопрос о том, какие ключевые концепты, состоящие из словосочетаний, больше всего выражены в студенческой риторике о миссии вуза.

Ключевые концепты: анализ биграмм. Поиск ключевых словосочетаний осуществлялся с опорой на специальные метрики ассоциации, которые «позволяют вычислять силу связи между элементами словосочетаний и основываются на частотах данных словосочетаний и входящих в них отдельных слов» [18, с. 108]. Перечень таких метрик обширен: простая частота (frequency), коэффициенты сходства Жаккарда (Jaccard), Дайса (the Dice score), коэффициенты поточечной взаимной информации (pointwise mutual information, PMI), логарифмического правдоподобия (LL), хи-квадрат (chi-squared), t-критерий Стьюдента (t-score) и др. [19; 20]. Данные статистические метрики позволяют ранжировать результаты оценивания словосочетаний по степени связи. Однако стоит учитывать определённые ограничения некоторых метрик. В частности, мера количества информации PMI оценивает часто употребляемые слова ниже, чем редкие термины, что не соответствует задаче исследования [21]. В свою очередь t-критерий Стьюдента предполагает нормальное распределение, поэтому для анализа автоматического извлечения биграмм были использованы частотные характеристики, коэффициенты сходства Жаккарда, логарифмического правдоподобия и хи-квадрат. На основе показателей метрик были проанализированы ранги найденных словосочетаний, которые были упорядочены согласно значениям соответствующих мер (см. табл. 1).

Таблица 1

Меры ассоциации для автоматического извлечения биграмм

Частота	Сходство Жаккарда	Логарифмическое правдоподобие	Хи-квадрат
Квалифицированный специалист	Взрослая жизнь	Квалифицированный специалист	Взрослая жизнь
Знание, навык	Квалифицированный специалист	Взрослая жизнь	Квалифицированный специалист
Профессиональный навык	Квалифицированные кадры	Высшее образование	Высшее образование
Взрослая жизнь	Высшее образование	Квалифицированные кадры	Квалифицированные кадры
Профессиональное знание	Будущая профессия	Качественное образование	Будущая профессия

Простая частота показывает, что наиболее распространённые словосочетания выражают потребность в подготовке квалифицированных специалистов, которые обладают профессиональными знаниями и навыками. Метрики ассоциации по-разному ранжируют словосочетания, но в целом выделяют практически идентичный набор биграмм: квалифицированный специалист, квалифицированные кадры, взрослая жизнь, высшее образование, будущая профессия. Коэффициент логарифмического правдоподобия добавляет бигramму «качественное образование». Можно сказать, что в понимании социальной роли вуза прежде всего преобладает прямая задача – дать необходимые знания обучающимся, дать качественное высшее образование, чтобы сформировать квалифицированных специалистов, подготовить студентов к взрослой жизни.

Тематическое моделирование. Следующий этап исследования был направлен на кластеризацию текстов с помощью тематической модели, предполагающей латентное размещение Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA). «Цель тематического моделирования – выявление скрытых семантических структур – тем, или топики (topic), характеризующих содержание исследуемой текстовой коллекции» [22, с. 94]. Для формирования тем модель LDA использует распределения вероятностей таким образом, что отдельные темы предстают как вероятностные распределения слов, у которых есть свои веса для каждой темы [23]. Тематическое моделирование относят к «мягкой» кластеризации, т. к. каждый документ с определёнными вероятностями может быть включён в несколько кластеров-тем [24]. Для реализации тематического моделирования была сформирована матрица термин-документ. Чтобы сократить возможную размерность матрицы и снизить время её обработки, из текстов были удалены слова, которые встречались менее 10 раз. Темы были выявлены с использованием метрики TF-IDF, которая позволяет учитывать не только частоту встречаемости слова, но и важность слова. Критерием отбора количества тематик послужил показатель согласованности терминов (coherence score). В ходе обучения моделей обычно выбирается оптимальная модель из тех, для которых характерна наибольшая по показателю средняя согласованность внутри тем [23]. В нашей работе были построены тематические модели с разным количеством тем в диапазоне от 2 до 20 с шагом 2 и рассчитаны коэффициенты согласованности для каждой из этих моделей. С опорой на расчётные показатели было определено, что оптимальное количество тем для изучаемой коллекции документов составляет 6.

Исследование содержания комментариев респондентов, которые с наибольшей вероятностью отнесены к фиксируемым темам, позволяет выделить общий посыл для связанных в каждой теме слов. Можно сказать, что основные концепции выделенных терминологических класте-

ров сопряжены с функцией вуза дать необходимые знания, образование, подготовить специалистов, сформировать навыки для будущей жизни. В соответствии с общей смысловой направленностью выделенным топикам были даны условные названия. В таблице 2 указаны топики и топ-10 ключевых слов в порядке убывания веса в каждом кластере.

Таблица 2

Результаты тематического моделирования

Номер	Название темы	Ключевые слова
Тема 1	Знания и навыки для будущей работы	Знание, навык, профессиональный, практика, будущее, помощь, работа, деньги, человек, карьера
Тема 2	Квалифицированный специалист	Специалист, квалифицированный, качественный, кадр, образование, общество, условие, современный, страна, развитие
Тема 3	Образование для взрослой жизни	Образование, жизнь, социализация, взрослый, актуальный, навык, высокий, знание, информация, обучение
Тема 4	Обучение и развитие	Обучение, связь, человек, учиться, сфера, саморазвитие, мышление, развитие, интерес, сделать
Тема 5	Дипломированный специалист	Диплом, развитие, хороший, страна, молодёжь, деятельность, специальность, работа, личность, знание
Тема 6	Будущий профессионал	Профессия, будущее, профессионал, обучение, сотрудник, дело, достойный, знание, базовый, работать

Следует признать, что субъективная интерпретация полученных тем оставляет простор для критических размышлений, к чему подталкивают выводы и других авторов, апробировавших данный метод. Как отмечают О. Ю. Кольцова и К. А. Маслинский, «основным достоинством алгоритма оказалась его способность выявлять «яркие» и ясные темы-факторы и определять их вес в коллекции, т. е. определять «повестку дня» текстовой коллекции, а не имитировать то, как люди распределили бы тексты по группам» [10, с. 132]. Западные специалисты также подчёркивают, что топики не отображают реальные социальные явления, а скорее помогают исследователям в более глубоком чтении и качественном анализе текстов [25]. Между тем содержательная интерпретация тематических моделей с разным количеством тем в ходе поиска наиболее оптимального решения позволяет сделать вывод об общих сюжетах в дискурсе студентов о миссии высшей школы. Ключевые слова, сосредоточенные в ядре основных

тем, в основном связаны с обеспечением потребностей самих обучающихся. В этих определениях не выражено понимание значимости вуза как флагмана инноваций, источника научных разработок, платформы для предпринимательских и иных инициатив во благо общества и страны.

Заключение

Изучая текст, учёные из социальных наук чаще всего стремятся получить информацию о представлениях, мнениях, воззрениях представителей определённых социальных групп, что позволяет раскрыть содержательную наполненность так называемого тезауруса и составляющих его социальных концептов [26]. Нередко прочтение текстов сопряжено с поиском контекста их написания, социокультурных условий, которые нашли своё отражение в риторике анализируемого языка, в содержащихся в нём метафорах и ссылках на актуальную повестку дня. До недавнего времени технологии решения подобных социологических задач были крайне ограничены и нередко сводились к внимательному прочтению и ручной обработке доступной совокупности документов. С развитием цифровых технологий инструментарий социологического анализа значительно расширился, а вместе с тем появились новые ориентиры исследовательского поиска, направленные на выявление латентных содержательных и структурных характеристик текстов, ранее недоступных при ручной обработке.

В нашей работе был продемонстрирован пример обработки и анализа открытого вопроса анкеты, который начался с выявления униграмм и биграмм и завершился поиском латентных тем. Частотный анализ униграмм и визуализация его результатов с помощью облака слов позволили отразить словарь студенческого дискурса о миссии вуза, однако раскрытие смыслового контента потребовало изучения соответствующих фрагментов в тексте и прочтения конкретных высказываний. Более содержательные результаты отражают биграммы, которые позволяют выявить наиболее распространённые концепты в определении миссии вуза. Можно сказать, что в размышлениях студентов первоочередные задачи вуза направлены на трансляцию профессиональных знаний и навыков, в широком смысле – подготовку квалифицированных специалистов. В этих утверждениях слабо выражены ориентиры на удовлетворение потребностей общества и государства. Многие респонденты писали о формировании профессионалов, что чаще всего было сопряжено с личными траекториями становления и взросления. Довольно редко данная мысль обретала концептуальную идею, в которой подготовка будущих специалистов прежде всего нужна для развития экономики и страны. Таким об-

разом, частотный анализ позволил оперативно отразить статистику текста. Вместе с тем с помощью тематического моделирования были получены латентные топики. Косвенно выявленные темы характеризуют дискурс студентов о миссии вуза, которая, как оказалось, преимущественно сводится к удовлетворению потребностей обучающихся. Стоит признать, что топики, по сути, представляют собой совокупность слов и их содержательная интерпретация становится творческой задачей для аналитика. Иногда она невозможна в силу того, что объединённые в один топик слова отражают идентифицированное программой распределение слов, но не в буквальном смысле понятную для человека тему. Это одна из существенных сложностей, с которыми могут столкнуться практикующие социологи-аналитики. Стоит также помнить о том, что обработка текстов с помощью компьютерных алгоритмов всегда сопряжена с проблемой неопределённости оценивания результатов в тех случаях, когда смысл анализируемых слов выражают метафоры, ирония, либо сарказм.

Представленное исследование скорее является экспериментальным, позволяющим высветить дополнительные возможности цифровой методологии и в то же время обратить внимание на существующие ограничения. Возможно, подобные работы, помимо заявленной цели, также отражают актуальные тенденции развития социологии, которая в эпоху больших данных обновляет исследовательский инструментарий и приобретает новые возможности для изучения социальных явлений и процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Классификация текстовых документов на основе Text Minig / А. А. Алексеев, А. С. Катасёв, А. Е. Кириллов, А. П. Кирпичников // Вестник технологического университета. 2016. Т. 19, № 18. С. 116–119. EDN [WYBSGN](#).
2. *Hotho A., Nürnberger A., Paaf G.* A Brief Survey of Text Mining // Journal for Language Technology and Computational Linguistics. 2005. Vol. 20, № 1. P. 19–62. DOI [10.21248/jlcl.20.2005.68](#).
3. *Isaeva E., Aldarova D.* Text-Mining in Terms of Methodology and Development // Proceedings of 2021 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering (ElConRus). (Moscow, 26–29 January 2021). Moscow : IEEE, 2021. P. 413–416. DOI [10.1109/ElConRus51938.2021.9396437](#). EDN [SECGLN](#).
4. *Осочкин А. А., Фомин В. В., Флегонтов А. В.* Метод частотно-морфологической классификации текстов // Программные продукты и системы. 2017. Т. 30, № 3. С. 478–486. DOI [10.15827/0236-235X.030.3.478-486](#). EDN [ZDUXZD](#).
5. *Macanovic A.* Text mining for social science – The state and the future of computational text analysis in sociology // Social Science Research. 2022. Vol. 108. P. 1–16. DOI [10.1016/j.ssresearch.2022.102784](#). EDN [SXELZJ](#).
6. *Evans J. A., Aceves P.* Machine Translation: Mining Text for Social Theory // Annual Review of Sociology. 2016. Vol. 42. P. 21–50. DOI [10.1146/annurev-soc-081715-074206](#).

7. Does counting emotion words on online social networks provide a window into people's subjective experience of emotion? A case study on Facebook / E. Kross, P. Verduyn, M. Boyer [et al.] // *Emotion*. 2019. Vol. 19, № 1. P. 97–107. DOI [10.1037/emo0000416](https://doi.org/10.1037/emo0000416).
8. Karlgren J., Li R., Meyersson Milgrom E. M. Text mining for processing interview data in computational social science // arXiv : [сайт]. 28 Nov 2020. URL: <https://arxiv.org/abs/2011.14037> (дата обращения: 26.10.2023). DOI [10.48550/arXiv.2011.14037](https://doi.org/10.48550/arXiv.2011.14037).
9. Дудина В. И., Юдина Д. И. Извлекая мнения из сети Интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 5 (141). С. 63–78. DOI [10.14515/monitoring.2017.5.05](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.05). EDN [VTHJMT](#).
10. Кольцова О. Ю., Маслинский К. А. Выявление тематической структуры российской блогосферы: автоматические методы анализа текстов // *Социология: 4М*. 2013. № 36. С. 113–139. EDN [RCFOWJ](#).
11. Кашина М. А., Ткач С. Социология ценностей: опыт построения таксономии путём использования технологии анализа естественного языка // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6, № 1. С. 48–58. DOI [10.26425/2658-347X-2023-6-1-48-58](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-1-48-58). EDN [YROQXD](#).
12. Оценка соответствия приоритетов стратегического развития регионов их отраслевой специализации на основе Text Mining / Е. В. Козоногова, Ю. В. Дубровская, М. Р. Русинова, П. В. Иванов // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2022. № 2. С. 106–133. DOI [10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133). EDN [JRFOUQ](#).
13. Kotsiantis S. B., Kanellopoulos D., Pintelas P. E. Data Preprocessing for Supervised Learning // *International Journal of Computer and Information Engineering*. 2007. Vol. 1, № 12. P. 4091–4096.
14. Bird S., Klein E., Loper E. Natural language processing with Python. Sebastopol : O'Reilly Media, 2009. 479 p. ISBN 978-0-596-51649-9.
15. Воронцов К. В. Вероятностное тематическое моделирование. 2013. 28 с. URL: https://mathprofi.com/uploads/files/3314_f_41_veroyatnostnoe-tematicheskoe-modelirovanie.-k.v.voroncov-2013g.pdf?key=19789ad13cac2399925acb68b1e18d8e/ (дата обращения: 26.10.2023).
16. Оберемко О. А. К типологии открытых вопросов // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 4 (146). С. 97–108. DOI [10.14515/monitoring.2018.4.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.06). EDN [UZQQIE](#).
17. Ненько А. Е., Недосека Е. В., Галактионова А. А. Возможности семантического анализа ключевых биграмм для исследования дискурса соседского онлайн сообщества // *International Journal of Open Information Technologies*. 2021. Т. 9, № 12. С. 111–118. DOI [10.25559/INJOIT.2307-8162.09.202112.111-118](https://doi.org/10.25559/INJOIT.2307-8162.09.202112.111-118). EDN [QTJRPZ](#).
18. Хохлова М. В. Статистический подход применительно к исследованию сочетаемости: от мер ассоциации к машинному обучению // *Структурная и прикладная лингвистика: межвуз. сб. / Отв. ред. И. С. Николаев*. СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. Вып. 13. С. 106–122. EDN [GKFUJY](#).
19. Хохлова М. В. К вопросу о сходстве мер ассоциации применительно к задаче автоматического извлечения глагольных коллокаций // *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*. 2019. № 3. С. 9–18. DOI [10.17586/2541-9781-2019-3-9-18](https://doi.org/10.17586/2541-9781-2019-3-9-18). EDN [LCONAI](#).

20. *Kormacheva D., Pivovarova L., Kopotev M.* Evaluation of collocation extraction methods for the Russian language // Quantitative approaches to the Russian language. New York : Routledge, 2018. P. 137–157. DOI [10.4324/9781315105048-7](https://doi.org/10.4324/9781315105048-7).
21. *Рассел М., Классен М.* Data Mining. 3-е изд. СПб. : Питер, 2020. 464 с. ISBN 978-5-4461-1246-3.
22. *Кирина М.А.* Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 93–109. DOI [10.25205/1818-7935-2022-202-93-109](https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-202-93-109). EDN [MWZRKH](https://www.edn.ru/mwzrkh).
23. Тематическое моделирование в контексте медицинских текстов / С. А. Землянский, С. В. Аксёнов, И. А. Лызин, О. Г. Берестнева // Доклады ТУСУР. 2021. Т. 24, № 4. С. 58–64. DOI [10.21293/1818-0442-2021-24-4-58-64](https://doi.org/10.21293/1818-0442-2021-24-4-58-64). EDN [PWQTGR](https://www.edn.ru/pwqtgr).
24. *Воронцов К. В., Потапенко А. А.* Регуляризация, робастность и разреженность вероятностных тематических моделей // Компьютерные исследования и моделирование. 2012. Т. 4, № 4. С. 693–706. EDN [PWNZXV](https://www.edn.ru/pwnzxv).
25. *Pääkkönen J., Ylikoski P.* Humanistic interpretation and machine learning // Synthese. 2021. Vol. 199, № 1. P. 1461–1497. DOI [10.1007/s11229-020-02806-w](https://doi.org/10.1007/s11229-020-02806-w). EDN [CDPQZP](https://www.edn.ru/cdpqzp).
26. *Луков В. А.* Тезаурусная социология : в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. Т. 1. 608 с. ISBN 978-5-907017-45-0.

Сведения об авторах

А. Н. Пинчук

кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [898003](https://www.rincc.ru/author/898003)

С. Г. Кареева

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [717557](https://www.rincc.ru/author/717557)

Д. А. Тихомиров

кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [560487](https://www.rincc.ru/author/560487)

Вклад авторов в подготовку публикации:

А. Н. Пинчук – 60% (подготовка общетеоретической и методологической основы исследования, участие в написании всех разделов статьи, обработка статистических данных). С. Г. Кареева – 20% (участие в написании всех разделов статьи, оформление публикации в соответствии с требованиями журнала). Д. А. Тихомиров – 20% (организация сбора и обработки социологических данных в ходе исследования, осуществление критического анализа и доработка текста статьи).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 12.11.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 21.01.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.3

TEXT MINING TECHNOLOGIES IN SOCIOLOGICAL ANALYSIS (USING THE EXAMPLE OF STUDYING STUDENTS' IDEAS ABOUT THE MISSION OF A MODERN UNIVERSITY)

Antonina Nikolaeva Pinchuk¹

Svetlana Gennadievna Karepova²

Dmitry Andreevich Tikhomirov³

^{1, 3} Plekhanov Russian University of Economics,

² Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

¹ antonina.pinchuk27@bk.ru,

ORCID 0000-0001-7842-7141

² Svetlran@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0472-0924

³ dat1983@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-1872-6788

For citation: Pinchuk A. N., Karepova S. G., Tikhomirov D. A. Text Mining technologies in sociological analysis (using the example of studying students' ideas about the mission of a modern university. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):62–79. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.3.

Abstract. There are discussed in the article the possibilities of using Text Mining methods in the practice of analyzing the information received on the base of open questionnaire questions. The paper presents an example of unigrams and bigrams analysis, as well as the search for latent topic using thematic modeling. Empirical materials present the data of survey conducted in 2022, in which 929 students of one Moscow economics university took part. In the open question of the questionnaire, it was proposed to define the mission of the university. Information made it possible to get the subjective interpretation of the main significance of higher education in modern conditions. The frequency analysis of unigrams, supplemented by a qualitative analysis of respondents' statements, allowed reflecting the vocabulary of student discourse about the mission of the university. The articulation of bigrams was carried out on the basis of several statistical metrics, which made it possible to rank phrases and highlight a key set of concepts. The procedure revealed that in the perception of students, the priorities of the university are aimed at the transferring of professional knowledge and skills, in a broad sense – the training of qualified specialists. The social functions of the university, focused on meeting the needs of society and the state, are less pronounced in the conceptual interpretations of the interviewed students. At the next stage of the study the task of articulation and research of latent topics was put forward. The specific feature of thematic modeling is that the words combined into one topic reflect the distribution of words identified by the program, but not a topic that is literally understandable to a person. Taking into account the specifics of

the method used, the authors demonstrated the results of search analysis in the practice of processing an open question. As it turned out, the keywords concentrated in the core of the main topics are mainly related to meeting the needs of the students themselves, leaving on the periphery of the verbalized definitions any understanding of the importance of the university as a platform for innovation, scientific research, entrepreneurial and other initiatives for the benefit of society and the country. The results of the presented research can be useful in rethinking the research tools of sociologists in the context of the active development of digital technologies, which requires testing new methods, understanding their real capabilities and limitations in solving the tasks of sociological research.

Keywords: Text Mining, open question, preprocessing, unigrams, bigrams, thematic modeling

Acknowledgments: the research was carried out with the grant No. 24-28-00549 support of the Russian Science Foundation “Cultural marginality of Russian students: human potential of new generations as a problem and resource for developing patriotism in the main provisions and measures for implementing the state youth policy” (principal investigator candidate of sociology D. A. Tikhomirov).

REFERENCES

1. Alekseev A. A., Katasev A. S., Kirillov A. E., Kirpičnikov A. P. Classification of text documents based on Text Minig. *Vestnik tehnologičeskogo universiteta=Bulletin of the Technological University*. 2016;19(18):116–119. (In Russ.).
2. Hotho A., Nürnberger A., Paaß G. A Brief survey of Text Mining. *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*. 2005;20(1):19–62. DOI [10.21248/jlcl.20.2005.68](https://doi.org/10.21248/jlcl.20.2005.68).
3. Isaeva E., Aldarova D. Text-Mining in terms of methodology and development. In: Proceedings of 2021 IEEE conference of Russian young researchers in electrical and electronic engineering (ElConRus). (Moscow, 26–29 January 2021). Moscow: IEEE; 2021. P. 413–416. DOI [10.1109/ElConRus51938.2021.9396437](https://doi.org/10.1109/ElConRus51938.2021.9396437).
4. Osochkin A. A., Fomin V. V., Flegontov A. V. Method of frequency-morphological classification of texts. *Software products and systems=Programmny'e produkty' i sistemy'*. 2017;30(3):478–486. (In Russ.). DOI [10.15827/0236-235X.030.3.478-486](https://doi.org/10.15827/0236-235X.030.3.478-486).
5. Macanovic A. Text mining for social science – The state and the future of computational text analysis in sociology. *Social Science Research*. 2022;(108):1–16. DOI [10.1016/j.ssresearch.2022.102784](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2022.102784).
6. Evans J. A., Aceves P. Machine translation: Mining text for social theory. *Annual Review of Sociology*. 2016;(42):21–50. DOI [10.1146/annurev-soc-081715-074206](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081715-074206).
7. Kross E., Verduyn P., Boyer M. [et al]. Does counting emotion words on online social networks provide a window into people's subjective experience of emotion? A case study on Facebook. *Emotion*. 2019;19(1):97–107. DOI [10.1037/emo0000416](https://doi.org/10.1037/emo0000416).
8. Karlgren J., Li R., Meyersson Milgrom E. M. Text mining for processing interview data in computational social science. arXiv. 28 Nov 2020. Available at: <https://arxiv.org/abs/2011.14037> (accessed: 26.10.2023). DOI [10.48550/arXiv.2011.14037](https://doi.org/10.48550/arXiv.2011.14037).
9. Dudina V. I., Iudina D. I. Mining opinions on the Internet: can the text analysis methods replace public opinion polls? *Monitoring obshchestvennogo mneniya:*

- ekonomicheskie i social'nye peremeny*=Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2017;5(141):63–78. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2017.5.05](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.05).
10. Koltsova O. Y., Maslinsky K. A. Identifying the thematic structure of the Russian blogosphere: automatic text analysis methods. *Sociologiya: 4M*=Sociology: 4M. 2013;(36):113–139. (In Russ.).
 11. Kashina M. A., Tkach S. Sociology of values: experience of building a taxonomy by using natural language analysis technology. *Cifrovaya sociologiya*=Digital Sociology. 2023;6(1):48–58. (In Russ.). DOI [10.26425/2658-347X-2023-6-1-48-58](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-1-48-58).
 12. Kozonogova E. V., Dubrovskaya Yu. V., Rusinova M. R., Ivanov P. V. Assessment of compliance of strategic development priorities of regions with their industry specialization based on Text Mining. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*=Public administration issues. 2022;(2):106–133. (In Russ.). DOI [10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133).
 13. Kotsiantis S. B., Kanellopoulos D., Pintelas P. E. Data preprocessing for supervised learning. *International Journal of Computer and Information Engineering*. 2007;1(12):4091–4096.
 14. Bird S., Klein E., Loper E. Natural language processing with Python. Sebastopol: O'Reilly Media; 2009. 479 p. ISBN 978-0-596-51649-9.
 15. Vorontsov K. V. Probabilistic Topic modeling. 2013. 28 p. Available at: https://mathprofi.com/uploads/files/3314_f_41_veroyatnostnoe-tematicheskoe-modelirovanie.-k.v.voroncov-2013g.pdf?key=19789ad13cac2399925acb68b1e-18d8e/ (accessed: 26.10.2023). (In Russ.).
 16. Oberemko O. A. On typology of open-ended questions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*=Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2018;(4):97–108. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2018.4.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.06).
 17. Nenko A., Nedoseka E., Galaktionova A. Possibilities of the key bigrams semantic analysis for studying the discourse of an online neighbor community. *International Journal of open information technologies*. 2021;9(12):111–118. (In Russ.). DOI [10.25559/INJOIT.2307-8162.09.202112.111-118](https://doi.org/10.25559/INJOIT.2307-8162.09.202112.111-118).
 18. Khokhlova M. V. Statistical approach to collocation extraction: from association measures to machine learning. In: Nikolaev I. S. ed. Structural and applied linguistics: interuniversity collection of articles. Issue 13 [Strukturnaya i prikladnaya lingvistika: mezhvuz. Sb.] Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; 2019. P. 106–122. (In Russ.).
 19. Khokhlova M. V. On the question of the similarity of association measures in relation to the problem of automatic extraction of verb collocations. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*=Computer linguistics and computing ontologies. 2019;(3):9–18. (In Russ.). DOI [10.17586/2541-9781-2019-3-9-18](https://doi.org/10.17586/2541-9781-2019-3-9-18).
 20. Kormacheva D., Pivovarova L. Kopotev M. Evaluation of collocation extraction methods for the Russian language. In: Quantitative approaches to the Russian language. New York: Routledge; 2018. P. 137–157. DOI [10.4324/9781315105048-7](https://doi.org/10.4324/9781315105048-7).
 21. Russell M. A., Klassen M. Mining the Social Web: Data Mining. Saint-Petersburg: Piter; 2020. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-1246-3.
 22. Kirina M. A. A Comparison of topic models based on LDA, STM and NMF for qualitative studies of Russian short prose. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*=Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2022;20(2):93–109. (In Russ.). DOI [10.25205/1818-7935-2022-202-93-109](https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-202-93-109).

23. Zemlyansky S. A., Axyonov S. V., Lyzin I. A., Berestneva O. G. Topic modeling in the context of medical texts. *Doklady TUSUR=Proceedings of TUSUR University*. 2021;24(4):58–64. (In Russ.). DOI [10.21293/1818-0442-2021-24-4-58-64](https://doi.org/10.21293/1818-0442-2021-24-4-58-64).
24. Vorontsov K. V., Potapenko A. A. Regularization, robustness and sparsity of probabilistic topic models. *Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie=Computer research and modeling*. 2012;4(4):693–706. (In Russ.).
25. Pääkkönen J., Ylikoski P. Humanistic interpretation and machine learning. *Synthese*. 2021;199(1):1461–1497. DOI [10.1007/s11229-020-02806-w](https://doi.org/10.1007/s11229-020-02806-w).
26. Lukov Val. A. Thesaurus Sociology: in 4 volumes [Tezaurusnaya sociologiya: v 4 t.]. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta; 2018. Vol. 1. 608 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907017-45-0.

Information about the Authors

A. N. Pinchuk

Candidate of Sociology,
Associate Professor,
Senior Researcher
Researcher ID: [J-8648-2018](#)
Scopus AuthorID: [57207845663](#)

S. G. Karepova

Candidate of Sociology,
Leading Research Associate
Researcher ID: [J-8658-2018](#)
Scopus AuthorID: [56685800600](#)

D. A. Tikhomirov

Candidate of Sociology,
Associate Professor,
Leading Research Associate
Researcher ID: [AAS-4884-2021](#)
Scopus AuthorID: [57210471226](#)

Contribution of the authors:

A. N. Pinchuk – 60% (preparation of the general theoretical and methodological basis of the study, participation in writing all sections of the article, processing statistical data). S. G. Karepova – 20% (participation in writing all sections of the article, designing the publication in accordance with the requirements of the journal). D. A. Tikhomirov – 20% (organization of collection and processing of sociological data during the study, critical analyzing and final editing).

The article was submitted 12.11.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 22.01.2024.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

Салават Талгатович Сагитов

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,

Уфа, Россия,

salavatst@list.ru,

ORCID [0000-0002-7211-1004](https://orcid.org/0000-0002-7211-1004)

Для цитирования: Сагитов С. Т. Цифровизация сферы культуры России: этапы и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 80–93. DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.4). EDN [AZGCYX](https://edn.ru/AZGCYX).

Аннотация. Цифровизация является в настоящее время объективной реальностью, которая, можно сказать, ежедневно изменяет жизнь как конкретного индивида, так и всего социума. Вместе с тем проводимые по вопросам цифровизации международные форумы, исследования, опубликованные монографии в гораздо большей степени посвящаются вопросам цифровизации в сфере безопасности, технологий, в экономике и образовании и гораздо в меньшей – в сфере культуры. Во многом это определяется тем, что большинство социума рассматривает культуру как отрасль, имеющую второстепенное значение для развития, а не как одну из основных и равноправных сфер жизнедеятельности общества. Автором на основе подхода к управлению сферой культуры как к процессу массовой коммуникации разработан теоретико-методологический конструкт – модель управления сферой культуры в условиях цифровизации. Анализ динамики процесса цифровизации сферы культуры в России, практического опыта автора, показал, что основными факторами, влияющими на скорость и качество цифрового развития, сегодня являются цифровые разрывы, определяющие как технологические аспекты, так и аспекты, требующие оценки и развития компетенций акторов социального управления. Автором введено в исследовательскую практику понятие «цифровой фрустрации» как результата цифрового разрыва второго уровня, которая наряду с физическими, психологическими, биологическими и социальными фрустраторами может привести общество к состоянию социальной аномии.

Ключевые слова: цифровизация, сфера культуры, цифровой разрыв, управление, цифровая фрустрация

Введение

С каждым годом цифровизация всё больше входит в сложившийся уклад жизнедеятельности человека, охватывая всё новые и новые её сферы, изменяя не только их форму, но и содержание. При этом нынешний

уровень цифрового развития не сводится к банальному использованию персональных компьютеров для решения отдельной проблемы, а имеет возможность формировать технологические системы для решения целого класса задач.

Нельзя не отметить, что перенос различных аспектов жизнедеятельности человека в виртуальное пространство сформировал ряд вызовов, с которыми не приходилось сталкиваться ранее. Прежде всего, это касается оценки воздействия на окружающую реальность того, что зарождается и проходит в виртуальном мире. Цифровизация настойчиво входит в процессы, которые ещё в недалёком прошлом считались исключительно социальными, например – в процесс социализации личности. Сегодня, особенно у детей и подростков, мнения формируются не считавшимися ранее традиционными агентами социализации, как то: семья или учителя, а виртуальными друзьями, что достаточно ясно говорит о том, что идёт формирование нового типа личности в обновляющемся обществе, которое ряд российских учёных характеризует как информационно-инновационное и в качестве его гносеологической основы выделяет информированность, образованность, нравственность человека [1]. Ответом на виртуализацию общественной жизни стало появление новой отрасли социологической науки – цифровой социологии [2].

Учитывая, что социум находится в начале трансформационного пути по цифровизации своей жизнедеятельности, в приоритете должно быть не столько решение технологических вопросов, сколько определение приоритетов развития данного направления, т. е. анализ пройденного и на его основании постановка задач, требующих решения в перспективе. При этом обзор научной и научно-популярной литературы последних лет, реализуемых на практике мероприятий убедительно доказывает, что при большом количестве исследований воздействия цифровизации на экономическую, технологическую сферу, IT направление и образование [3; 4; 5] сфере культуры в вопросах цифровизации уделяется незаслуженно мало внимания [6].

Управление сферой культуры как процесс массовой коммуникации

В целом начало цифровизации сферы культуры в России приходится на окончание XX в. Согласимся с предложенными пятью основными этапами цифровизации сферы культуры [7] и соотнесём предложенную классификацию с разработанной на основе анализа результатов социологических исследований и опыта работы автора моделью управления сферой культуры как процессом массовой коммуникации [8], в которой

выделяются три крупные группы элементов. Первая группа, определяющая предпосылки появления и характеристики культурной продукции, включает источник информации и культурную продукцию. Вторая группа – это акторы процесса управления сферой культуры, к которой мы отнесли коммуникаторов, коммуникационные каналы и потребителей. Третья группа элементов включает в себя систему интерпретаций данных, позволяющую совершать перцептивные и опознавательные действия, отражающую субъективность, индивидуальность восприятия и определяющую факторы восприятия культурной продукции его акторами, к которой относятся индивидуальные фильтры и обратная связь. При этом хотелось бы отметить, что мы в своих исследованиях придерживаемся субъектно-субъектного подхода, поэтому и отношения акторов в процессе управления сферой культуры рассматриваются как равноправные, равнозначные, как динамичный процесс, отражающий неразрывную цепь культурного и общесоциального развития, пронизанный обратными связями [9].

Этапы цифровизации сферы культуры в России. Первый этап цифровизации пришёлся на 90-е гг. прошлого столетия и характеризовался началом внедрения компьютеров (в меньшей степени компьютерных технологий) и попыткой их интеграции в решение ряда точечных задач. Учитывая, что сфера культуры была в роли догоняющей по отношению ко многим другим отраслям, то и модели информатизации были заимствованы без учёта её специфики, практически при полном отсутствии подготовленных кадров. Вместе с тем на этом этапе сформировались акторы процесса цифровизации сферы культуры: государство, потребитель (население), учреждения культуры и отдельные представители ИТ-сферы. Последние две группы выступали в роли коммуникационных каналов и доносили до потребителя культурной продукции те новации, которые предлагало государство (коммуникатор).

Второй этап информатизации сферы культуры пришёлся на начало 2000-х гг. и характеризовался увеличением как числа деятельных акторов в процессе информатизации, так и источников информации. В этот период наблюдалось преобладание разрозненных программ информатизации на уровне коммуникационных каналов при фактическом бездействии на целевом уровне. В качестве положительного момента можно отметить переход на функциональные аспекты прикладной информатики в культуре, направленные в тот период в большей части на оцифровку как на инновационный способ сохранения культурного наследия.

Третий этап (конец 2000-х – начало 2010-х гг.) характеризуется усилением роли коммуникатора (государства) и документальным оформлением информационно-технологических аспектов культурной политики.

Применение проектного подхода к информатизации сферы культуры позволило не только проводить мероприятия системного характера, затрагивая все уровни управления и реализации культурной политики, но и наконец-то начать формирование соответствующего контента и определения аудитории – на кого направлены те или иные источники информации, т. е. начался отход от только технологических вопросов компьютеризации. Несмотря на определённое ускорение темпов и масштабов информатизации в сфере культуры, «цифровое отставание», особенно в части кадрового состава, не позволяет говорить о переходе к интенсивному развитию.

Четвёртый этап (начало 2010-х – конец 2010-х гг.) кардинально отличается от предыдущих трёх. Самое главное отличие – процессы управления в цифровизации сферы культуры стали строиться на субъектно-субъектном подходе. Не столько одностороннее движение от коммуникатора начало определять направление развития цифровизации, сколько потребители культурной продукции посредством своих предпочтений (индивидуальные и социальные фильтры) и обратной связи начали выступать в роли равноправного участника процесса управления сферой культуры. Не только стратегия, определённая на целевом уровне и реализуемая на тактическом, стала определяющей для коммуникационных каналов, но и индивидуальный подход к массовому потребителю стал определять развитие цифровизации. Естественно, это стало возможным благодаря практически всеобщей доступности различного рода гаджетов и интернета основной части населения страны. Однако данная общедоступность не только кардинально изменила статус потребителя культурной продукции на статус равноправного участника процесса управления, многие представители потребителя стали и источниками информации, и культурными коммуникаторами. Тектонические сдвиги среди социальных акторов произошли как по вертикали, так и по горизонтали. Ещё вчера опосредованные акторы сегодня стали деятельными [10]. Это подтолкнуло традиционные каналы культурной коммуникации увеличивать своё присутствие в интернет-среде с расширением функций и услуг, до этого ими не предоставляемых. Одновременно и коммуникатор – государство – приступил к масштабной реализации задач по цифровизации сферы культуры на системной основе и с конкретной стратегией, нашедшей отражение в национальном проекте «Культура».

Пятый этап, начавшийся буквально в начале третьего десятилетия XXI в., является во многом определяющим в части ликвидации цифрового разрыва второго уровня. Должно произойти усиление уже регионального и муниципального уровней управления в проведении цифровизации сферы культуры. Высока актуальность и подготовки кадров для

работы в современных условиях. Наконец, должно прийти осознание того, что культура, образование и наука – это не просто духовная составляющая жизни каждого отдельного человека, это связующие элементы жизнедеятельности всего социума. Именно поэтому процессы цифровизации должны избежать аномии и находиться в единой целевой парадигме с учётом мнения потребителя культурной продукции с его всё возрастающим требованием индивидуального подхода.

Цифровая культура: теоретический аспект

Управление цифровизацией сферы культуры, в первую очередь, направлено на регулирование процесса разработки, производства и внедрения цифровых продуктов и услуг, модернизирующих сферу культуры, а также на формирование информационной, цифровой культуры личности и общества. Несмотря на то, что термин «цифровая культура» появился не так давно, в немногочисленной научной литературе по цифровизации социальных управленческих процессов имеется несколько подходов. Так, один из них, делая упор исключительно на технологической стороне, определяет цифровую культуру как «общие основополагающие и глубоко укоренившиеся базовые допущения, ценности, убеждения и нормы, характеризующие то, как организация поощряет и поддерживает использование технологий для наиболее эффективного использования в работе» [11, с. 235]. При определении цифровой культуры как «артефактов, и символических структур, основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включённых в институционную систему и способствующих поддержанию определённых ценностей» [12, с. 12], виден теоретизированный подход, без определения акторов процесса цифровизации. Наиболее подходящим определением цифровой культуры для наших исследований является формулировка, где, с одной стороны, она «представляет собой совокупность цифровых технологических процессов в сфере культуры, а с другой – является комплексом ценностей, норм и правил, регулирующих отношения людей в информационном пространстве культуры» [13, с. 14].

Цифровизация сферы культуры является одним из приоритетов в осуществлении государственной социальной политики в России и призвана обеспечить вовлечение всего населения страны, вне зависимости от социально-демографических, географических и иных особенностей потребителей культурной продукции, что и отражено в ряде законодательных и иных нормативно-правовых актах. Так, в утверждённых Указом Президента Российской Федерации Основах государственной культурной

политики [14] по внедрению и развитию цифровых коммуникационных технологий в сфере культуры предполагается, по нашему мнению, работа деятельных акторов целевого уровня по следующим направлениям: законодательное и кадровое обеспечение, поддержка и создание новых цифровых технологий, способствующих эффективному взаимодействию социальных акторов.

Не случайным является и включение внедрения цифровых технологий в социальной сфере в качестве одной из национальных, отражённых в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 [15], ибо это является одним из рычагов преодоления цифрового неравенства в части доступности культурных благ. При этом, именно преодоление цифрового неравенства, цифрового разрыва второго уровня позволит решить задачу, определённую в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.: содействие формированию личности, активного социального актора путём повышения грамотности граждан и создания единого «оцифрованного» культурного пространства [16].

Реализация федерального проекта «Цифровая культура»

Необходимость особого внимания со стороны государства на цифровизацию сферы культуры была и в процессе подготовки национальных проектов. В реализуемом федеральном проекте «Цифровая культура» в рамках национального проекта «Культура» заложен ряд мероприятий в данном направлении [17]. В таблице 1 отражены целевые индикаторы федерального проекта на 2021–2024 гг., по которым можно судить о масштабе деятельности в этом направлении.

Таблица 1
Количество реализованных проектов в рамках федерального проекта
«Цифровая культура», 2021–2024 гг.

Наименование показателя (ед.)	Г о д			
	2021	2022	2023	2024
Виртуальные концертные залы (с нарастающим итогом)	563	643	723	823
Выставочные проекты с цифровыми гидами в формате дополненной реальности	325	400	475	550
Количество онлайн-трансляций на портале «Культура.РФ»	100	100	100	100

В рамках проекта «Цифровая культура», начиная с 2019 года ежегодно создаётся по 80 виртуальных концертных залов и за три года было проведено 398 онлайн-трансляций крупнейших мероприятий на портале «Культура.РФ», благодаря чему миллионы людей даже в самых отдалённых уголках страны смогли получить бесплатный доступ к концертам как в записи, так и в режиме реального времени [18]. За 2019–2021 гг. было оцифровано более 7,5 тыс. фильмовых материалов и более 24 тыс. книжных памятников, что, безусловно, позитивно отражается как на сохранении культурного наследия, так и на дальнейшей его передаче последующим поколениям.

В рамках цифровизации отрасли культуры в первую очередь хочется выделить портал «Культура.РФ», который проводит трансляции лекций, экскурсий по выставкам, спектаклей, концертов, обеспечивая тем самым постоянную связь коммуникативных каналов со своими потребителями, приобщая последних к постоянно обновляющейся культурной продукции. Посещаемость портала ежегодно увеличивается почти двукратно. Если в 2019 году было 31 млн посещений, в 2020 году – 69 млн, то в 2021 году – 131 млн посещений портала, что обусловливается и ростом количества культурных виртуальных мероприятий: в 2019 году в рамках портала было проведено 174 000, в 2020 году – 330 000, а в 2021 году – 667 000 мероприятий. Кроме того, на бесплатной цифровой платформе «PRO.Культура.РФ» предполагается размещение анонсов проведения всех культурных мероприятий самого разного уровня. Эта платформа позволяет собрать в одну базу календарь проводимых в сфере культуры коммуникационными каналами мероприятий, что при должной аналитике, с учётом социальных и индивидуальных фильтров, даёт возможность коммуникатору проводить культурную политику с учётом мнения всех социальных акторов.

Представляют интерес и музейные платформы «Артефакт» и «Госкаталог» в сфере создания мультимедиагидов и для виртуальных гостей, и для посетителей музеев, а также в сфере регистрации предметов музейного фонда в единой базе, в которой зарегистрировано более 40 млн экспонатов, большая часть из которых представлена на публичное обозрение. По итогам 2021 года количество цифровых гидов в формате дополненной реальности для применения в экспозициях российских музеев достигло 331. Тогда как ещё по итогам 2018 года их было 100, а по итогам 2019 года – 178. Один из значимых цифровых проектов в сфере культуры – виртуальные концертные залы, благодаря которому многие потребители культурной продукции в России уже имеют возможность в прямом эфире получить доступ к лучшим образцам академического искусства. Более того, данный проект предполагает аналогичные меропр-

ятия и уже реализуется не только на федеральном уровне (целевом), но и в ряде регионов (на тактическом уровне) при непосредственном участии муниципалитетов (на прикладном уровне).

Цифровые разрывы первого и второго уровня

Одним из главных условий успешного функционирования вышеупомянутых проектов в интернет-пространстве являются возможность удовлетворения спроса со стороны потребителей и синхронизация усилий всех уровней управления в сфере культуры во избежание аномии. Это позволит ликвидировать цифровую фрустрацию при постоянном технологическом совершенствовании, имплементации культурных прав и инклюзивности культурной продукции.

Второе условие для максимального использования данных платформ, в том числе для управленческой деятельности, – подготовка кадров. Мы уже подчёркивали, что цифровой разрыв в нашей стране достаточно велик. Так, в соответствии с рейтингом готовности стран к сетевому миру Россия находилась в восьмом десятке рейтинга в 2015 году, а в 2020 году – на 48-м месте с показателем 54,23, соседствуя с такими странами, как Уругвай, Румыния, Чили, Таиланд. Тогда как лидеры рейтинга – шесть стран (Швеция, Дания, Сингапур, Нидерланды, Швейцария, Финляндия) – имеют индекс свыше 80. Всего в рейтинге 134 страны, и у трёх аутсайдеров (Йемен, Конго и Чад) показатель меньше 20 [19]. Отметим, что индекс рассчитывается на основании как статистических данных, так и результатов комплексного опроса и измеряет уровень развития информационно-коммуникационных технологий по 62 контрольным показателям, объединённым в четыре основные группы: технологии, управление, влияние и люди.

Подготовка людей к новой цифровой реальности, в том числе в сфере культуры, и должна стать одной из основных задач для преодоления цифровой фрустрации. В рамках национального проекта «Культура» действует федеральный проект «Творческие люди», одной из четырёх основных задач которого является создание на базе творческих вузов условий и инфраструктуры для постоянного повышения соответствующих компетенций. На наш взгляд, закономерно встаёт вопрос: а смогут ли творческие вузы, в силу своей специфики и отсутствия квалифицированного профессорско-преподавательского корпуса в сфере ИТ-технологий, эффективно заниматься подготовкой и переподготовкой кадров для сферы культуры?

Таким образом, подытоживая анализ состояния развития цифровой культуры, выделим два фактора, влияющих на скорость и качество циф-

ровизации сферы культуры: цифровой разрыв первого уровня и цифровой разрыв второго уровня. При этом если вопрос цифрового разрыва первого уровня носит в большей степени технологический характер и зависит от коммуникаторов, то вопрос преодоления цифрового разрыва второго уровня требует внимания всех участников процесса – и именно в качестве деятельных акторов. Для их комплексного решения недостаточно просто «проложить оптико-волоконный кабель» с широкополосным интернетом. В данном случае в цифровом пространстве будет повторяться ситуация отставания цифровой культуры от технологических решений. В итоге одновременно снизятся и скорость развития цифровых технологий, и качество, и объём цифровых решений, в том числе в экономике, что в итоге приведёт к массовой цифровой фрустрации. Для недопущения последней значимая роль принадлежит образовательным процессам, требующим от потребителей выявления и сокращения своих профессиональных дефицитов [20], а от коммуникаторов – разработки соответствующей системы, что позволит повлиять и на качество цифровой культуры, и на скорость её распространения, и на её внутреннюю сущностную составляющую.

Заключение

Безусловно, цифровизация в сфере культуры – непростой процесс, так как здесь нельзя всё свести к простому подсчёту и анализу цифр, ибо культура отражает в первую очередь качества личности, связанные с духовным миром человека, которые невозможно просто пересчитать. Ввиду этого и перед коммуникаторами, и перед всеми социальными акторами стоит задача оптимального решения вопроса по внедрению цифровых технологий. Нельзя и топтаться на месте, когда рядом все остальные сферы (каждая с разной скоростью) мчатся вперёд, но и нельзя допустить превращения человека в киборга, а человеческих отношений – исключительно в процесс обмена цифровыми данными. Учитывая, что новые технологии могут усугубить отношения между различными социальными группами, ввиду того, что «как и во все моменты крупных технологических изменений, люди... чувствуя глубину изменений, не могут в них досконально разобраться и не понимают их последствий» [21], одной из актуальных задач в сфере культуры, которая требует постоянного решения, контроля и корректировки, является анализ взаимодействия между социальными акторами – определение ролей и функций акторов процесса управления сферой культуры в период цифровой трансформации и выработка модели управления в условиях трансформации общественного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Культура в информационно-инновационном обществе: монография / З. И. Файнбург, Н. С. Смольников, Ю. Р. Вишневский [и др.] ; отв. ред. В. Н. Стегний. Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2017. 497 с. ISBN 978-5-398-01842-4. EDN **USTSGN**.
2. Шульц В. Л., Гребенюк А. А., Ашманов И. С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 1. С. 126–144. DOI **10.24290/1029-3736-2022-28-1-126-144**. EDN **SWVTCX**.
3. Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кешелава ; гл. «цифр.» конс. И. А. Зименко. Москва : ВНИИГеосистем, 2017. 44 с. ISBN 978-5-8481-0224-6. EDN **GSVTEG**.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция : перевод с английского / Клаус Шваб. Москва : Издательство «Э», 2018. 208 с. ISBN 978-5-699-90556-0.
5. Цифровая реальность: вызовы и перспективы / Под ред.: Л. Н. Духаниной, Н. А. Махутова, В. Г. Мартынова [и др.]. М. : Международный гуманитарный общественный фонд «Знание», 2018. 336 с. (Серия «Цифровая экономика», выпуск № 1). ISBN 978-5-87633-178-6. EDN **YWGUNF**.
6. Бороноев А. О., Поздеева Е. Г., Фетисов В. Я. Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы / Е. Г. Поздеева, В. Я. Фетисов, А. О. Бороноев // Социологические исследования. 2018. № 10 (414). С. 157–159. DOI **10.31857/S013216250002168-7**. EDN **YOUXXN**.
7. Лопатина Н. В. Управление цифровизацией культуры: опыт, ошибки, перспективы // Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 08 октября 2020 года) / Отв. ред. С. Ю. Житенёв ; Институт Наследия. Москва : Институт Наследия, 2020. С. 170–178. EDN **QYKUGH**.
8. Сагитов С. Т. Управление сферой культуры: социологический анализ. М. : Наука, 2022. 223 с. ISBN 978-5-02-040952-1.
9. Балакишин А. С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1 (3). С. 374–379. EDN **HQTFVB**.
10. Haigh T. The history of information technology // Annual Review of Information Science and Technology. 2011. Vol. 45. P. 431–487. DOI **10.1002/aris.2011.1440450116**.
11. Кузнецова Т. Ф. Цифровая культура // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 233–237. DOI **10.17805/zpu.2018.4.23**. EDN **ZFDYXB**.
12. Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 11–16. EDN **PCOQIJ**.
13. Житенев С. Ю. Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития // Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 08 октября 2020 года) / Отв. ред. С. Ю. Житенёв ; Институт Наследия. Москва : Институт Наследия, 2020. С. 12–19.
14. Указ Президента Российской Федерации. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утверждённые Указом Президента

- Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).
15. Указ Президента Российской Федерации. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года от 07.05.2018. № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157> (дата обращения: 21.12.2022).
 16. Распоряжение от 29 февраля 2016 г. № 326-р [Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.] // Кодекс : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения: 15.05.2022).
 17. Федеральный проект «Цифровая культура» // Министерство культуры Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения: 20.07.2022).
 18. Татьяна Голикова провела заседание проектного комитета по национальному проекту «Культура» // Правительство России : [сайт]. 6 апреля 2021 г. URL: <http://government.ru/news/41906/> (дата обращения: 20.07.2022).
 19. Рейтинг стран мира по Индексу сетевой готовности // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (дата обращения: 15.05.2021).
 20. Управление качеством педагогического образования на основе диагностики профессиональных дефицитов учителя: теоретико-методический аспект / Н. В. Алтыникова, А. В. Дорофеев, А. А. Музаев, С. Т. Сагитов // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 1. С. 65–81. DOI [10.17759/pse.2022270106](https://doi.org/10.17759/pse.2022270106). EDN [YXUFMX](https://www.edn.ru/yxufmx).
 21. *Castells M.* The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective // MIT Technology Review : [сайт]. September 8, 2014. URL: <https://www.technologyreview.com/s/530566/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/> (дата обращения: 15.05.2021).

Сведения об авторе

С. Т. Сагитов

кандидат социологических наук, доцент,
ректор

AuthorID РИНЦ: [426995](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=426995)

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 17.01.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.4

DIGITALIZATION OF THE CULTURAL SPHERE IN RUSSIA: STAGES AND CHALLENGES

Salavat Talgatovich Sagitov

Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla,
Ufa, Russia,

salavatst@list.ru,

ORCID 0000-0002-7211-1004

For citation: Sagitov S. T. Digitalization of the cultural sphere in Russia: stages and challenges. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):80–93. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.4.

Abstract. Digitalization is currently an objective reality that constantly changes the lives of both individuals and society as a whole. However, international forums, researches, and monographs on digitalization primarily focus on issues related to digitalization in the fields of security, technology, economy, and education, and to a much lesser extent – the field of culture. This is to a large extent due to the fact that the majority of society considers culture as a sector of secondary importance in societal development, rather than one of the main and equal spheres of vital activity of society. Based on the approach to managing the cultural sphere as a process of mass communication, the author has developed a theoretical and methodological construct – a model for managing the cultural sphere in the conditions of digitalization. Analysis of the digitalization process dynamics of the cultural sphere in Russia and the author's practical experience show that the main factors influencing the speed and quality of digital development today are digital divides that determine both technological aspects and aspects requiring evaluation and development the actors of social management competencies. The author introduces the concept of «digital frustration» into the research practice understood as a result of the second-level digital divide, which, together with physical, psychological, biological and social frustrations can lead society to a state of social anomie.

Keywords: digitalization, cultural sphere, digital divide, management, digital frustration

REFERENCES

1. Stegnij V. N. ed. Culture in the information and innovation society [Kul'tura v informacionno-innovacionnom obshhestve]. Perm: Izd-vo PNIPU; 2017. 495 p. (In Russ.). ISBN 978-5-398-01842-4.
2. Shul'cz V. L., Grebenyuk A. A., Ashmanov I. S. Theoretical and methodological issues of digital sociology [Teoretiko-metodologicheskie problemy` cifrovoj sociologii]. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2022;28(1):126–144. (In Russ.).
3. Keshelava A. V. ed. Introduction to the 'Digital' economy [Vvedenie v «Cifrovuyu» e`konomiku]. Moscow: VNIIGeosistem; 2017. 44 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8481-0224-6.

4. Shvab K. The fourth industrial revolution: translated from English [Chetvertaya promy'shlennaya revolyuciya: perevod s anglijskogo]. Moscow: Izdatel'stvo «E»; 2018. 208 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-90556-0.
5. Duxanina L. N. [et al.] eds. Digital reality: Challenges and perspectives [Cifrovaya real'nost': vy'zovy` i perspektivy. Seriya «Cifrovaya e'konomika», vy'pusk № 1]. Moscow: Mezhdunarodny`j gumanitarny`j obshhestvenny`j fond «Znanie»; 2018. 336 p. (In Russ.). ISBN 978-5-87633-178-6.
6. Boronoev A. O., Pozdeeva E. G., Fetisov V. Ya. The fourth industrial revolution: realities and contemporary challenges. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2018;10(414):157–159. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250002168-7](https://doi.org/10.31857/S013216250002168-7).
7. Lopatina N. V. Digitalization of culture management: experience, mistakes, perspectives. In: Upravlenie cifrovizaciej kul'tury`: opy`t, oshibki, perspektivy. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Cifrovizaciya kul'tury` i kul'tura cifrovizacii: sovremennyy`e problemy` informacionny`x texnologij». S. Yu. Zhitenyev ed. Moscow: Institut Naslediya; 2020. P. 170–178. (In Russ.).
8. Sagitov S. T. Management the cultural sphere: a sociological analysis [Upravlenie sferoj kul'tury`: sociologicheskij analiz]. Moscow: Nauka; 2022. 223 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-040952-1.
9. Balakshin A. S. The essence and content of the concept “cultural policy” [Sushhnost` i sodержanie ponyatiya «kul'turnaya politika»]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod university named after N. I. Lobachevsky. Series: Social sciences=Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny`e nauki*. 2004;1(3):374–379. (In Russ.).
10. Haigh T. The history of information technology. *Annual review of information science and technology*. 2011;(45):431–487. DOI [10.1002/aris.2011.1440450116](https://doi.org/10.1002/aris.2011.1440450116).
11. Kuzneczova T. F. Digital culture. *Znanie. Ponimanie. Umenie=Knowledge. Understanding. Skill*. 2018;(4):233–237. (In Russ.). DOI [10.17805/zpu.2018.4.23](https://doi.org/10.17805/zpu.2018.4.23).
12. Galkin D. V. Digital Culture: methodological issues in researching cultural dynamics. *Mezhdunarodny`j zhurnal issledovanij kul'tury`=International journal of cultural research*. 2012;3(8):11–16. (In Russ.).
13. Zhitenyev S. Yu. New information technologies and modern communication culture: current state, definitions, and development issues [Novy`e informacionny`e texnologii i sovremennaya kul'tura kommunikacij: sostoyanie, opredeleniya i voprosy` razvitiya]. In: Cifrovizaciya kul'tury` i kul'tura cifrovizacii: sovremennyy`e problemy` informacionny`x texnologij: materialy` Vseros. nauch. konf. (08 oktyabrya 2020 g.). Ed. S. Yu. Zhitenyova. Moscow: Institut Naslediya; 2020. P. 12–20. (In Russ.).
14. Decree of the President of the Russian Federation on Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014, No. 808 [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii. O vnesenii izmenenij v Osnovy` gosudarstvennoj kul'turnoj politiki, utverzhdenny`e Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808]. Oficial'ny`j internet-portal pravovoj informacii. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (accessed: 27.01.2023). (In Russ.).
15. Decree of the President of the Russian Federation On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii. O naysiohal'nykh tsel'yakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossijskoj Federacii do 2024 goda]. Oficial'ny`j internet-portal pravovoj informacii. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/>

- ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157 (accessed: 21.12.2022). (In Russ.).
16. Order No. 326-r dated February 29, 2016 Rasporyazhenie ot 29 fevralya 2016 goda № 326-r [Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda]. Kodeks. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (accessed: 15.05.2022). (In Russ.).
 17. Federal project "Digital Culture" [Federal'nyj projekt «Cifrovaya kul'tura». Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii. Available at: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (accessed: 20.07.2022). (In Russ.).
 18. Tat'yana Golikova provela zasedanie proektnogo komiteta po nacional'nomu projektu «Kul'tura». Pravitel'stvo Rossii. Available at: <http://government.ru/news/41906/> (accessed: 20.07.2022). (In Russ.).
 19. Rejting stran mira po Indeksu setevoj gotovnosti [World country ranking by Network Readiness Index]. Gumanitarnyj portal. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (accessed: 15.05.2021).
 20. Quality management of pedagogical education based on the diagnosis of teacher professional deficits: theoretical and methodological aspect. *Psixologicheskaya nauka i obrazovanie=Psychological science and education*. 2022;(1):65–81. (In Russ.). DOI [10.17759/pse.2022270106](https://doi.org/10.17759/pse.2022270106).
 21. Castells M. The Impact of the Internet on Society: A Global perspective. MIT technology review: September 8, 2014. Available at: <https://www.technologyreview.com/s/530566/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/> (accessed: 15.05.2021).

Information about the Author

S. T. Sagitov

Candidate of Sociology, Assistant Professor

Rector

ResearcherID: [AA Y-7024-2021](https://orcid.org/0000-0002-1234-5678)

Scopus AuthorID: [57212698420](https://orcid.org/0000-0002-1234-5678)

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 17.01.2024.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ФАКТОВ, СМЫСЛОВ И ТЕРМИНОВ В МЕДИА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЕРРОРИЗМА

Александр Николаевич Чумиков

Институт социологии ФНИСЦ РАН;

Московский государственный лингвистический университет,

Москва, Россия,

chumikov@pr-club.com,

ORCID 0000-0002-7208-9783

Для цитирования: Чумиков А. Н. Позиционирование фактов, смыслов и терминов в медиа: теоретические подходы и практика освещения проблематики терроризма // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 94–119. DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.5. EDN CPMWGM.

Аннотация. Трактровка и взаимосвязь понятий «факт», «смысл», «термин» на протяжении XX–XXI вв. постоянно находились в зоне интереса исследователей: социологов, философов, культурологов, лингвистов, юристов, а также писателей и журналистов. При этом данная связь, внешне понятная и логичная, осознавалась как всё более сложная композиция, зависящая и от особенностей человеческого восприятия, и от социального моделирования различного рода сообщений целевым аудиториям. В настоящей статье рассматриваются эволюция и современное состояние данных представлений, связанных, с одной стороны, с интернетизацией и медиатизацией общества; а с другой, – с наличием и даже усилением глобальной социально-политической конъюнктуры на межгосударственном и других уровнях. В фокусе исследования автора находится проблематика терроризма как наиболее острая и показательная. Единое, принятое на международном уровне определение терроризма отсутствует. Ещё в большей степени это касается социальной практики, в процессе которой исполнители и заказчики терактов определяются заинтересованными сторонами по-разному, вплоть до полной противоположности. Таким же образом трактуются и непосредственные факты террора, когда фиксация реального события дополняется или полностью подменяется демонстрацией его смыслового наполнения. В статье рассматриваются предпосылки и современная практика создания и последующего применения фактологических, смысловых и лексико-семантических элементов в композициях публикуемых сообщений. С помощью анализа материалов российских и западных средств массовой информации автор исследует изменение целей названных элементов и их роли в воздействии на целевые аудитории. В ходе изучения выдвигается и подтверждается гипотеза о том, что сообщения об актах террора превращаются в инструмент информационной войны, причём их смысловая часть приобретает доминирующий характер. Развиваются техно-

логии проверки фактов на достоверность и выявления первичных целей авторов сообщений. Однако приоритетным типом контрдействий становится формирование у целевых групп стереотипных установок на неприятие таких событий, высказываний и их контентных обозначений в медиа, которые квалифицируются государством как террористические.

Ключевые слова: факт, фактчекинг, смысл, смыслообразование, термин, медиа, постправда, стереотип, информационный эталон, терроризм

Введение

Если исходить из синтезированных определений, присутствующих во многих словарях и энциклопедиях, то связка «факт – смысл – термин» представляется логичной и понятной. Так, факт (лат. *factum*, букв. «сделанное») трактуется как реальное и конкретное, а не вымышленное или абстрактное, событие или результат. Смысл – это сущность факта, выраженная словом. Слова, строго определяющие сущности в какой-либо области, называются терминами. То есть в логически идеальной и гармоничной коммуникационной цепочке «передатчик – приёмник информации» факт должен нести чёткий смысл, зафиксированный в однозначно понимаемых терминах. В реальности же существуют диспропорции и рассогласования, проявляющиеся в различных смыслах одного и того же факта и нескольких трактовках одного и того же термина. Разумеется, что такие диспропорции интуитивно ощущались на протяжении многих десятилетий и даже столетий, но их постепенное структурирование в рамках социологической науки, художественной и журналистской практики относится к концу XIX–XXI вв.

В качестве краткой хронологической характеристики поисков в трёх указанных направлениях, уместно начать с критических статей Л. Н. Толстого, где он фиксирует существенное несовпадение художественных фактов и смыслов в произведениях искусства, воспринимаемых читателями и зрителями как выдающиеся. Так, в очерке «О Шекспире и о драме» (1903) писатель отмечает, что «выдуманность положений, не вытекающих из естественного хода событий и свойств характеров, и несоответственность их времени и месту усиливается ещё теми грубыми прикрасами, которые постоянно употребляются Шекспиром в тех местах, которые должны казаться особенно трагичными» [1, с. 309].

В трактате «Что такое искусство?» (1898) Л. Н. Толстой относит подобные выводы к целому ряду жанров и конкретных произведений. Применительно к терминологическому аппарату он констатирует, что чем запутаннее понятие, передаваемое словом, тем с большим апломбом и са-

моуверенностью люди делают вид, будто это слово так просто и ясно, что не стоит и говорить о его значении [2, с. 55].

Делая научно-психологический анализ подобного восприятия, Л. С. Выготский в исследовании «Психология искусства» (1925) говорит о том, что сюжет (подразумевается художественная обработка, смысл произведения) и фабула рассказа (первичный материал для произведения, факты), как правило, не имеют прямых зависимостей и относятся друг к другу «как форма к материалу». Л. С. Выготский подчёркивает, что «такое понимание развивалось с величайшими трудностями» и что «долгое время исследование никак не могло различить эти две стороны и всякий раз путалось, когда пытались устанавливать те или иные законы создания и восприятия рассказа». По мнению учёного, почти при всяком изучении текста приходится бороться с «чрезвычайно сильной общественной рационализацией... как с предубеждением и предрассудком» [3, с. 146–158].

Рассматривая эти особенности на примере новеллы И. А. Бунина «Лёгкое дыхание», Л. С. Выготский отмечает, что в результате чтения у нас создаётся впечатление, полностью противоположное тому, которое могли породить описанные события сами по себе. Данное явление учёный называет «законом уничтожения формой содержания» [3].

К концу XIX – началу XX в. относятся и разработки в исследуемой сфере одного из основоположников современной социологии Э. Дюркгейма. В труде «Метод социологии» (1898) он разделяет факты на морфологические, как материальный субстрат общества, и нематериальные, как компоненты коллективных представлений, имеющих социально-культурное значение. При этом Дюркгейм констатирует, что «человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своём поведении. Но так как эти смысловые понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и сделать их предметом наших размышлений». Таким образом, по мнению учёного, наука о реальности подменяется анализом понятий, а к фактам обращаются для того, чтобы подтвердить сделанные из них выводы. «Факты в этом случае являются чем-то второстепенным; они служат примерами или подтверждающими доказательствами, а не предметом науки» [4, с. 422].

Данную линию впоследствии продолжил В. А. Ядов, называя фактами как не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события, так и обоснованное знание, полученное путём описания отдельных фрагментов реальности. В качестве социальных фактов, по В. А. Ядову, могут выступать: поведение индивидов или целых соци-

альных общностей, материальные или духовные продукты человеческой деятельности, а также суждения, мнения и взгляды. Факты есть фрагменты социальной действительности, которые обретают смысл благодаря той или иной системе понятий, в которых мы их описываем [5, с. 34–35].

Что касается журналистики, то соотношение в ней фактов и смыслов стало одной из главных тем всего XX века, вылившись в дискуссию о свободе прессы. В итоге родились две ведущие концепции медийного производства. Одна из них исходит из того, что в средствах массовой информации (СМИ, медиа) должны присутствовать сведения исключительно о реальных событиях и результатах (англ. *make story* – рассказ-повествование, журналистика факта), смысл которых определяет читатель. При этом журналист вправе использовать любые непротиворечащие закону факты и термины. Другая концепция предполагает выборочное использование фактов и терминов вместе с разъяснением их смыслов потребителю (англ. *make sense* – интерпретация события, журналистика смысла/мнения). Предполагается, что первая концепция-модель действует в демократическом (плюралистическом, рыночном) обществе; вторая – в обществе тоталитарном (ригидном, нерыночном) [6].

Однако на разных этапах дискуссии отмечалась условность такого разделения. Так, В. И. Ленин в известной статье «Партийная организация и партийная литература», написанной в досоветский (рыночный) период (1905), соглашался, что «свобода слова и печати должна быть полная», но при этом соответствующая «принципу партийности». То есть во имя свободы слова журналисту предоставляется «полное право кричать, врать и писать что угодно». Но во имя свободы союзов он должен в обмен предоставить своему работодателю право «заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то» [7, с. 104].

В 1959 году, сразу после свержения на Кубе диктаторского режима, новые лидеры страны Ф. Кастро и Че Гевара объявили «Операцию “Правда”»: ряд мероприятий, направленных на свободное и независимое освещение деятельности революции. В ходе операции начало свою деятельность Латиноамериканское информационное агентство Prensa Latina, основатель которого Х. Р. Масетти заявил: «Мы объективны, но не беспристрастны. Мы считаем, что быть беспристрастными – значит быть малодушными, потому что невозможно быть беспристрастными между добром и злом»¹.

Глобальные количественно-качественные изменения механизмов формирования и распространения значимой информации в XXI веке, связанные с интернетизацией общества и приведшие к его медиатизации, вызвали к жизни возникновение таких явлений и сопутствующих им

¹ Мусеев А. Пренса Латина передаёт из России... // Международная жизнь : [сайт]. 06.09.2014. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11777> (дата обращения: 01.12.2023).

понятий, как «постправда», «постреальность» и «постфактуальная информационная политика» [8]. Они не означают утраты актуальности приведённых выше тезисов, но диктуют необходимость обновлённого анализа информационных реалий в области фактологического, смыслового и терминологического позиционирования контента медийных публикаций. В дальнейшем изложении такой анализ будет проведён как в обобщённом виде, так и в фокусе проблематики терроризма. В качестве материалов и методов исследования используются:

- обзорный контент-анализ зарубежных и российских теоретических работ в области трактовки и позиционирования социальных фактов, смыслов и терминов;
- качественный анализ редакционных этических стандартов ведущих мировых медиакорпораций;
- результаты социологических опросов и медийных исследований по проблематике терроризма;
- авторский информационный аудит представленности тематики терроризма в российских и германских СМИ;
- выборочный анализ освещения в международном и российском медийном поле наиболее значимых проявлений терроризма в XXI веке.

Факты как достоверная информация в медийном поле

В общем плане подавляющее большинство международных и российских СМИ декларируют приверженность факту и его приоритет перед смыслом (мнением, трактовкой, интерпретацией). Наиболее чётко эти позиции зафиксированы в редакционных стандартах ведущих мировых медиакорпораций.

Так, в Reuters Handbook of Journalism сказано, что медиахолдинг «стремится сообщать факты, а не слухи». «Клиенты полагаются на нас, чтобы дифференцировать факты и слухи, и наша репутация зависит от этого», – продолжает руководство. Reuters проводит фундаментальное различие между своими новостями, основанными на фактах, и материалами других СМИ с мнениями о событиях. Агентство прямо заявляет, что его журналисты не выражают собственную позицию ни в каких типах новостей. Это на протяжении многих лет служит основополагающим принципом и вызывает доверие к Reuters. Подчёркивается, что журналисты агентства никогда не отождествляют себя с какой-либо стороной, а стремятся отражать взгляды всех участников, будь то сделка по поглощению, политический спор или военный конфликт¹.

¹ Reuters Handbook of Journalism. 2008. URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

Сходные принципы работы с информацией зафиксированы в Редакционном стандарте российского информационного агентства ТАСС. «Новость – это факты, а не оценки, – говорится в Стандарте. – Принцип объективности и непредвзятости не допускает выражения журналистом собственного мнения или оценок в новостных сообщениях»¹.

Однако внимательное ознакомление с принципами новостного производства перечисленных и других СМИ позволяет выявить фрагменты, прямо или косвенно указывающие на основания и возможности интерпретации фактов в пользу актуального смыслового контекста. Во-первых, технологии редакционной проверки фактов (фактчекинга) предполагают главным образом анализ достоверности их источников. При этом самым надёжным источником считается корреспондент СМИ, наблюдавший фрагмент действительности и подготовивший сообщение об этом. Однако и сам корреспондент, и представляемое им медиа могут быть и являются субъектами, заинтересованными в подаче информации тем или иным образом. Во-вторых, построение фактов в определённой последовательности само по себе приводит к программируемым смыслам. В-третьих, положения о допустимости интерпретации фактов можно найти и в самих редакционных стандартах.

Например, в стандартах Reuters говорится, что объективность не всегда сводится к предоставлению равного пространства всем сторонам. «Исполнитель злодеяния или лидер маргинальной политической группы, возможно, заслуживают меньшего внимания, чем жертвы или основные политические силы»². При этом критерии, по которым некоторый субъект будет отнесен к «злодеям» или «лидерам», остаются за рамками стандарта.

В Редакционном стандарте ТАСС в качестве цели работы агентства указано «формирование единой информационной среды русскоязычного мира» и особое внимание к освещению событий, происходящих с участием россиян и касающихся российских интересов³.

За предоставление недостоверной информации законодательство предусматривает административное или уголовное наказание. Так, в статьях 207.1 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴, 13.15, ч. 9 Кодекса

¹ Лебедев А. В. Редакционный стандарт ТАСС : учеб. пособие / А. В. Лебедев ; под ред. М. Г. Филимонова. М. : Аспект-пресс, 2020. С. 20–21.

² Reuters Handbook of Journalism. 2008. URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

³ Лебедев А. В. Редакционный стандарт ТАСС : учеб. пособие / А. В. Лебедев ; под ред. М. Г. Филимонова. М. : Аспект-пресс, 2020. С. 10, 12.

⁴ Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45393> (дата обращения: 01.12.2023).

Российской Федерации об административных правонарушениях¹ сказано, что ответственность наступает в случаях публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни или здоровью граждан; угрозу имуществу; угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения.

Но даже приведённые фрагменты законов позволяют понять, что далеко не все случаи отступления от фактов в сторону объяснения их значений подлежат какому-либо юридическому ограничению и преследованию в силу невозможности доказательства обозначенных угроз. Таким образом, основной вектор исследования неизбежно перемещается в сторону смыслов.

Смыслы как предмет анализа и презентации в информационном пространстве

Н. Луман отмечает, что физические факты окружающего мира не могут быть тождественно репрезентированы в системе коммуникаций социума [9, с. 12], где упомянутая нами цепочка «передатчик – приёмник информации» представляется социологом в виде «синтеза трёх селекций»: информации, сообщения и понимания [9, с. 8], каждая из которых является смыслообразующей.

Поэтому смысл есть продукт этих операций, а не свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику. Не существует никакой идеальности, отделённой от реальности фактического переживания и процесса коммуникации [10, с. 43].

Т. З. Адамьянц рассматривает смысл как присущее только социуму виртуально-ментальное многоуровневое образование, имеющее свойства как атрибуты (константности), так и модуса (модификации), в зависимости от ситуаций общения, взаимодействия и самоопределения людей.

Такие свойства означают разноречивость в трактовке мотивации авторов сообщений вместе с возможностью произвольного интерпретирования смысловых нюансов общепринятых терминов, морально-нравственных норм, законов и правил. Это создаёт в СМИ благоприятные условия для управления сознанием неискушённых читателей и слушателей с помощью терминологических софизмов, использования понятий в изменённых значениях, незаметной подмены доказываемого или опровергаемого

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44094> (дата обращения: 01.12.2023).

тезиса. Над созданием смыслов работают не только отдельные авторы, но и целые коллективы редакций СМИ, производящие как открытые смыслы с ориентацией на позитивный социальный результат, так и латентные смыслы, способные оказывать деструктивное влияние.

Таким образом, в любом целостном коммуникативном акте, помимо его очевидного состава в виде слов, звуков, изображений и прочих средств выражения, наличествует комплекс виртуальных смыслов [11].

Т. М. Дридзе характеризовала текст как систему смысловых элементов, объединённых в единую замкнутую иерархическую коммуникативно-познавательную структуру общим замыслом (коммуникативным намерением) субъектов общения. Каждый из этих элементов сам по себе несёт бы информацию, качественно отличную от той, которую он несёт в тексте, если бы не был включён в логику развёртывания всей смысловой иерархии. Данные выводы относятся в равной мере к речевому сообщению, произведению живописи, музыкальному сочинению, инженерному проекту и архитектурному ансамблю [12, с. 71].

Т. З. Адамьянц приводит результаты исследований, в соответствии с которыми доля респондентов, «добирающихся» в своих интерпретациях до «верхушки» мотивационно-целевой структуры, т. е. до смысла, составляет от 14 до 25–30%. Значительная часть респондентов (30–35%) ограничивается пересказом содержания, а их интерпретации свидетельствуют о частично адекватном понимании константного смысла. Статус неадекватных по отношению к этому смыслу получают интерпретации, где обнаруживается и невнимание к содержанию, и нежелание/неумение хотя бы сколько-нибудь приблизиться к пониманию целей и мотивов автора (также 30–35%) [11].

На наш взгляд, неадекватному пониманию смыслов, наряду с обозначенными констатациями, способствует и дополнительный ряд факторов. Как отмечал У. Липпман, у потребителя информации существует стереотип – заранее сформированная мыслительная оценка чего-либо, через которую он воспринимает мир и на основании которой далее совершает поступки; социальная установка с недостатком интеллектуального компонента, базирующаяся на нехватке знаний, ложной информации, устаревших данных [13].

Стереотипы распространяются и поддерживаются с помощью «тонких механизмов воздействия... Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними... Вымышленные символы накладываются на реальность» [13, с. 104–106].

Другими словами, человек пропускает даже прошедшие процедуру фактчекинга сообщения через «сито» сложившихся в его сознании сте-

реотипов и может сделать выводы, противоположные первоначальному авторскому замыслу.

Обратимся к результатам проведённого в Москве исследования общественного мнения о мерах по профилактике распространения идеологий экстремистского толка. Около 62% респондентов были полностью согласны с тем, что «насилие недопустимо ни при каких обстоятельствах» («скорее согласны» около 19%). Однако группы полностью (20,5%) или скорее согласных (45,7%) с формулировкой «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении народа», также велики. Значительно число и тех (15 и 27%), кто полностью или скорее согласен с тем, что «насилие допустимо, если государство не защищает народ от чуждых ему культурных и политических влияний» [14].

Приведённые соотношения мнений и являются индикаторами существующих у горожан стереотипов. Именно из-за них публикуемые в СМИ факты, связанные с абстрактными понятиями «справедливости» и «чуждых влияний», могут вызвать разное восприятие и последующие действия, соответствующие закреплённым в сознании установкам и лишь в малой степени зависящие от фактической достоверности и базовой смысловой окраски.

Хотелось бы обозначить и следующую закономерность: чем выше уровень социальной конфликтности, тем ниже уровень «нейтральности» медийной информации и тем больший акцент делается на внедрение безусловных стереотипов оценки существующей реальности. Так, А. Морелли выявила принципы стереотипизации сообщений, применяемые сторонами в период военных кампаний. Эти принципы сводятся к тому, что «справедливая» сторона («защитник») отстаивает благородное дело и не желает войны, а полную ответственность за её развязывание несёт противник («враг»). Враг сознательно зверствует и применяет несанкционированное оружие, защитник же если и ошибается, то невольно. Дело и лидеры защитника святы, сомневающиеся в этом – предатели, главари противоположного лагеря – дьяволы и т. д. [15].

Т. М. Дридзе предлагает многоуровневую систему распознавания смыслов в виде «инструкции к выявлению мотивационно-целевой структуры текста» [12, с. 88–89].

Сегодня поиск «истинных» («объективных») смыслов вылился в борьбу с «фейками» (англ. fake), понимаемыми в буквальном переводе как подделка, фальшивка. Однако практическое применение термина «фейк» выходит далеко за пределы этого значения. В сборнике трудов учёных разных стран, вышедшем в 2019 году, исследователи употребляют для трактовки «фейков» такие понятия, как fabrication (подбор, компоновка фактов); context-isolation (выдёргивание из контекста); manipulation (обработка, под-

тасовка); rumors (слухи) и др., называя весь этот комплекс социотехниками управления ложными послылками, двусмысленностями и впечатлениями.

Отмечая растущее значение данного комплекса технологий в эпоху социальных сетей, авторы и редакторы сборника [16] И. Чилува и С. Самойленко констатируют, что прагматичные субъекты сознательно используют эти механизмы для достижения своих целей в современной медиаэкосистеме.

В 2017 году Министерство иностранных дел РФ запустило на своём сайте проект с опровержениями недостоверных публикаций о России, маркируя их словом fake¹.

В 2022 году на Первом канале российского ТВ начала регулярно выходить программа «Антифейк». Предполагалось, что с её помощью зрители научатся распознавать «фейки» и отличать от них достоверную фактологическую информацию².

Однако очевидно, что и рекомендации Т. М. Дридзе, слишком сложные для использования рядовым потребителем, и проектные усилия государственных структур по «разоблачению фейков», в силу многоаспектности последних, не позволяют кардинально избежать воздействия «неправильных» по смыслу сообщений различных форм и уровней.

Лексико-семантические средства медийных ресурсов как маркер фактов и смыслов

Переходя к лексико-семантическому блоку нашего исследования, мы фокусируем внимание на политизированном медиапространстве и терминологических приёмах, наиболее актуальных для текущего периода.

Е. К. Павлова констатирует, что глобальный дискурс современной политической речи дисгармоничен. Для него характерна конфронтационность, что затрудняет международную координацию и кооперацию, провоцирует и разжигает конфликты. Существует серьёзное противоречие между потребностью внутренней и внешней политики государств в языковых средствах эффективной политической коммуникации и неспособностью современных национальных языков обеспечить такую коммуникацию. Причиной данной ситуации автор считает, наряду с лингвокультурными различиями, идеологические противоречия, стереотипы использования и восприятия эмоционально-оценочной поли-

¹ Недостоверные публикации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/oproverzenia1/nedostovernie-publikacii/ (дата обращения: 01.12.2023).

² АнтиФейк // Первый канал : [сайт]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/antifeyk/o-proekte> (дата обращения: 01.12.2023).

тической лексики. Даже перевод этой лексики мотивирован определённым контекстом: одни и те же лексемы, в зависимости от политического фона, приобретают различные толкования.

Е. К. Павлова полагает возможной гармонизацию конфликтной лексики и формулирует соответствующие рекомендации. По её мнению, с этой целью могут быть задействованы правила политкорректности: избегать дисгармоничных концептов, например связанных с религиозными верованиями; подбирать эвфемистические замены дисгармоничных лексем; разоблачать отжившие стереотипы; корректировать идеологические установки и пр. [17].

Н. В. Перфильева и Д. Н. Никишина также отмечают тесную связь эвфемизмов с категорией политической корректности, возникшей в английском языке в связи с выступлением англоговорящих африканцев против употребления «расистских» слов *negro*, *coloured*, *black*. Со временем тенденция к политкорректности распространилась в других сферах, где авторы выделяют ряд тематических групп эвфемизмов, призванных не усугублять дискриминацию людей по их физическому и умственному здоровью, возрасту, профессии и др. Использование подобных эвфемизмов вызвано стремлением избежать конфликтов с потребителями информации и боязнью поставить их в неловкое положение.

Специфика политических эвфемизмов заключается в их способности вуалировать подлинную сущность негативных явлений социальной действительности, включая войну и терроризм. Однако российские и зарубежные СМИ, используя эвфемизмы в материалах о случившихся в РФ терактах, преследуют разные цели. Позиция российских журналистов диктуется стремлением предотвратить межнациональные и межконфессиональные конфликты, панику среди населения, подрыв авторитета власти. Иностранные СМИ с сочувствием относятся к жертвам, однако не стремятся резко осудить действия террористов [18].

А. М. Кушнир и В. В. Кафтан при рассмотрении проблематики управления информационными войнами отмечают, что в ходе решения типичных для них задач логического и эмоционального убеждения, «уговаривания», внушения, принуждения целевых групп к принятию требуемой точки зрения ведущая роль отводится языку. Но он утрачивает свою политкорректность и перестаёт быть общим «домом бытия», как называл язык М. Хайдеггер [19, с. 192]. Терминология выступает теперь инструментом постправды, разъединяющим стороны конфликта. Что же касается эвфемизации, то она становится лишь способом смягчить восприятие неблагоприятных действий участников противостояния [20].

Авторы приводят результаты исследования дискурсивных практик СМИ в США в период Вьетнамской войны, когда такие слова, как «вой-

на», «бомбардировки», «шпионаж», «незаконные поставки оружия», повсеместно заменялись на менее «заряженные» в эмоциональном и оценочном плане: «операция», «воздушная поддержка», «электронное наблюдение», «гуманитарная помощь» [21].

В качестве инструмента управления массовым сознанием и характерного признака современных коммуникаций исследователи описывают клиповое мышление, создающее иллюзию ориентации в больших массивах данных. Это ответ человеческого мозга на бесконечный поток информации, экономия ограниченных познавательных ресурсов за счёт выстраивания реальных или мнимых ассоциативных связей [22]. Добавим к этому, что употребление упрощённой терминологии, маркирующей социальные потрясения, активизируется в медиа в условиях клипового мышления и лучше воспринимается потребителями контента.

В рамках клипового мышления получают распространение мемы – термины и их конструкции, возникающие в устной речи, письменном тексте, видеоизображении, а затем закрепляемые в сознании. А. Росс назвал мемы новым языком медийной коммуникации, смысловым каркасом с любым значением. Мемы ситуативны, постоянно меняются, открыты для трансформации, не имеют однозначного содержания и могут быть использованы разными, зачастую конфликтующими сторонами. С помощью мемов формируется коллективная идентичность, позволяющая отличить «своих» от «чужих» [23].

Итак, трендами использования лексико-семантических средств в информационном поле становятся дисгармония вместо желаемой гармоничности, изменчивость и многозначность вместо единого или доминирующего значения, применение для достижения политических целей и отвлечения от неактуального смысла вместо употребления в качестве объединяющего коммуникационного инструмента.

Современная практика освещения проблематики терроризма в российских и зарубежных СМИ

Прикладную часть исследования мы построим в виде «перевернутой пирамиды», т. е. начнём анализ с терминов, а затем перейдём к фактологическому и смысловому полям.

Базовое понятие «терроризм» в силу чрезвычайной важности законодательного регулирования связанных с ним действий чаще всего рассматривают учёные-юристы. Так, А. В. Серебренникова и М. В. Лебедев пишут о том, что впервые попытку сформулировать и закрепить понятие «терроризм» предприняла Лига Наций в 1934 году на Мадридской конференции, посвящённой интеграции и приведению к единообразию меж-

дународного уголовного законодательства. Здесь была создана «Конвенция о предупреждении терроризма и наказаний за него» и сформировано определение: «Терроризм – это применение любого средства, способного запугивать население с целью разрушения любой социальной организации». Авторы прослеживают усилия международного сообщества по выработке единого определения терроризма вплоть до XXI в. Но итоговый вывод сводится к следующему: такое определение до сих пор не сформулировано. Также не определены границы явления «терроризм», необходимые правоприменителю для правильной квалификации и отграничения от иных преступлений [24].

Несмотря на то, что терроризм превратился в острейшую проблему современности, и борьба с ним уже стала проблемой всего человечества, – отмечает А. Г. Волеводз, – до настоящего времени не решён вопрос об определении общепризнанных понятий «терроризм» и «международный терроризм» [25].

Многие учёные объясняют подобную ситуацию не столько сложностью нахождения всеобщего эквивалента термина «терроризм», сколько политической конъюнктурой и противостоянием между собой государств вместе с их медиаресурсами. По мнению Д. Алтхайда, размытое определение терроризма используется СМИ и правительствами стратегически, чтобы сконструировать «широкий символический образ врага» [26, с. 289].

А. Бхатия утверждает, что характеристика терроризма ситуативна и зависит от исторического, политического и социального контекстов [27].

Эмоционально-публицистическая трактовка А. Спенсера даёт, на наш взгляд, адекватное понимание того, чем является «терроризм» для СМИ: «Терроризм – это то, что мы так называем». Модель социального конструирования тематики терроризма состоит, в представлении автора, из трёх основных компонентов: медиа, метафоры, политики [28, с. 394].

Е. К. Павлова приводит обзор медийных контекстов XX–XXI вв., где присутствует понятие «терроризм». Так, в эпоху холодной войны выражение *international terrorism* (международный терроризм) было использовано для дисфемистического, обостряющего, в противоположность смягчающему эвфемистическому, обозначения национально-освободительных и особенно коммунистических движений, прежде всего в Центральной Америке. Большинство из них не имели отношения к терроризму, но поддерживались СССР – главным противником США, а потому американские СМИ позиционировали Советский Союз как «главный источник международного терроризма». И наоборот: например, сторонники свергнутого никарагуанского диктатора Сомосы назывались *Nicaraguan rebels* (никарагуанские повстанцы), а их война против правительства Никарагуа скрывалась под эвфемизмом *counterterrorism activities*.

Устойчивость в США стереотипного отношения к России как к врагу и восприятия недругов нашей страны как союзников подтверждается и в более поздние периоды, что автор иллюстрирует выдержками из публикаций Washington Post, Reuters, Fox News и ряда других медиа. Даже после терактов 11 сентября 2001 г. западные СМИ не признавали связи чеченских боевиков с мировым терроризмом. В материалах американских газет о захвате заложников в московском Театральном центре в октябре 2002 г. террористы назывались «повстанцами» (rebels) и «партизанами» (guerrillas). После взрывов с многочисленными человеческими жертвами в московском метро в марте 2010 г. исполнители теракта именовались «сепаратистами» (separatists) и «мятежниками» (insurgents).

Тенденциозная оценка сторон конфликта наблюдается и по отношению к современной гражданской войне в Сирии: людей, воюющих против правительства Башара Асада, американские СМИ именуют «умеренными» повстанческими силами, группами, оппозицией (moderate rebel forces, moderate groups, moderate opposition).

Подобная картина фиксируется и в других очагах противостояния. Представители Израиля и Палестинской автономии на протяжении десятилетий говорят о борьбе с терроризмом. Но терроризм в сознании израильтянина ассоциируется с палестинскими боевиками, обстреливающими и взрывающими мирных граждан. В сознании же палестинца терроризм – это политика Израиля в отношении палестинцев, убийства борцов за свободу и разрушение их домов.

Е. К. Павлова делает вывод о том, что содержание концепта «терроризм» во всей полноте его компонентов: понятийного, ассоциативного и эмоционально-оценочного – становится предметом политической борьбы. Противопоставленные «терроризм» и «антитеррор» представляют собой дискурсивные маркеры добра и зла, своих и чужих. В такой системе ценностей свои не могут быть террористами и совершать теракты, следовательно, «жёсткие» термины заменяются эвфемизмами [29].

На дополнительные аспекты обсуждаемой темы обращает внимание Ю. И. Гиличинская. Её анализ материалов Fox News, CNN и Al Jazeera показывает, что террористическими атаками в этих медиа называются главным образом те, в которых от рук мусульман погибают люди европейского или американского происхождения, что усугубляет исламофобские настроения и игнорирует другие системные проявления жестокости [30].

Обращаясь в русле тематики нашей статьи к событиям российско-украинского противостояния 2022–2024 гг., заслуживающим отдельного и глубокого анализа в будущем, упомянем наиболее очевидный аспект, связанный с терминологией этой военной кампании. Украинская власть

и её СМИ определяли Россию в целом как «государство-террорист», что является исключительным историко-терминологическим прецедентом. Войну против России украинский истеблишмент и СМИ именовали «анти-террористической операцией» (АТО). В то же время властные структуры и медиа РФ не употребляли в отношении Украины как государства подобные термины, свои военные действия называли «специальной военной операцией» (СВО), а термин «акт терроризма» применяли по отношению к атакам украинской армии против гражданского населения России.

Развиваются практики использования фактического материала для производства не только отдельных смысловых конструкций, но и больших дискурсивных медиасегментов. Показательным в этом плане является сравнительное исследование «Российский Кавказ в современном информационном поле: тренды, проблемы, решения», проведённое автором в рамках подготовки к международным политологическим форумам «Российский Кавказ» и участия в них. Анализ информационных полей федеральных СМИ, медиа Северо-Кавказского федерального округа и Федеративной Республики Германии осуществлялся с помощью и по методикам электронных библиотек «Медialogия» (Россия)¹ и DWDS (Германия)². В каждом из сегментов составлялся количественно-качественный рейтинг доминирующих тем в порядке их убывания [31]. Краткие итоги исследования представлены в таблице 1.

Выработались модели публикаций, управляющих общественным мнением с помощью актуальных и логически выстроенных композиций из фактов, смыслов и терминов. Проиллюстрируем это на примере материалов компании CNN, которая в редакционном стандарте прямо декларирует свою смыслообразующую миссию: «Мы являемся свидетелями развития истории и объясняем не только то, что произошло, но и почему, и что это значит для вас»³.

В первом материале, посвящённом теракту в московском Театральном центре в октябре 2002 г., наблюдается преобразование «объективных фактов» в требуемые смыслы, причём без нарушения государственных законов и стандартов CNN. Террористы традиционно называются *gunmen*, *guerrillas*, *rebels*, *dissidents*, а также *suicide squad* (“*smertniki*”). В то же время в публикации присутствует и определение “*criminals who have terrorized Chechnya*”. Однако это краткая цитата из выступления президента России В. В. Путина, а не терминология редакции CNN.

¹ Мониторинг СМИ и соцсетей // Медialogия : [сайт]. URL: www.mlg.ru (дата обращения: 01.12.2023).

² Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute // DWDS : [сайт]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 01.12.2023).

³ CNN Digital Mission // CNN : [сайт]. URL: <https://us.cnn.com/about> (дата обращения: 01.12.2023).

Таблица 1

Иерархия приоритетных тем и акценты в проблематике терроризма в СМИ России, Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) РФ и Германии

Страна/ регион	Иерархия приоритетных тем	Акценты в проблематике терроризма
РФ	1. Борьба с терроризмом 2. Туризм 3. Безработица 4. Промышленность 5. Миграция 6. Права женщин	Последовательная борьба с терроризмом приносит результаты. Реализуются профилактические меры. Причины безработицы и миграции – высокая рождаемость, перенаселение, сельский тип поселений. Главные средства преодоления этих проблем – государственная промышленная политика и развитие туризма на Северном Кавказе.
СКФО РФ	1. Миграция 2. Борьба с терроризмом 3. Безработица 4. Промышленность 5. Туризм	Причины миграции – безработица, низкий уровень зарплат и социальных услуг, межнациональная напряжённость, религиозно-политический экстремизм и терроризм; информатизация региона, повышающая информированность и рост потребностей и мотиваций граждан. Способы преодоления проблем – развитие промышленности и туризма.
ФРГ	1. Терроризм 2. Борьба с терроризмом 3. Права женщин 4. Миграция 5. Туризм	Терроризм – это кровавые столкновения федеральных войск и исламистских фундаменталистов, которые борются за независимое религиозное государство и усиление влияния ислама. Причины радикализма – бедность и политическая нестабильность. Жертвы террора – мирные жители, а также журналисты, критикующие коррупционную власть и государственно-правовой режим на Северном Кавказе. Следствие терроризма – безработица и миграция. Борьба с терроризмом имеет лишь ограниченный успех.

Значительно больше места уделено пересказу обращения террористов: «Чеченские диссиденты, некоторые из которых были женщинами в паранджах, рассказывали: “[Мы искали] справедливого решения” после того, как “российские оккупанты залили нашу землю кровью наших детей”. “Мы выбрали такой подход... ради свободы чеченского народа, и нет никакой разницы в том, где мы умрём, и поэтому мы решили умереть здесь, в Москве. И мы заберём с собой жизни сотен грешников”».

Далее «объективное» освещение событий продолжается косвенным обвинением в случившемся В. В. Путина: «Решение Путина, как политически неопытного премьер-министра, в октябре 1999 г. отдать при-

каз о возвращении войск в Чечню помогло ему катапультироваться в Кремль»¹.

Во втором примере композиция фактов сама по себе приводит к определённом смыслу, даже без комментариев редакции. П. Духанова разбирает телевизионные выпуски CNN, посвящённые освобождению городов Алеппо (Сирия, декабрь 2016 г.) и Мосул (Ирак, март 2017 г.) от террористических группировок. Распределение сюжетов по времени представлено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение времени в сюжетах об освобождении от террористов городов Алеппо (Сирия) и Мосул (Ирак)

Тема сюжета	Алеппо	Мосул
Военная операция	2 мин. 40 сек.	19 сек.
Страдания мирных жителей от террористов	10 сек.	3 мин.
Последствия операции для мирных жителей	2 мин. 13 сек.	0 мин.

Казалось бы, CNN беспристрастно сообщает факты, зафиксированные в видеодокументах. Однако их смыслы находятся в «невидимом подтексте» и сводятся к следующему. Сирийский город Алеппо освобождали правительственные войска Б. Асада вместе с российскими военными, а операции в иракском Мосуле проводила коалиция во главе с США. В одном случае большинство граждан смогли выйти из города по специально организованным армией России и их союзниками коридорам. В заложниках у террористов осталось около 100 тыс. человек. В другом случае жителям никто не помогал покинуть обстреливаемые дома, и около 750 тыс. граждан стали живым щитом для террористов. Тем не менее ситуация в Алеппо обозначалась как военное преступление российско-сирийской коалиции и гуманитарная катастрофа, тогда как применительно к Мосулу не упоминалось об отсутствии помощи бегущим от войны иракцам, а тем более о «военных преступлениях».

Получалось, что главной смысловой частью выпуска становились страдания мирных жителей, но в Ираке – от террористов, а в Сирии – от действий российско-сирийских войск².

Третий пример показывает, что текущие факты вообще не обязательны для демонстрации требуемого смысла, а в качестве информационного

¹ Seven freed from Moscow theater // CNN : [сайт]. 25.10.2002. URL: <https://edition.cnn.com/2002/WORLD/europe/10/24/moscow.siege/> (дата обращения: 01.12.2023).

² Духанова П. Разная правда: как западные СМИ освещают ситуацию в Сирии и Ираке // RT на русском : [сайт]. 06.03.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/365663-siriya-irak-mosul-aleppo-zhurnalisty?ysclid=lmnawugji5121269542> (дата обращения: 01.12.2023).

повода для последующих акцентов может быть использовано в принципе любое происходящее событие. Так, осенью 2023 г. в Китае проводились XIX Азиатские игры – комплексные спортивные соревнования среди спортсменов азиатского континента. В числе тысяч репортажных фотографий с Игр на китайских ресурсах появилось фото двух обнимающихся спортсменок, победивших в забеге на дорожках под номерами 6 и 4, – такие номера присутствовали и на спортивной форме. Вскоре некоторые ресурсы КНР удалили эту фотографию или опубликовали её без номеров; другие порталы оставили фото без изменений.

Этого прецедента стало достаточно, чтобы раскрутить информационную кампанию вокруг китайской цензуры в частности и против преследующего инакомыслие режима в целом. Вышла публикация CNN со сравнительно безобидным названием “China censored this photo of two athletes”. Однако в тексте материала описываются события 4 июня 1989 г. на пекинской площади Тяньаньмэнь, связанные с выступлением оппозиции и её подавлением: цифра 64 служит в Китае символом этих событий. Хотя акции государства по отношению к демонстрантам терминологически не приравнивались CNN к внутреннему терроризму, общий тон приводил именно к таким смыслам. Действия властей характеризовались, как «резня» (massacre) и «кровавый разгон» (bloody crackdown) китайскими танками протеста за демократию. Оппозиция же именовалась «студенческой акцией с проявлениями инакомыслия». Более глубокого анализа, где могли бы использоваться документально зафиксированные факты массовых экстремистских действий оппозиции, не приводилось¹.

Преднамеренность смысловой кампании по представлению Китая как жестокого тоталитарного государства, терроризирующего собственных граждан, подтверждаются появившиеся в октябре 2023 г. и аналогично выстроенные с помощью связки «Игры – фото с цифрой 64 – площадь Тяньаньмэнь» публикации ведущих американских и британских СМИ: The Morning News, BBC, The Guardian, The Asian Affairs и др.

Как отмечал Ф. Лукьянов, образы «китайской весны» 1989 года на Западе и в самом Китае радикально расходятся. В КНР не принято вспоминать те трагические события. А на Западе о них, наоборот, говорят сейчас более активно, чтобы подчеркнуть репрессивный характер китайского режима (подтекст – необходимость сворачивать прежнюю модель сотрудничества и переходить к сдерживанию).

«Есть известный трюизм, – замечает автор, – что история расставит всё по своим местам, докажет, кто прав, а кто нет. Это не так. Тракто-

¹ Lau Chris. China censored this photo of two athletes. Was it for a perceived Tiananmen massacre reference? // CNN : [сайт]. 04.03.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/04/china/hurdling-photo-censor-china-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 01.12.2023).

ка одних и тех же событий меняется в зависимости от господствующего мировоззрения. А по истечении длительного срока всё и вовсе превращается в исторический миф, который у каждого свой»¹.

Выводы

Таким образом, накоплен существенный опыт теоретического анализа значений и логических связей понятий «факт», «смысл» и «термин» в их социальном ракурсе. Нарботаны прикладные методики выявления в средствах массовой информации дисгармоничных и конъюнктурных соотношений данных понятий, в том числе связанных с проблематикой терроризма. При этом лишь обострились задачи оптимизации медийного контента и актуализации его воздействия на сознание и поведение целевых групп в социально значимом и ответственном направлении.

В решении этих задач наметились два ведущих стратегических блока. Первый из них может быть назван контрольно-аналитическим, включающим в себя правовое (государственное) и этическое (корпоративное) регулирование медийного контента на отечественном и международном уровне. Так, эксперты констатируют, что для борьбы с террористической угрозой принимаются меры, которые ранее «табуировались» под предлогом незыблемости ценностей «свободы слова» – в частности, вводится оперативный государственный контроль за информационным пространством, включая его национальные Интернет-сегменты.

Например, в 2021 году по инициативе Российской Федерации было принято совместное заявление министров иностранных дел государств – членов ОДКБ «О профилактике и борьбе с использованием Интернета в террористических целях». Важными шагами стали также одобренные в 2020 году Антитеррористическая стратегия БРИКС и заявление Совета глав государств – членов ШОС «О противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет» [32].

Социологические исследования показывают, что среди долгосрочных максимальных или средней эффективности мер по профилактике и противодействию терроризму в РФ называются повышение правовой грамотности населения и преподавание в учебных заведениях истории и культуры народов России [33].

Однако очевидно, что меры первого блока принимаются всеми оппонирующим друг другу государственными и медийными структурами,

¹ Лукьянов Ф. Лукьянов: События на площади Тяньаньмэнь – поворотный пункт в истории Китая // Российская газета. 12.06.2019. URL: <https://rg.ru/2019/06/12/lukianov-sobytiia-na-ploshchadi-tiananmen-povorotnyj-punkt-v-istorii-kitaia.html?ysclid=lolt9k3kxp884815258> (дата обращения: 01.12.2023).

но они используют проблематику терроризма главным образом в собственных политических целях, ориентированных на победу в информационной войне.

Отсюда приоритетным становится второй стратегический блок – установочный. Вместе с обозначенными выше методами и приёмами распознавания недостоверных фактов и неприемлемых значений его важнейшей частью становится применение смыслообразующих технологий в целях формирования стереотипов актуального восприятия и последующего действия в отношении теории и практики терроризма.

Ориентиром для реализации данного блока может стать подготовленный автором в рамках исследовательской деятельности в Институте социологии РАН информационный эталон антитеррористических материалов – руководство к составлению и оценке текстов для массового воздействия; перечень мотивирующих посланий, транслируемых с помощью СМИ; динамический набор блоков информации, знакомство с которыми способствует привлечению различных категорий граждан к актуальной деятельности [34].

При наличии информационного эталона именно он становится критерием оценки актуальности медийных материалов, предназначенных для массового воздействия на целевые аудитории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме // Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20 т. Т. 15. М. : Худ. лит-ра, 1964. С. 284–348.
2. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20 т. Т. 15. М. : Худ. лит-ра, 1964. С. 44–243.
3. Выготский Л. С. Лёгкое дыхание // Психология искусства. М. : Искусство, 1986. С. 146–158.
4. Дюркгейм Э. О. О разделении общественного труда. Метод социологии // Эмиль Дюркгейм ; изд. подгот. А. Б. Гофман ; пер. с франц. М. : Наука, 1991. 572 с. ISBN 5-02-013399-X.
5. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности // В. А. Ядов ; 3-е изд., испр. Москва : Омега-Л, 2007. 567 с. ISBN 5-365-00446-9; ISBN 978-5-365-00446-7. EDN QOFZOF.
6. Чумиков А. Н. Факты, смыслы и стереотипы как слагаемые продукта информационной войны // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 2 (46). С. 19–30. EDN OIIGKM.
7. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1968. С. 99–105.
8. Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. 2021. Т. 9, № 2. С. 125–142. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142. EDN KTSZVB.

9. Луман Н. Медиа коммуникации // Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова ; под науч. ред. А. Антоновского. М. : Логос, 2005. 280 с. ISBN 5-8163-0061-х.
10. Луман Н. Общество как социальная система // Пер. с нем. А. Антоновский. М. : Логос, 2004. 232 с. ISBN 5-8163-0061-х. EDN **PWOOCR**.
11. Адамьянц Т. З. Социальные смыслы как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 16–25. DOI **10.31857/S013216250015252-0**. EDN **NKIIOT**.
12. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука; АН СССР; Ин-т соц. исслед., 1984. 227 с.
13. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуковой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с. ISBN 5-93947-016-5. EDN **OXCHMG**.
14. Информационно-аналитический отчёт о результатах социологического исследования «Мониторинг общественного мнения о мерах по профилактике распространения девиантных идеологий экстремистского толка и по противодействию распространению терроризма». М. : НИИ социологии, 2017. 49 с. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/3128/Extr17.pdf?ysclid=lmusooijhx408699982> (дата обращения: 01.12.2023).
15. Morelli A. Principes mentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou ti de... Brussel : Aden Belgique, 2010. 222 p. ISBN 978-2-930402994.
16. Chilwa I. E., Samoilenko S. A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA : IGI Global, 2019. 651 p. ISBN 978-1522585350. DOI **10.4018/978-1-5225-8535-0**.
17. Павлова Е. К. Языковые проблемы глобальной политической коммуникации и перспективы их решения посредством гармонизации национальных тезаурусов. М. : Прометей, 2007. 218 с. ISBN 978-5-7042-2054-1. EDN **QOGONB**.
18. Перфильева Н. В., Никишина Д. Н. Политические эвфемизмы лексико-семантической группы «терроризм» в СМИ // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 95–103. EDN **PZDLTB**.
19. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления // Пер. с нем., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993. 447 с. ISBN 5-250-01496-8.
20. Кушнир А. М., Кафтан В. В. Особенности управления информационными войнами: очевидность и повседневность / А. М. Кушнир, В. В. Кафтан // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12, № 3. С. 525–543. DOI **10.17150/2308-6203.2023.12(3).525-543**. EDN **JCFSWO**.
21. Rohde J. The last stand of the psychocultural Cold warriors: Military contract research in Vietnam // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2011. Vol. 47, № 3. P. 232–250. DOI **10.1002/jhbs.20509**.
22. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок. Москва : Издательство Проспект, 2016. 256 с. ISBN 978-5-392-19235-9. EDN **VXNXDV**.
23. Ross A. S., Rivers D. J. Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimization of the 2016 U.S Presidential Candidates // Discourse, Context and Media. 2017. Vol. 16. P. 1–11. DOI **10.1016/j.dcm.2017.01.001**.
24. Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Проблемы определения терроризма в международном праве // American Scientific Journal. 2019. № 27-1 (27). С. 38–41. EDN **GTTPAK**.

25. Волеводз А. Г. О значении выработки общепризнанного понятия «терроризм» и «международный терроризм» // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества. Сб. научных трудов / Отв. ред. Г. В. Игнатенко. Екатеринбург : Уральская юрид. академия, 2011. Вып. 3 (7). С. 42–62. ISBN 978-5-7845-0323-7. EDN **TELEGZ**.
26. *Altheide D.* Terrorism and the Politics of Fear. Lanham : AltaMira Press, 2006. 247 p. ISBN 978-0759109186.
27. *Bhatia A.* The Discourses of Terrorism // Journal of Pragmatics. 2009. Vol. 41, № 2. Pp. 279–289. DOI **10.1016/j.pragma.2008.05.016**.
28. *Spencer A.* The Social construction of terrorism: media, metaphors and policy implications // Journal of International Relations and Development. 2012. Vol. 15, № 3. Pp. 393–419. DOI **10.1057/jird.2012.4**. EDN **SHHYBY**.
29. Павлова Е. К. Концепт «терроризм» в глобальном политическом дискурсе: история и современность // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 5А. С. 81–88. EDN **YRSITJ**. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-5/10-pavlova.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
30. Гуличинская Ю. И. Fox News, CNN и Al Jazeera: языковые особенности материалов о терроризме // Медиалингвистика. 2018. Т. 5, № 1. С. 73–83. DOI **10.21638/11701/spbu22.2018.106**. EDN **PJHCDN**.
31. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / З. М. Абдулагаров, Р. Г. Абдулатипов, М. А. Агларов [и др.]. Москва : Аспект Пресс, 2015. 600 с. ISBN 978-5-7567-0783-0. EDN **YZGJET**.
32. Салов В. П. Международное сотрудничество в области противодействия террористической идеологии, в том числе в сети «Интернет» // Вестник НАК. 2022. № 2 (29). С. 84–86. URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik.web_.pdf (дата обращения: 01.12.2023).
33. Регулярные социологические исследования общественного мнения по вопросам противодействия идеологии терроризма за 2012–2013 гг. М. : РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2013. 92 с. URL: <https://екатеринбург.рф/file/8d0111338abcd88fe5eb18f0bc8e80ea?ysclid=lmuss6kk98695819419> (дата обращения: 01.12.2023).
34. Чумиков А. Н. Информационный эталон как технология противодействия терроризму // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 09–11 декабря 2020 г.) Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 307–314. EDN **HDYPTY**.

Сведения об авторе

А. Н. Чумиков

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
профессор
AuthorID РИНЦ: **475501**

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 27.01.2024.

POSITIONING OF FACTS, MEANINGS AND TERMS IN THE MEDIA: THE THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICE OF COVERING THE PROBLEMS OF TERRORISM

Alexander Nikolaevich Chumikov

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia,

chumikov@pr-club.com,
ORCID 0000-0002-7208-9783

For citation: Chumikov A. N. Positioning of facts, meanings and terms in the media: Theoretical approaches and practice of covering the problems of terrorism. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):94–119. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.5.

Abstract. The interpretation and interrelation of the concepts of “fact”, “meaning”, “term” throughout the 20th–21st centuries were constantly in the zone of interest of researchers: sociologists, philosophers, cultural scientists, linguists, lawyers, as well as writers and journalists. At the same time, this connection, outwardly understandable and logical, was understood as an increasingly complex composition, depending both on the peculiarities of human perception and on the social modeling of various kinds of messages to target audiences. This article examines the dynamics and current state of these ideas, connected, on the one hand, with the internetization and mediatization of society; and, on the other, motivated by the presence and strengthening of the global socio-political conjuncture at the interstate and other levels. The author's research focuses on the problems of terrorism as the most acute and revealing. There is no unified internationally accepted definition of terrorism. To an even greater extent, this applies to social practice, in the process of which the perpetrators and customers of terrorist attacks are determined by interested parties in different ways, up to the complete opposite. The immediate facts of terror are interpreted in the same way, when the fixation of a real event is supplemented or completely replaced by a demonstration of its meaning. The article examines the prerequisites and modern practice of creating and subsequent application of factual, meaning and terms elements in the compositions of published messages. By analyzing the materials of Russian and Western mass media, the author explores the dynamic change in the goals and roles of these elements in influencing target audiences. In the course of the study, the hypothesis is put forward and confirmed that reports of acts of terror turn into an instrument of information warfare, and their semantic part acquires a dominant character. Technologies are being developed to verify the facts for authenticity and identify the primary goals of the authors of the messages. However, the priority form of counter-actions is the formation of stereotypical attitudes among target groups to the rejection of events, statements and their content designations in the media, qualified by the state as terrorist.

Keywords: fact, fact checking, meaning, meaning formation, term, media, post-truth, stereotype, information standard, terrorism

REFERENCES

1. Tolstoy L. N. About Shakespeare and about drama [O Shekspire i o drame]. In: Tolstoy L. N. Coll. works in 20 vol. Vol. 15. Moscow: Xudozhestvennaya literatura; 1964. P. 284–348. (In Russ.).
2. Tolstoy L. N. What is art? [Chto takoe iskusstvo]. In: Tolstoy L. N. Coll. works in 20 vol. Vol. 15. Moscow: Xudozhestvennaya literatura; 1964. P. 44–243. (In Russ.).
3. Vygotsky L. S. Easy breathing [Legkoe dy'xanie]. In: Psychology of Art. Moscow: Iskusstvo; 1986. P. 146–158. (In Russ.).
4. Durkheim E. O. Definition of social labor. The method of sociology [O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii]. Translated from French. Moscow: Nauka; 1991. 572 p. (In Russ.) ISBN 5-02-013399-X.
5. Yadov V. A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality [Strategiya sociologicheskogo issledovaniya. Opisaniye, ob'yasneniye, ponimaniye social'noj real'nosti]. V. A. Yadov. 3rd ed., ispr. Moscow: Omega-L; 2007. 567 p. (In Russ.). ISBN 5-365-00446-9; ISBN 978-5-365-00446-7.
6. Chumikov A. N. Facts, meanings and stereotypes as components of the product of the information war. *Journalist. Social communications=Zhurnalist. Social'ny'e kommunikacii*. 2022;2(46):19–30. (In Russ.).
7. Lenin V. I. Party organization and party literature [Partijnaya organizaciya i partijnaya literatura]. In: Coll. works; 5 ed, V. 12. Moscow: Politicheskaya literatura; 1968. P. 99–105. (In Russ.).
8. Chumikov A. N. Conflict communications in modern media. *Communicology=Kommunikologiya*. 2021;9(2):125–142. (In Russ.) DOI [10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142).
9. Luhman N. Media communications [Media kommunikacii]. Translated from German. A. Glukhov, O. Nikiforov. Moscow: Logos; 2005. 280 p. (In Russ.). ISBN 5-8163-0061-x.
10. Luhmann N. Society as a social system [Obshchestvo kak social'naya sistema]. Translated from German. A. Antonovsky. Moscow: Logos; 2004. 232 p. (In Russ.). ISBN 5-8163-0061-x.
11. Adamyants T. Z. Social meanings as a subject of sociological analysis. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2021;(9):16–25. (In Russ.) DOI [10.31857/S013216250015252-0](https://doi.org/10.31857/S013216250015252-0).
12. Dridze T. M. Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology [Tekstovaya deyatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii. Problemy' semiosociopsixologii]. Moscow: Nauka; 1984. 227 p. (In Russ.).
13. Lippman U. Public opinion. Translated from English [Obshchestvennoe mneniye. Per. s angl. T. V. Barchukovoj]. Moscow: In-t Fonda «Obshchestvennoe mneniye»; 2004. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-93947-016-5.
14. Informational and analytical report on the results of the sociological study “Monitoring public opinion on measures to prevent the spread of deviant ideologies of extremist persuasion and to counter the spread of terrorism” [Informacionno-analiticheskij otchet o rezul'tatax sociologicheskogo issledovaniya “Monitoring obshchestvennogo mneniya o merax po profilaktike rasprostrane-

- niya deviantny'x ideologij e'kstremistskogo tolka i po protivodejstviyu rasprostraneniyu terrorizma"]. Moscow: NII sociologii; 2017. 49 p. (In Russ.) Available at: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/3128/Extr17.pdf?ysclid=lmusooijhx408699982> (accessed: 01.12.2023).
15. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou tiède... Brussel : Aden Belgique, 2010. 222 p. (In French). ISBN 978-2-930402994.
 16. Chilwa I. E., Samoilenko S. A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA: IGI Global; 2019. 651 p. ISBN 978-1522585350. DOI [10.4018/978-1-5225-8535-0](https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8535-0).
 17. Pavlova E. K. Linguistic problems of global political communication and prospects for their solution through the harmonization of national thesauri [Yazy'kovy'e problemy' global'noj politicheskoy kommunikacii i perspektivy' ix resheniya posredstvom garmonizacii nacional'ny'x tezaurusov]. Moscow: Promej; 2007. 218 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7042-2054-1.
 18. Perfilieva N. V., Nikishina D. N. Political euphemisms of lexico-semantic group "terrorism" in mass media. *Bulletin of the RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*=*Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazy'ka. Semiotika. Semantika*. 2013;(2):95–103. (In Russ.).
 19. Heidegger M. Time and being: articles and speeches [Vremya i by'tie: stat'i i vy'stupleniya]. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. (In Russ.). ISBN 5-250-01496-8.
 20. Kushnir A. M., Kaftan V. V. Features of information warfare management: The Obvious and the routine. *Theoretical and practical issues of journalism*=*Voprosy' teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2023;12(3):525–543. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-6203.2023.12\(3\).525-543](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(3).525-543).
 21. Rohde J. The last stand of the psychocultural Cold warriors: Military contract research in Vietnam. *Journal of the history of the behavioral sciences*. 2011;47(3):232–250. DOI [10.1002/jhbs.20509](https://doi.org/10.1002/jhbs.20509).
 22. Girenok F. I. Clip consciousness [Klipovoe soznanie]. Moscow: Prospect; 2016. 256 p. (In Russ.) ISBN 978-5-392-19235-9.
 23. Ross A. S., Rivers D. J. Digital cultures of political participation. In: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates. *Discourse, context and media*. 2017;(16):1–11. DOI [10.1016/j.dcm.2017.01.001](https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001).
 24. Serebrennikova A. V., Lebedev M. V. Problems of terrorism definition in international. *American scientific journal*. 2019;27-1(27):38–41. (In Russ.).
 25. Volevodz A. G. On the significance of developing the universally recognized concepts of "terrorism" and "international terrorism". In: The Law of international security... [collection of scientific papers]. Yekaterinburg: Ural'skaya yurid. akademiya; 2011; issue 3(7). P. 42–62. ISBN 978-5-7845-0323-7. (In Russ.).
 26. Altheide D. Terrorism and the politics of fear. Lanham: AltaMira Press; 2006. 247 p. ISBN 978-0759109186.
 27. Bhatia A. The discourses of terrorism. *Journal of pragmatics*. 2009;41(2):279–289. DOI [10.1016/j.pragma.2008.05.016](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.05.016).
 28. Spencer A. The Social construction of terrorism: media, metaphors and policy Implications. *Journal of international relations and development*. 2012;15(3):393–419. DOI [10.1057/jird.2012.4](https://doi.org/10.1057/jird.2012.4).
 29. Pavlova E. K. The concept "terrorism" in global political discourse: history and modernity. *Culture and civilization*=*Kul'tura i civilizaciya*. 2017;7(5A):81–88. (In Russ.). Available at: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-5/10-pavlova.pdf> (accessed: 01.12.2023).

30. Gilichinskaya Yu. I. Fox News, CNN, and Al Jazeera: Language of terrorism coverage. *Media linguistics=Medialingvistika*. 2018;5(1):73–83. (In Russ.). DOI [10.21638/11701/spbu22.2018.106](https://doi.org/10.21638/11701/spbu22.2018.106).
31. Abdulagarov Z. M., Abdulatipov R. G. [et al.]. The Russian Caucasus: problems, searches, solutions: Scientific publication. Moscow: Aspekt Press; 2015. 600 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-0783-0.
32. Salov V. P. International cooperation in the field of countering terrorist ideology, including on the Internet. *Bulletin of NAC=Vestnik NAK*. 2022;2(29):84–86. (In Russ.). Available at: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik.web_.pdf (accessed: 01.12.2023).
33. Regular sociological research of public opinion on countering the ideology of terrorism for 2012–2013 [Regulyarny'e sociologicheskie issledovaniya obshhestvennogo mneniya po voprosam protivodejstviya ideologii terrorizma za 2012–2013]. Moscow: RGU nefti i gaza im. I. M. Gubkina; 2013. 92 p. (In Russ.). Available at: <https://екатеринбург.рф/file/8d0111338abcd88fe5eb18f0bc8e80ea?ysclid=lmuss-6kk98695819419> (accessed: 01.12.2023).
34. Chumikov A. N. Information standard as a technology for countering terrorism [Informacionny'j e'talon kak texnologiya protivodejstviya terrorizmu]. In: The geopolitical picture of the world: threats and challenges [collection of materials of the International scientific and practical conference]. (Moscow, 09–11 декабря 2020 г.) Moscow: MGLU; 2022. P. 307–314. (In Russ.).

Information about the Author

A. N. Chumikov

Doctor of Political Science,
Chief Researcher, Professor

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 27.01.2024.

УДК 316.77; 316.482
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.6
EDN: LEPBYR

Научная статья

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Нарине Ашотовна Гиваргизова

Донской Государственный Технический Университет (ДГТУ),
Ростов-на-Дону, Россия,
giv.narina@gmail.com,
ORCID 0000-0003-1279-9553

Для цитирования: Гиваргизова Н. А. Востребованность института медиации в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 120–135. DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.6. EDN LEPBYR.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема востребованности института медиации в России. Приведены статистические данные по стране за 2020 год и проанализированы данные по Ростовской области за тот же период. Сделан сравнительный анализ с данными за аналогичный период по Свердловской области. Информационную и эмпирическую базу исследования составляют материалы: сайта Судебного Департамента при Верховном Суде РФ; Ассоциации медиаторов Ростовской области «Примирение»; «Комнаты примирения» в Арбитражном суде Свердловской области. Используются методы контент-анализа, статистического анализа, глубинного интервью, массового опроса, проведенного среди занятого населения Ростовской области в возрасте от 21 до 30 лет. В ходе исследования выявлены: слабая осведомленность респондентов о возможностях использования процедуры медиации, о её структуре и особенностях; низкий уровень современной медиативной практики в стране. Показано, что в России на сегодняшний день суды завалены исками, в то время как медиация вполне могла бы конструктивно решать многие социальные проблемы. Обоснована необходимость создания благоприятных условий для развития медиативной деятельности и её популяризации. Выявлены основные причины, препятствующие институту медиации стать востребованной деятельностью среди населения: низкая культура решения конфликтов, приводящая в ряде случаев к уклонению спорящих от поиска подходящего способа его разрешения; фактор недостаточно высокого доверия к возможности решения спора с привлечением третьей стороны. Сделан вывод, что недостаток доверия в первую очередь связан с недостаточной информированностью населения о существовании процедуры медиации, о правовом статусе медиативного соглашения, имеющего в случае нотариального удостоверения силу исполнительного документа. Более широкое использование всех видов СМИ, увеличение онлайн-платформ с расположением вебинаров по медиации, проводимых опытными в этой сфере специалистами, помогут распространению практики медиации и будут способствовать её скорейшей институционализации.

Ключевые слова: медиация в России, статистика, институционализация, применение медиации, востребованность медиации

Введение

Медиация (от лат. *mediare* – посредничать) – это способ досудебного урегулирования споров с участием независимого специалиста – посредника в разрешении конфликта, роль которого состоит в нахождении практического решения проблемы и достижении соглашения и договорённости по его принятию между всеми сторонами процесса.

Медиация в России существовала давно. Раньше она применялась при разрешении международных споров. Например, «в Российской империи, в начале XIX в., была создана система коммерческих судов, где судебный процесс проходил в форме примирительной процедуры с использованием норм обычного права. В отчётах тех лет употреблялся термин “медиатор” с указанием роли медиатора при разрешении торговых споров. Однако по политическим и идеологическим соображениям после 1917 года разрешение споров с помощью медиаторов было прекращено. Попытки восстановления начались в 1990-е гг., но на протяжении 20 лет они не имели правовой основы» [1, с. 71].

Лишь в 2010 году в России был принят Федеральный Закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (о процедуре медиации)», согласно которому «урегулировались отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений» (ст. 1, п. 2) [2]. А. Р. Швандерова справедливо акцентировала внимание на основной задаче данного закона – институционализация медиации, т. е. «создание основ для этого нового механизма и регулирование его в правовом пространстве нашей страны» [3].

В 2019 году был принят Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. В статье 2 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-I (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 10, ст. 357; Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 1, ст. 21; № 27, ст. 3213; 2009, № 29, ст. 3642; 2013, № 51, ст. 6699; 2015, № 1, ст. 10; 2016, № 1, ст. 11; № 27, ст. 4293; 2018, № 32, ст. 5131)» предусмотрено дополнение (статья 591 «Удостоверение медиативного соглашения»). Согласно этому дополнению, нотариальное удостоверение медиативного соглашения имеет силу исполнительного документа.

Созданы Центры внесудебного разрешения споров, куда могут обращаться конфликтующие стороны, чтобы преодолеть возникшую проблему по соглашению. В итоге такой подход должен бы позволить эффективно урегулировать некоторые виды конфликтов и снизить количество дел, рассматриваемых мировыми судьями. Однако на протяжении многих лет институт медиации среди населения востребован весьма эпизодически, «находится в зачаточном состоянии, несмотря на усилия отдельных исследователей» [5, с. 3], «до сих пор не получил широкого распространения в России» [6, с. 77], «предприниматели предпочитают решать свои споры в арбитражных судах, а граждане в лучшем случае идут к мировым судьям» [7, с. 57]. Согласно статистике о примирительных процедурах с участием медиаторов в РФ, приведённой на официальном сайте Верховного суда РФ за период с 2011 по 2017 гг. к медиации стороны прибегают крайне редко, а именно около 0,008% дел были рассмотрены судами общей юрисдикции и около 0,002% дел – арбитражными судами [8, с. 102].

Можно констатировать, что в России имеет место процесс становления медиации как правового института, однако, «говорить о медиации, как о сформировавшемся социальном институте ещё рано» [9].

Материалы и методы

Информационная и эмпирическая база исследования основывается на материалах:

- сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ;
- Ассоциации медиаторов Ростовской области «Примирение»;
- «Комнаты примирения» в Арбитражном суде Свердловской области;
- работ отечественных учёных, посвящённых анализу состояния института медиации в России.

Были применены методологические подходы – сравнительно-исторический; неоинституциональный, позволяющий проследить поведенческие практики. Использованы методы контент-анализа, статистического анализа, глубинного интервью, опроса, проведённого среди работающей молодёжи Ростовской области в возрасте от 21 до 30 лет с целью выявления уровня знаний о возможностях использования процедуры медиации, её структуры и особенностях. Объём выборки составил 425 респондентов.

Результаты

На сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ отражены сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год [10]. В «Отчёте о работе

судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» можно увидеть, сколько дел окончено путём проведения процедуры медиации.

Согласно данным за 2020 год прекращено 432 077 дел, но из них всего 773 дела урегулированы путём проведения медиативных процедур. Безусловно, это очень низкий показатель. Из «споров, возникающих из семейных правоотношений», были урегулированы путём медиативных процедур всего лишь 319 дел, в их числе 95 дел – это «споры, связанные с воспитанием детей», 86 дел «о разделе совместно нажитого имущества между супругами», 60 дел «о расторжении брака супругов, имеющих детей», 29 дел «о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей».

Дел «о взыскании невыплаченной заработной платы и других выплат» насчитывается 11, в то время как подобных дел, прекращённых не медиативным способом, 3930. Были прекращены «иные дела об оплате труда» – 483, и только 3 дела из них были урегулированы с помощью медиации. «По искам работодателей» урегулировалось 1 дело из 550. Аналогично, «иные споры об имущественной ответственности сторон трудового договора» – 1 дело из 114. «Споров, возникающих из трудовых правоотношений» урегулировано 27 из 9531, социальных споров – 2 из 2278. И 29 дел из 24 124 – «о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло и электроэнергию». В целом, «споров, вытекающих из жилищного законодательства», было урегулировано путём медиации 72 из 44 303.

Споры, связанные с землепользованием, – 46 из 14 126. Дела «о возмещении имущественного вреда» – 9 из 2355. Споры «о взыскании страхового возмещения (выплат) (имущественное страхование)» – 7 из 4805. Споры «о защите прав потребителей» было урегулировано с помощью медиации – 59 из 18 138. Споры, «связанных с наследованием имущества» – 22 из 4492. По искам «о взыскании сумм по договору займа, кредитному договору» – 59 из 27 710. Общее количество прочих исковых дел составило 49 643, из них урегулировались медиативным способом всего лишь 86.

Очень интересно выглядит статистика категории дел, отражающая взаимоотношения между физическими и юридическими лицами. Было прекращено исковое производство, поданное от физических лиц к юридическим лицам, в количестве 47 955, и из них всего 117 дел урегулировалось с помощью медиативной процедуры. В их числе к государственным органам – 6137 дел, и только 5 из них с помощью медиации.

Что касается искового «заявления юридических лиц к физическим лицам», то было прекращено 97 142 дел и только 90 из них с приме-

нием медиативной процедуры. В их числе прекратились дела между государственными органами и физическими лицами в количестве 8058, и только 3 с применением медиации.

Стоит отметить, что взаимоотношения между физическими лицами выглядят конфликтнее. Было прекращено 123 711 дел, а из них 549 урегулировались с помощью применения процедуры медиации.

Что касается взаимоотношений между юридическими лицами, то было прекращено 4056 дел и ни одно дело не решалось с помощью медиации. А ведь это та сфера, где важно достижение соглашения, консенсуса, сотрудничества. Ведь именно медиация способствует сохранению дружеских отношений.

В Ассоциации медиаторов Ростовской области «Примирение» на консультацию к медиатору в 2020 году направлено 150 сторон, а в районных судах в связи с проведением процедуры медиации отложено 99 дел. Из них прекращено производство 39 дел в связи с утверждением мирового соглашения на основе медиации. Однако, как оказалось, из 39 дел большинство (25 дел) – это проблемы, возникающие из брачно-семейных отношений. Споры, связанные с жилищным законодательством, с воспитанием детей и взысканием сумм по договору займа – по 3 дела. Остальные дела касались: раздела имущества между супругами, землепользования, наследства, защиты прав потребителей и трудовых споров (по 1 делу).

Наиболее активным оказался Советский районный суд г. Ростова-на-Дону, благодаря которому было прекращено 25 дел в связи с проведением процедуры медиации. В Ростовской области в Аксайском районном суде было прекращено 5 дел, в Новочеркасском городском суде – 4 дела, в Азовском городском суде – 3 дела, а в Октябрьском и в Цимлянском районных судах всего лишь по 1 делу.

Становится понятно, что уровень доверия к процедуре медиации не только в стране, но и в конкретном регионе очень низок. Да, естественно, есть обращения, но не очень активные. Хотя если сравнить по статистическим данным Ростовскую область со Свердловской областью, то первая явно «лидирует». В Свердловской области в 2020 году наблюдается резкий спад. Если раньше были десятки обращений, то в 2020 году обратились к медиативным услугам всего лишь 4 человека [11]. Из этих обращений ни одно дело не было рассмотрено с помощью медиативной процедуры (таблица 1).

На сегодняшний день в судах «комнаты примирения» создаются в некоторых регионах России [12, с. 185]. Но, несмотря на это, спрос на услуги медиаторов в нашей стране, как уже было показано, остаётся очень низким в отличие от зарубежных стран.

Таблица 1

Статистические данные о работе «комнаты примирения»
в Арбитражном суде Свердловской области

Год Дело	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Январь – сентябрь 2020
Количество обращений в комнату медиации	35	68	146	43	70	41	46	35	4
Принятие решения о проведении процедуры медиации	2	20	25	17	8	28	4	5	0
Количество дел, по которым заключено медиативное соглашение	2	5	9	10	7	5	4	21	0
Дела, рассмотренные с участием посредника и окончившиеся определением о прекращении производства по делу (в связи с отказом от иска или мировым соглашением)	4	8	18	20	23	10	7	6	0

Глубинное интервью, проведённое председателем Ассоциации медиаторов Ростовской области «Примирение», практикующим медиатором, создателем и тренером Академии коммуникации М. М. Коблевой, выявило следующие проблемы. Медиация более предпочтительна, чем судебное разбирательство, и здесь можно выделить такие преимущества, как экономия времени и финансовых средств. Главное – это возможность выстраивания при разрешении конфликта доброжелательных отношений между сторонами. Но в этом как раз-то и главная проблема, связанная с особенностями менталитета наших соотечественников. Конфликт, возникший на производственной почве, всегда сопровождается личными обидами, причём каждой из сторон, которые глубоко и эмоционально переживаются ими. Медиатор вынужден не только найти решение для получения выгодного и рационального результата. Но в поисках компромиссов между сторонами приходится проводить психологическую подготовку. Речь идёт о ситуациях, когда к медиатору уже обратились. Во многих же случаях предубеждение в обращении к посреднику у нашего населения весьма велико. Это тоже одна из причин, почему медиативная деятельность не очень приживается в нашей стране. Нужны дополнительные мероприятия по популяризации медиации, к примеру, на курсах по социологии, по теме социального взаимодействия и социальных конфликтов в образовательных учреждениях более подробно знакомить обучающихся с возможностями медиативных подходов.

На основании проведённого анализа статистических данных представляется возможным сделать вывод о низком уровне институционализации медиативной практики в России, что служит обоснованием целесообразности рассмотрения причин сложившегося положения дел и нахождения путей их преодоления.

Обсуждение

В работе А. А. Жиденко [13] эксплицированы основные отличия медиации от судебного-правового урегулирования конфликтов.

Судебное решение обязывает одну сторону конфликта уступить другой, что может инициировать повторную эскалацию.

По существу, достигается лишь краткосрочное погашение проблемной ситуации; соглашения, ориентированного на перспективу, не всегда удаётся добиться.

Отношения оппонентов после судебного заседания могут стать ещё более антагонистичными.

Психоэмоциональные аспекты поведенческих стереотипов конфликтующих сторон медиатором, как правило, принимаются в расчёт, что в ряде случаев позволяет не только разрешить конфликт, но и сохранить гармоничные отношения между спорящими. А это является важнейшим условием конструктивного функционирования любой социальной группы. Помимо этого, медиативный подход урегулирования социальных конфликтов позволяет в сравнении с судебным процессом решать острые проблемы в значительно более короткое время с экономией финансовых средств на судебные издержки, способствует выработке умений ведения переговоров в конфликтной ситуации. А. Соколов справедливо заметил, «как бы суд ни был авторитетен и силён, он – не панацея от всех бед. <...> ...Нормами права нельзя заставить любить, прощать, здороваться, уважать, сохранять культуру межличностных отношений. Это огромная область так называемого “морального” права» [7, с. 136–137]. Именно медиация позволяет выходить за рамки дуального восприятия ситуации (виновен – невиновен) и искать взаимовыгодные способы разрешения возникшей трудной ситуации с помощью переговоров. При таком подходе обе стороны остаются в выигрыше, что позволяет не только решить проблему, но и сохранить дружеские и деловые отношения с оппонентом. Однако крайне низкий показатель обращения граждан к медиации заставляет задуматься о причинах сложившегося положения дел в этой области в нашей стране. По сути, медиатор – это незаинтересованное лицо, которое помогает найти взаимовыгодный выход из сло-

жившейся конфликтной ситуации. «В отличие от суда в медиации не ищут виноватых и правых, а вырабатывают способы взаимовыгодного разрешения конфликта» [7, с. 137]. С помощью медиации стороны в дальнейшем могут остаться в дружеских отношениях, в отличие от судебного делопроизводства.

На основе изучения научных работ, посвящённых данной теме, выделим основные точки зрения на причины низкого распространения медиативной практики в российской социальной действительности.

Первый аспект проблемы связан с недостаточной осведомлённостью о возможностях медиативного урегулирования конфликтов. Это отмечено экспертом в ходе проведения глубинного интервью. К такому же выводу пришли исследователи на основании использования количественного метода сбора социологической информации среди жителей Санкт-Петербурга [14]. Проведённый автором статьи опрос работающей молодёжи Ростовской области также послужил подтверждением этого вывода. Так, на вопрос «Знакомы ли вы с процедурой медиации как одним из способов разрешения конфликта с помощью привлечения независимого посредника в переговорах?», только 6,2% дали ответ о своём хорошем знании; знают – 21,6%. Обнадёживает обстоятельство, что 38,8% респондентов об этом более-менее осведомлены, то есть что-то слышали. Однако 33,4% респондентов ничего не знают о возможности выйти из конфликта с помощью независимого посредника через переговоры.

Недостаток информирования населения необходимо преодолевать за счёт популяризации медиации. Однако существует определённое препятствие по активному использованию рекламы. По сути, процедура медиации основана на конфиденциальности, а публику всегда интересуют захватывающие истории, сцены, рассказы и т. п. Таким образом, получается, что люди узнают об эффективности разрешения конфликта с помощью медиации друг от друга, т. е. из «сарафанного радио». С одной стороны, это достаточно хорошая реклама, но, с другой, продвижение с помощью такого метода требует достаточно долгого времени. А учитывая, что сама процедура медиации в нашей стране узаконилась недавно, то не стоит ожидать большого спроса среди населения уже сегодня. Т. В. Худойкина отмечает, что «основное внимание при популяризации медиативной процедуры следует уделить информированию населения» [15, с. 103]. Результаты опроса показали, что на первое место в ряду факторов, препятствующих распространению медиации, респонденты как раз ставят отсутствие рекламы (43,9%) и только на второе место – конфиденциальность процедуры (29,5%) (рис. 1).

Рис. 1. Факторы, препятствующие распространению медиации, %

Вторая причина кроется в эмоциональных особенностях стереотипов поведения личностей, о чём уже упоминалось выше. По сути, конфликт – это противоречие, т. е. обе стороны не согласны друг с другом и продвигают противоположные требования. А это значит, что каждая сторона воспринимает другую сторону как противника, соперника, в некоторых случаях даже как врага. Следовательно, присутствует фактор недоверия. В таком состоянии мало кто готов сесть за стол и вести переговоры. Тут нужна сила воли, всесторонняя информированность по возникшему вопросу, желание решить проблему обоюдовыгодно, а не «тянуть одеяло на себя». Проще говоря, нужно самообладание, благодаря чему можно прийти к консенсусу, решить возникший конфликт и сохранить дружеские отношения. А. О. Даниелян в качестве субъективных причин возникающего противостояния выделяет «достаточно высокую степень конфликтности общественных отношений» [16, с. 64]. А. А. Жиденко отмечает, что «стороны конфликта редко умеют разде-

лить проблему и личность, что приводит к тому, что любой конфликт становится личной обидой, требующей соответствующего, по мнению спорящих, воздаяния. Исследователи обращают внимание на то, что смешение позиций и личностей в рамках конфликтной ситуации приводит к эскалации и фактически лишает конфликтующих возможности решить свои проблемы рационально. В этом случае первый уступивший будет являться проигравшим» [13, с. 22]. Эти выводы подтверждают и результаты опроса: 88,5% респондентов считают, что конфликт становится неразрешённым из-за отсутствия конструктивной коммуникации между конфликтующими сторонами в силу эмоциональной возбуждённости.

Стоит отметить наличие в стране высококвалифицированных специалистов в данной сфере. Как отмечалось выше, работают Центры внесудебного разрешения споров. Чрезвычайно важно, что дисциплины по медиации реализуются в вузовских программах самых разных направлений подготовки, и это правильно, т. к. медиация охватывает область многих знаний, без которых невозможно разрешить социальный конфликт. Медиатор должен иметь профессиональное образование, быть специалистом в области проведения переговоров, уметь применять творческий подход и обладать эмпатией, чтобы эффективно разрешать трудные конфликтные ситуации. Однако нельзя не принимать во внимание недостаточное знакомство населения с существом самой процедуры: в рамках нашего опроса установлено, что 55,5% не знают о действии в РФ закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Проведённое исследование позволяет выделить два основных фактора, препятствующих распространению процедуры медиации, которые являются отражением конкретного психологического типа личности: предпочтение уклониться от разрешения конфликта; недоверие к процедуре. Так, исследование показало, что, несмотря на молодёжный возраст респондентов, 65,2% опрошенных уже сталкивались с неразрешённым конфликтом. В качестве причин, по которым конфликт не был разрешён, 33,9% указали на непримиримость обеих сторон; 66,1% отметили, что обе стороны ушли от возможности регулирования спора, не найдя подходящего способа. При этом 87,5% считали, что любой конфликт можно разрешить путём переговоров. Очевидно, что использование процедуры медиации пришлось бы кстати. И с этим опрошенные соглашаются.

Тогда возникает вопрос, так что же мешает обратиться к медиатору? Ответы респондентов распределились следующим образом (рис. 2).

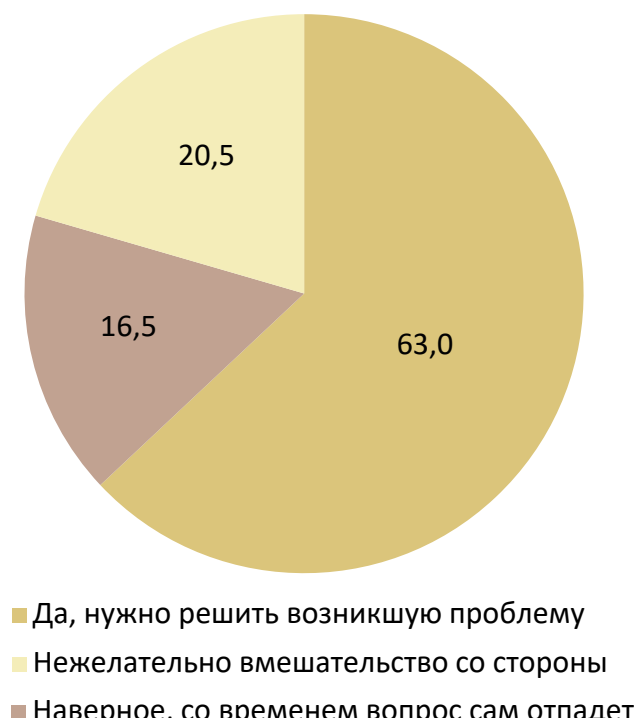

Рис. 2. Причины, по которым к медиаторам не обращаются, %

Хотя судебные разбирательства тяжки и длятся долго, но они считаются более надёжными [17, с. 517]. И это связано с недостаточным пониманием процедуры, что подтверждают ответы 42,1% опрошенных, и уж тем более, с отсутствием осведомлённости о том, что нотариальное удостоверение медиативного соглашения имеет силу исполнительного документа, т. е. определяет, что конкретно должен исполнить каждый из оппонентов.

Выводы

Российская социальная реальность отличается низким уровнем востребованности медиации в решении спорных ситуаций, что указывает на определённые проблемы в практике её институционализации.

Основными причинами отсутствия должной репутации данной процедуры как одного из наиболее конструктивных способов разрешения конфликтов эксплицированы следующие:

Низкая культура решения конфликтов, приводящая в ряде случаев к уклонению спорящих от возможности регулирования конфликта и поиска подходящего способа его разрешения. В связи с этим существует точка зрения, предлагающая интеграцию института медиации в ходе его становления с институтом омбудсмана [13]. Однако попытки институционализации медиации посредством включения её в другие властные институты требуют достаточно большого времени и вряд ли решают проблему низкого доверия к самой процедуре.

Фактор низкого доверия к возможности решения спора с привлечением третьей стороны является отражением наличия среди населения психотипа, который не в меньшей (если не в большей) степени может распространяться и на уполномоченных медиаторов. Делается вывод, что дефицит доверия в первую очередь связывается с недостаточной информированностью населения о существовании процедуры медиации, о правовом статусе медиативного соглашения, имеющего в случае нотариального удостоверения силу исполнительного документа.

Недостаточность информирования населения о преимуществах процедуры медиации. Источником информации, рассчитанной на массового потребителя, являются СМИ, включающие в себя теле- и радиовещание, интернет, в т. ч. социальные сети. Очевидно, что, потребляя контент, предоставляемый СМИ, люди воспринимают не только необходимую информацию, но и поведенческие модели, нацеленные на поиск сотрудничества и приоритет морально-этических ценностей, достижение не только правовой, но и социальной эффективности [18, с. 109]. Преимущество интернет-платформ и социальных сетей состоит в наличии обратной связи, что предполагает комментарии пользователей, а значит большую вовлечённость аудитории в обсуждение проблем. Индивиды могут делиться своей позицией с другими, получая различную информацию в ответ, что способствует формированию представления о медиативных предпочтениях. Хорошим знаком является организация интернет-платформы «Онлайн-медиация: преимущества, подготовка к слушанию и обеспечение конфиденциальности» [19]. Большую роль могли бы играть расположенные на интернет-платформе вебинары по медиации, проводимые опытными в этой сфере специалистами, с разбивкой на рассмотрение различных типов конфликтных ситуаций.

Предложенные меры позволяют вводить медиацию в массы, сделать её понятной процедурой для каждого потребителя и, следовательно, предпочтительным способом разрешения конфликта. Следует признать, что процесс становления медиации как правового института состоялся и имеются все возможности для её скорейшей институционализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маврин О. В. Технологии урегулирования конфликтов (медиация как эффективный метод разрешения конфликтов) : учебное пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. 96 с.
2. Федеральный Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2010) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 08.11.2021).
3. Швандерова А. Р. Институт медиации в современной России как правовой механизм взаимодействия государства и гражданского общества / А. Р. Шван-

- дерова // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 141–143. EDN YUBMVV.
4. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // RGRU : [сайт]. 31.07.2019. URL: <https://rg.ru/documents/2019/07/31/sudy-dok.html?ysclid=leikm52c5h501557345> (дата обращения: 29.01.2023).
 5. Gromov V. Mediation in Russian Correctional Institutions: Present and Future // International Journal of Forensic Sciences. 2020. № 5 (2). P. 000182. DOI 10.23880/ijfsc-16000182.
 6. Сайгачева И. А. Проблема применения медиации в России // Социосфера. 2021. № 2. С. 77–78. EDN KZQQUX.
 7. Медиация: теория, практика, перспективы развития. Сб. материалов научно-практической конференции (Москва, 13–14 апреля 2017 г.) / Отв. ред. О. П. Вечерина. М. : ФГБУ «ФИМ», 2017. 178 с. ISBN 978-5-9906604-2-7. EDN YOHJQJ. URL: <https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2018/12/sbornik-tezisev-nauchno-prakticheskoy-konferencii-12.04.2017.pdf> (дата обращения: 08.06.2023).
 8. Перспективы становления и развития медиации в регионах. Сб. материалов III Международной научно-практической конференции (Саратов, 7 декабря 2017 г.) / Под ред.: Г. Н. Комковой, Л. Н. Аксеновской [и др.]. Саратов : Издательский центр «Наука», 2018. 107 с. ISBN 978-5-9999-3009-5. EDN XVNUUP.
 9. Маркова-Мурашова С. А., Михель Д. Е. Медиация как социальный и теоретико-правовой институт современного мира // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 2-2. С. 43–49. EDN QAKLNJ.
 10. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 25.12.2021).
 11. Статистические данные о работе «комнаты примирения» в Арбитражном суде Свердловской области // Арбитражный суд Свердловской области : [сайт]. URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042> (дата обращения: 15.11.2021).
 12. Filipova I. A., Filipov V. V. Mediation in enforcement proceedings: application in the European countries and prospects of application in the Russian Federation // Actual Problems of Economics and Law. 2017. Vol. 11, № 1. P. 180–188. EDN YFTVZP.
 13. Жиденко А. А. Институт медиации как регулятор социальных конфликтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-1. С. 21–24. DOI 10.23672/v7907-9650-3809-q. EDN XDIPDZ.
 14. Гурушкин П. Ю., Сандрачук Я. Ф. Институт медиации в России: проблемы и перспективы // Век информации (сетевое издание). 2020. Т. 4, № 2 (1). DOI 10.33941/age-info.com42(1)5.
 15. Худойкина Т. В. Проблемы развития медиации в России // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 102–104. EDN YKXGWQ.
 16. Даниелян А. О. Медиация в России: проблемы и перспективы его развития // Интерактивная наука. 2019. № 10 (44). С. 63–64. DOI 10.21661/r-508257. EDN XAUPSV.
 17. Rekhtina I. V., Yakusheva T. V., Domashev A. N. Mediation in Russia: problems and prospects in the context of sustainable regional development // Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019). (Barnaul, Russia, 18–19 April 2019). Dordrecht : “Atlantis Press”, 2019. P. 516–519. DOI 10.2991/icsdcbr-19.2019.102.

18. Zhukovskaya N. Y., Kalinina E. V. To the Sources of Mediation: A new Look at the Administration of Justice in R. Pound's Creativity // *Economic Problems and Legal Practice*. 2017. № 6. P. 103–109.
19. Ждан-Пушкина Д. Онлайн-медиации: преимущества, подготовка к слушанию и обеспечение конфиденциальности // *Zakon.ru* : [сайт]. 27.09.2022. URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/27/onlajnmediaciya_preimuschestva_podgotovka_k_slushaniyu_i_obespechenie_konfidencialnosti?ysclid=lejrycdz480560310 (дата обращения: 29.01.2023).

Сведения об авторе

Н. А. Гиваргизова

аспирант

AuthorID РИНЦ: 1233407

Статья поступила в редакцию 06.05.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 03.11.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.6

THE RELEVANCE FOR THE INSTITUTE OF MEDIATION IN MODERN RUSSIA

Narine Ashotovna Givargizova

Don State Technical University,

Rostov-on-Don, Russia,

giv.narina@gmail.com,

ORCID 0000-0003-1279-9553

For citation: Givargizova N. A. The relevance for the institute of mediation in modern Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):120–135. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.6.

Abstract. The article considers the problem of the relevance for the institute of mediation in Russia. Statistical data for the country concerning 2020 are presented and data for the Rostov region to the same period are analyzed. A comparative analysis is made with data for the same period in the Sverdlovsk region. The information and empirical base of the study consists of materials from: the website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation; the Association of Mediators of the Rostov region “Reconciliation”; “Reconciliation Rooms” in the Arbitration Court of the Sverdlovsk region. The methods of content analysis, statistical analysis, in-depth interviews, and a mass survey conducted among the employed population of the Rostov region aged 21 to 30 years were used. The study revealed: low awareness of respondents about the possibilities of using the mediation procedure, its structure and features; low level of modern mediation practice in the country. It is shown that in Russia today the courts are inundated with lawsuits, while mediation could well constructively solve many

social problems. The necessity of creating favorable conditions for the development of mediation activity and its popularization is substantiated. The main reasons preventing the institution of mediation from becoming a popular activity among the population are identified: a low culture of conflict resolution, which in some cases leads to the avoidance of disputants from finding a suitable way to resolve it; a factor of insufficient confidence in the possibility of resolving a dispute involving a third party. It is concluded that the lack of trust is primarily due to insufficient awareness of the population about the essence of the mediation procedure, about the legal status of the mediation agreement, which in the case of notarization has the force of an executive document. The wider use of all types of media, the increase in online platforms with the location of mediation webinars conducted by experienced specialists in this field will help spread the practice of mediation and will contribute to its early institutionalization

Keywords: mediation in Russia, statistics, institutionalization, mediation applications for 2020, relevance for mediation

REFERENCES

1. Mavrin O. V. Technologies of conflict resolution (mediation as an effective method of conflict resolution): textbook. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta; 2014. 96 c. (In Russ.).
2. Federal Law of 27.07.2010 No. 193 About alternative procedure of disputes settlement with the participation of a mediator (mediation procedure) (ed. from 26.07.2010) [Federal'ny'j Zakon «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» ot 27.07.2010 No. 193-FZ (red. ot 26.07.2010)]. Consultant Plus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed: 08.11.2021). (In Russ.).
3. Shvanderova A. R. Institute of mediation in modern Russia as a legal mechanism of interaction between the state and civil society. *Gaps in Russian legislation=Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2017;(3):141–143. (In Russ.).
4. Federal Law of July 26.07.2019 No. 197-FZ On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation [Federal'ny'j zakon ot 26 iyulya 2019 g. No. 197-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii]. Available at: <https://rg.ru/documents/2019/07/31/sudy-dok.html?ysclid=leikm52c5h501557345> (accessed: 29.01.2023). (In Russ.).
5. Gromov V. Mediation in Russian correctional institutions: Present and future. *International Journal of Forensic Sciences*. 2020;5(2):000182. DOI [10.23880/ijfsc-16000182](https://doi.org/10.23880/ijfsc-16000182).
6. Saigacheva I. A. Problem of mediation application in Russia. *Sociosphere=Sociosfera*. 2021;(2):77–78. (In Russ.).
7. Vecherina O. P. ed. Mediation: theory, practice, prospects for development. Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Moscow, 13–14 April 2017). Moscow: FGBU FIM; 2017. 178 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9906604-2-7.
8. Komkovoij G. N., Aksenovskoj L. N. [et al] eds. Prospects of formation and development of mediation in the regions. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Saratov, December 7, 2017) [Prospects of formation and development of mediation in the regions. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Saratov, December 7, 2017)]. Saratov: Izdatel'skij centr «Nauka»; 2018. 107 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9999-3009-5.

9. Markova-Murashova S. A., Mikhel D. E. Mediation as a social and theoretical-legal institution of the modern world [Mediaciya kak social'nyj i teoretiko-pravovoj institut sovremennogo mira]. *Proceedings of Tula State University. Economic and juridical sciences=Izvestiya TulGU. E'konomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2012;(2-2):43–49. (In Russ.).
10. Judicial statistics. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Dannyy'e sudebnoj statistiki. Sudebnyj Departament pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (accessed: 25.12.2021). (In Russ.).
11. Statistical data on Conciliation Room in Arbitration Court of Sverdlovsk region. Arbitration Court of Sverdlovsk region [Statisticheskie dannyy'e o rabote «komnaty' primireniya» v Arbitrazhnom sude Sverdlovskoj oblasti. Arbitrazhnyj sud Sverdlovskoj oblasti]. Available at: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042> (accessed: 15.11.2021). (In Russ.).
12. Filipova I. A., Filipov V. V. Mediation in enforcement proceedings: application in European countries and prospects of application in the Russian Federation. *Actual Problems of Economics and Law*. 2017;11(1):180–188.
13. Zhidenko A. A. The institute of mediation as a regulator of social conflicts. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences=Gumanitarnyye, social'no-e'konomicheskie i obshchestvenny'e nauki*. 2020;12-1:21–24. (In Russ.). DOI [10.23672/v7907-9650-3809-q](https://doi.org/10.23672/v7907-9650-3809-q).
14. Gurushkin P. Y., Sandrachuk Y. F. Institute of Mediation in Russia: Problems and Prospects. *Age of Information (online edition)*. 2020;4(2). DOI [10.33941/age-info.com42\(11\)5](https://doi.org/10.33941/age-info.com42(11)5). (In Russ.).
15. Khudoykina T. V. Gaps in the Russian legislation [Problemy' razvitiya mediacii v Rossii]. *Gaps in Russian legislation=Problemy' razvitiya mediacii v Rossii*. 2017;6:102–104. (In Russ.).
16. Danielyan A. O. Mediation in Russia: problems and prospects of its development. *Interactive Science*. 2019;(10):63–64. (In Russ.). DOI [10.21661/r-508257](https://doi.org/10.21661/r-508257).
17. *Rekhtina I. V., Yakusheva T. V., Domashev A. N.* Mediation in Russia: problems and prospects in the context of sustainable regional development. In: Proceedings of the international conference on sustainable development of cross-border regions: Economic, social and security challenges (ICSDCBR 2019). (Barnaul, Russia, 18–19 April 2019). Dordrecht: Atlantis Press; 2019. P. 516–519. DOI [10.2991/icsdcbr-19.2019.102](https://doi.org/10.2991/icsdcbr-19.2019.102).
16. Zhukovskaya N. Y., Kalinina E. V. To the Sources of Mediation: A new Look at the Administration of Justice in R. Pound's Creativity. *Economic Problems and Legal Practice*. 2017;(6):103–109.
17. Zhdan-Pushkina D. Online mediation: the benefits, preparing for a hearing and ensuring confidentiality [Onlajn-mediicii: preimushhestva, podgotovka k slushaniyu i obespechenie konfidencial'nosti]. *Zakon.ru*. Available at: https://zakon.ru/blog/2022/09/27/onlajnmediaciya_preimuschestva_podgotovka_k_slushaniyu_i_obespechenie_konfidencialnosti?ysclid=lejrycdz480560310 (accessed: 29.01.2023). (In Russ.).

Information about the Author

N. A. Givargizova
postgraduate

The article was submitted 06.05.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 03.11.2023.

УДК 316.344

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.7)

EDN: [HQEUQY](https://www.edn.ru/HQEUQY)

Научная статья

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ ГОРОДА В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Наталья Анатольевна Костко¹

Ирина Фёдоровна Печеркина²

^{1, 2} ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
Тюмень, Россия,

¹ n.a.kostko@utmn.ru,

ORCID [0000-0003-1618-4548](https://orcid.org/0000-0003-1618-4548)

² i.f.pecherkina@utmn.ru,

ORCID [0000-0003-4978-0311](https://orcid.org/0000-0003-4978-0311)

Для цитирования: Костко Н. А., Печеркина И. Ф. Городская идентичность и восприятие города в управленческом дискурсе // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 136–161. DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.7). EDN [HQEUQY](https://www.edn.ru/HQEUQY).

Аннотация. В последние десять лет, без преувеличения, самым распространённым и актуальным является дискурс о городе, его формах, планировании и управлении в условиях неопределённости. Перспективы развития города, городского сообщества зависят не столько от влияния внешних факторов, сколько от артикуляции и репрезентации содержания социального запроса со стороны общества, населения конкретных городов. У горожан сформировано видение настоящего и будущего своего города, а его восприятие у жителей складывается на основе представлений о современном городе и воспроизведено как дискурс в суждениях, мнениях, оценках населения. Городской дискурс есть позиционирование, репрезентация городской идентичности горожан и отражение восприятия идентичности города. Присутствие этого дискурса находим в нарративах горожан о городе. В основе исследования – нарративы личного опыта: рассуждение информантов о том, как они оценивают и воспринимают свой город. Тактика исследования – нарративный анализ, дополненный сентимент анализом (позитивная или негативная подача материала), метод – контент-анализ. Цель работы: исследование восприятия идентичности города горожанами. Новизна работы определена дизайном исследования, сочетающим качественный и количественный подходы, метод триангуляции по Н. Дензину [1, с. 24], а также выбором субъективного параметра (восприятие горожанами своего города) в качестве ориентира для управленческих действий при формировании идентичности города для достижения связности «город – горожанин». Дополнительным вкладом данной работы является выстраивание парной логики связности «город – горожанин» через соотношение показателей городской идентичности горожан и идентичности города на основе эмпирических данных по шести городам Тюменской

области. Исследование показало, что горожане с высоким уровнем городской идентичности воспринимают город через личностное участие в его жизни, через проявление субъектности.

Ключевые слова: город как социальная система, городская идентичность горожан, идентичность города, городское управление

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00305 «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования».

Введение

Город значим для исследователей как специфический объект познания городского сообщества, отношений, ресурсов и оснований развития, конфликтов и механизмов решения перманентных проблем общества. Город представляет собой и исследовательское поле, и тонкую инструментальную линзу, позволяющую высветить как современные процессы, так и перспективы будущего состояния общества. Город – это сложная социальная система в структуре трансформационного нестабильного типа общества. Социальность системы города определяется включённостью в неё горожан. Важным условием поступательного, устойчивого развития и функционального содержания города как сложной социальной системы является его способность к управлению и управляемости, где роль горожан только растёт. Одна из управленческих проблем связана с определением условий, оснований, ресурсов, с помощью которых возможно установление связи и взаимодействия между городом и его горожанами. Значение такой связности обусловлено взаимовлиянием города на горожан и горожан на город во всех областях жизнедеятельности от экономики и политики до характеристик социального самочувствия и уровня счастья населения, проживающего на определённой территории. Для нашей страны остаётся актуальным вопрос закрепления населения в городах нестоличного типа. Достаточно обратить внимание на процессы миграции внутри страны, отток трудоспособного населения с восточных территорий, из малых городов в крупные и крупнейшие, и это только одна из видимых проблем, которая демонстрирует разрыв связности между городом и горожанами.

Согласно теории социального управления [2], горожане не столько объект управления, сколько субъект, и эта идея нашла своё отражение не только в теории (например, в теории согласительной демократии), но и в нормах права. В рамках общественно-правовой формы, а именно местного самоуправления, города представляют собой муниципальные образования, в которых выстраиваются субъект-субъектные отношения, и горожане выступают субъектами управления. Данная установка

не предполагает прямого воздействия субъекта управления власти на горожан, речь можно вести о создании условий, формирующих те или иные отношения между субъектами города, между городом и горожанами. К таковым условиям относят прежде всего материально-вещественные элементы, подсистемы города, объекты различных видов инфраструктуры (социальной, инженерной, инновационной и т. д.). Сюда можно отнести и создание условий для повышения уровня и качества жизни, комфорта проживания в городской среде. Стоит отметить, что наличие в городе развитой инфраструктуры занимает ведущие позиции в оценках горожан качества городской жизни [3]. Тем не менее опыт как отечественных, так и зарубежных городов свидетельствует о том, что акцентирование городского управления только на объектной, материально-вещественной составляющей недостаточно. Связность между городом и горожанами выстраивается на более тонких основаниях, затрагивающих чувства, эмоции, оценки, память и т. д. каждого конкретного человека, что предполагает обращение к параметрам социального пространства города.

Социальное пространство города – это совокупность социальных связей, взаимозависимостей и взаимодействий, проявления интересов разных групп субъектов города, которые репрезентируются через социальную активность горожан и их идентичность с городом, уровнем доверия, солидарностью, ответственностью между активными субъектами городского сообщества.

Городская идентичность горожан является маркером связности городского пространства, основанием для социальной активности, одним из условий участия в жизни города, управлении его развитием. Городская идентичность горожан выполняет ряд функций:

- социально-политическую – формирование, выражение, действенность гражданской позиции, патриотизма, принятие города и городского сообщества, норм доверия и солидарности, целей развития;
- социально-экономическую – поддержание устойчивой социальной структуры населения города (половозрастной, профессиональной, образовательной и т. д.), удержание населения, сокращение эмиграции из города, миграционных настроений;
- социально-культурную – формирование чувства сопричастности и единения с городом, городским сообществом, эмоциональным удовлетворением, гордостью, моделями жизненных стратегий и т. д.

Городская идентичность горожан формируется посредством целого ряда факторов и условий, важнейшим из которых выступает сам город и его идентичность. Идентичность города представляет собой симбиоз условий, факторов, процессов и свойств, которые определяют форму, содержание, специфику, смысловые и чувственные коннотации относительно

конкретного поселения. Города стремительно меняются. С одной стороны, нельзя не сказать о том, что эти изменения подчас имеют типовые планировочные и архитектурные решения, наблюдается бедность и однообразие городских пространств, «архитектурных ансамблей сохранилось немного, к периферии нарастает хаотичность и монотонность застройки, срединные зоны города переуплотняются» [4, с. 32]. Как правило, такая городская среда не вызывает эмоционального отклика у горожан. С другой стороны, стремительность и глубина изменений вносит в жизнь города новые формы, функции и свойства жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Проблема заключается в том, что горожанину приходится адаптироваться к этим новациям, которые могут быть приняты, отвергнуты, вызвать тихое сопротивление, просто недовольство, выражаемое прежде всего в оценках, суждениях и эмоциях человека по отношению к городу. Разрыв между идентичностью города и его восприятием горожанами демонстрирует конфликтность между ними. Фиксация конфликтности, её причин является основанием для принятия адекватных управленческих мер для минимизации.

Восприятие горожанами своего города проявляется как чувственно-оценочное отношение, характеризующее связность между городом и горожанами, принятие/непринятие идентичности города. Понимание города горожанами представлено в виде суждений, нарративов. Информанты, проговорив и артикулировав нарративы, тем самым фиксируют их присутствие в пространстве города. Наличие в городе среди его жителей подобного рода нарративов в совокупности демонстрирует характер, свойства, направленность городского дискурса. Городской дискурс – это, коннотативно-семантическое представление горожан о городе и своём отношении к нему. Дискурс как сочетание различных нарративов, иногда взаимоисключающих, тем не менее имеет ярко выраженные коннотативные проявления, дающие нам представление о характере, направленности восприятия горожан своего города.

Знание отношения, эмоционального восприятия горожан своего города, т. е. субъективного компонента связи города и человека, позволяет понять, осмыслить, подтвердить/опровергнуть уровень городской идентичности горожан. Высокий уровень последней определяется, в том числе принятием горожанами идентичности города. Идентичность города динамична, изменчива, наконец, она формируема, что в свою очередь не может не сказаться на городской идентичности горожан.

Формирование идентичности города является управляемым процессом. К современным методам управления отнесены ресурсный подход, объективированный, основанный на создании условий для роста и развития материально-вещественного состояния объекта управления (объек-

тивные показатели, характеризующие уровень и качество жизни в городе), а также подход, учитывающий нематериальные элементы развития города и горожан. К последним отнесён целый ряд параметров: чувства, эмоции, впечатления, т. е. коннотативные качества, которыми город наделяется жителями [5, с. 207]. Цель работы: исследование восприятия идентичности города горожанами. Новизна работы определена дизайном исследования, сочетающим качественный и количественный подходы, метод триангуляции по Н. Дензину [1, с. 24], а также выбором субъективного параметра (восприятие горожанами своего города) в качестве ориентира для управленческих действий при формировании идентичности города для достижения связности «город-горожанин». На сегодня в Российской Федерации для оценки городской среды принято 36 индикаторов, среди которых нет ни одного, который бы замерил субъективное восприятие города, его среды, горожанами [6]. Дополнительным вкладом данной работы является выстраивание логики связности «город-горожанин» через соотношение показателей городской идентичности горожан и идентичности города на основе эмпирических данных по шести городам Тюменской области. За скобки данной работы вынесена протестная составляющая деятельности, оценок, суждений горожан.

Научные подходы, определяющие методологическую рамку данной работы: *системный* – применительно к городу как социальной системе; *деятельностный* в традиции Дж. Г. Мида, принят для демонстрации взаимосвязи города и горожан, городской идентичности горожан и идентичности города; *феноменология* восприятия Мерло Понти [7]; *семиосоциопсихологическая* теория знаковой коммуникации Т. М. Дридзе как универсальный механизм взаимодействия социальных субъектов с их «разномотивированными» критериями оценки социальной ситуации и социально значимых решений [8]. В данной работе использован метод теоретического синтеза, соединение микро- и макросоциальных теорий.

Теоретические основания исследования

Город как сложная социальная система характеризуется своей структурой, свойствами элементов и подсистем. Особое значение имеют отношения и связи, которые действуют в городе как системе [9]. Горожане являются базовым градообразующим элементом, в котором особое значение уделяется связи, целостности и прочности отношений человека и города. Характер качества связности демонстрирует пара: городская идентичность горожан-идентичность города.

Идентичность принимается в качестве: исследовательской линзы, через которую выявляются, осмысливаются и анализируются другие акту-

альные аспекты современной жизни [10]; ресурсы развития города [11]; основы организации смыслов деятельности акторов [12] и т. д.

Высокая степень городской идентичности горожан свидетельствует о наличии связи между человеком и городом. Она динамична в силу изменений, которые претерпевают как человек, так и город, а её степень и устойчивость определяются принятием горожанами идентичности города.

Можно ли говорить о спонтанности принятия идентичности города, как возникает устойчивость связи между индивидом и городом? Для ответа на данный вопрос обратимся к теории действия Дж. Г. Мида в той части, где он выделяет четыре «взаимосвязанные ступени действия, которые образуют органичное целое (другими словами, они диалектически взаимосвязаны). Первая стадия – стадия импульса, которая включает «непосредственный чувственный стимул» и реакцию актора на это побуждение, потребность сделать что-либо в этом отношении» [13, с. 243]. Иначе говоря, первым шагом в направлении установления связи «город-человек» является чувственное восприятие города, которое предстаёт в виде оценок, характеристик, ассоциаций, сравнений, мысленных образов и т. д. Согласно Дж. Г. Миду невозможно отделить людей от воспринимаемых ими объектов, «именно акт восприятия объекта делает его объектом для человека; восприятие и объект не могут быть отделены друг от друга (они диалектически взаимосвязаны)» [13, с. 245]. В границах феноменологической традиции, когда «восприятие городской среды представляет собой не только когнитивное, но и интенциональное отношение – процесс конструирования реальности посредством придания значимости её отдельным фрагментам на некотором смысловом поле» [14, с. 59] позволяет выделить восприятие города горожанами в качестве объекта исследования и характеристики связности между ними.

Знание того, как воспринимается город, характеризует не просто полноту связи «город-человек», но и даёт информацию о том, что усиливает и ослабляет это взаимодействие. С точки зрения управления процессом формирования связности возникают объективные основания, параметры для управленческого действия. «Эмоциональный опыт восприятия города, влияющий на идентичность горожанина, может развиваться вполне целенаправленно в соответствии с подходом гуманитарного краеведения И. М. Гревса» [4, с. 32]. В основе исследования лежит положение П. Бурдьё о том, что структуризация индивидом своего восприятия относительно города, его идентичности, определяет городскую идентичность горожанина [15].

Следуя логике Л. Тевено о том, что способ, оценка восприятия индивидом мира, отсюда и города, напрямую влияет на вовлечённость челове-

ка в этот мир [16, с. 85], даёт нам представление о его (индивида) деятельностном компоненте в городской жизни, т. е. о его социальной активности. Согласно тому же автору, «восприятие осуществляется в определённом формате (публичных конвенций, функциональном, близости и т. д.). Но этот формат реальности зависит от формы оценки, которая выделяет то, что релевантно. Эта оценка отсылает к определённому виду блага, которое может быть общим благом, или результатом запланированного действия, или даже более ограниченным благом, способствующим приспособлению к привычному окружению» [16, с. 85]. Данный подход позволяет вычлениить характерные для каждого города в конкретный момент времени форматы его восприятия, понять направленность социальной активности горожан. Дополнительным аргументом в пользу значения знания о восприятии горожан является тезис о пространственном измерении восприятия [7, с. 372–380], «субъект ощущения/восприятия (авторская правка) – это, не мыслитель, ...а своего рода способность, которая рождается или действует одновременно с определённой средой существования» [7, с. 372]. Такой средой для горожанина является город, в пространстве которого между ними выстраиваются отношения взаимовлияния, взаимодополнения, связности. Отношения не статичны, а изменчивы и противоречивы в силу сложности субъектов, включённых в этот процесс, где город – это, «территория превращений и присвоений, объект всевозможных вмешательств, но вместе с тем субъект, обретающий всё новые свойства» [17, с. 27].

Таким образом, исследование восприятия города через различные форматы оценок, отношений, суждений, ассоциаций позволяет установить не только степень связности человека с городом, но и определить характер этой связи. Иными словами, исследование восприятия города позволяет судить о субъектности горожан, их позиции относительно города и своего места в нём. Говоря об ассоциациях, выражении своего отношения к городу, горожане демонстрируют многообразие социальных смыслов, формирующихся вследствие выстраивания устойчивой связности между человеком и городом [18]. Суждения, отношения, ассоциации горожан к городу представляют собой нарратив, в совокупности каждый из которых включён в городской дискурс. Нарративы – это средства создания смысла, конструирования и согласования реальности, определённый взгляд на жизнь, мир или событие [19, с. 3; 20].

Нарративы принимаются в качестве результата чтения, следования изгибам городского «текста», при этом «повествование само творит своих читателей» [17, с. 25]. Нарратив – это повествование, рассказ. «В самом широком смысле повествование может быть как действием, так и продуктом в виде текста, фильма, танца и тому подобного. С помощью нарратива люди стремятся сконфигурировать пространство и время, задействовать

связующие устройства, выявить идентичность акторов и взаимосвязь действий в разных сценах. Они создают темы, сюжеты и драматургию. Поступая таким образом, рассказчики осмысливают самих себя, социальные ситуации и историю» [21, с. 70]. Вслед за М. де Серто будем исходить из того, что «можно приравнять практики означивания (рассказывания легенд), к практикам, создающим пространство» [17, с. 35].

Связность нарративов с пространством неизменно указывает на их отношения с идентичностью как города, так и городской идентичностью горожан. Принимается тезис о том, что нарративные схемы как типичные для определённых групп, сообществ горожан являются фундаментальной составляющей их идентичности, обладая «существенным эмоциональным резонансом, заключённым в них» [22, с. 85]. Городской дискурс есть выражение социального запроса горожан на свой город, на город, который принимается как формообразующая система их городской идентичности.

Кроме того, идентичность города является объективной данностью, которая складывается под влиянием определённых тенденций, закономерностей развития общества, управленческих мер. Обоснованным является применение определения «региональная идентичность» и к городам. Оно заключается в том, что в качестве основных показателей, характеризующих идентичность города, выбраны четыре формы измерения: территориальная; институциональная; символическая; функциональная [23, с. 709]. Каждая из них определена характеристиками конкретного города. Специфика, контекст города, в широком смысле, представлен набором параметров: идентичность, морфология, территория, состояние и особенности различных сфер жизнедеятельности города, характеристики горожан и целый ряд других параметров. В узком смысле в структуре специфичности/контекста города, выделяется социальное пространство города как социальная система, которая включает взаимовлияние жёсткой и мягкой подсистем в системе координат пространства, времени, отношений и памяти. К жёсткой подсистеме отнесены пространство и время, которые репрезентируются понятиями: места, идентификации, морфологии города (как ландшафт, природа, климат), генезиса города. К мягкой подсистеме отнесены отношения, которые выстраиваются в рамках определённых пространственно-временных и исторических условий, скрепляя всё пространство города, формируя восприятие города, его образ и морфологию у горожан, а также символы, мифы, память, нормы, ценности, оценочное и эмоциональное восприятие города [24]. Оценочно-эмоциональное восприятие города горожанами отнесено к мягкой подсистеме специфики города, то есть той её части, которая в большей степени подвержена как ситуативному влиянию [25, с. 32], так и собственно целенаправленному воздействию со стороны системы городского управления.

Элементы подсистем социального пространства города могут быть объектами управления, но с учётом уже их специфики. Для целей управления значимым становится знание о состоянии и особенностях контекста города, его социального пространства, отношения горожан к идентичности города, его коннотативным качествам, которыми жители наделяют город. Коннотативные качества города – это один из элементов в системе определения идентичности города. Коннотативные качества города определяются в стилистике научного подхода В. Н. Цоллера [26], который выделяет три элемента: оценочный, эмоциональный, экспрессивный, они же бывают положительными, нейтральными и отрицательными.

Для целей управления учёт контекста города может включать как все его подсистемы, так и отдельные элементы и важное значение приобретает анализ восприятия идентичности города горожанами.

В данной работе акцент сделан на определение оценочно-эмоционального восприятия города горожанами. Анализ характера оценок, эмоционального восприятия города населением даёт возможность понять специфику, контекст города, учесть в практике управления субъективные параметры микромира людей.

Эмпирическая база и методы анализа данных

В рамках научного проекта «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования» в 2020 и 2021 гг. был проведён опрос жителей шести городов «большой» Тюменской области: Тюмени, Тобольска, Ханты-Мансийска, Сургута, Нового Уренгоя и Салехарда. В качестве генеральной совокупности принята численность жителей названных городов с 18 до 70 лет. Выборки строились отдельно для каждого города на основании данных государственной статистики как репрезентативные по признакам пола и возраста. Ошибка каждой выборки не превышает 5% по одному признаку. Объём городских выборок позволяет проводить сравнительный анализ. Однако, для достижения цели исследования анализ данных проводился по общей выборке (шести городам вместе), объём которой составил 2 860 человек (см. табл. 1).

Для достижения цели статьи анализ данных проводился по общей выборке (шести городам вместе). Фокус внимания был направлен на специфику восприятия своего города респондентами с разным уровнем городской идентичности. Безусловно, уровень городской идентичности горожан, связанный с конкретным городом, в каждом городе исследования существенно различается [24]. Этот аспект исследования проанализирован авторами в ряде предыдущих публикаций [24; 27] и не входил в цели

Таблица 1

Генеральная совокупность и объёмы выборок в каждом городе

Город	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард	Всего
Генеральная совокупность – жители городов с 18 до 70 лет*	567623	67065	269724	73208	86731	35742	1100093
Объём выборки	769	400	429	427	435	400	2860

* Численность городского населения на 1 января 2020 г., человек. База данных показателей муниципальных образований РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

анализа данной статьи. Здесь мы стремились установить связь между уровнем городской идентичности горожан и качественным разнообразием социальных измерений (смыслов, проблем, ценностей), в которых «мыслится» город. Выделяя качественные характеристики высказываний о городе и частоту их встречаемости, можно уловить актуальные настроения, проблемы, личный и социальный опыт, характерные для групп с разным уровнем идентичности.

В ходе исследования использовалось смешивание стратегий (mixed methods research) [1]. Метод триангуляции позволил провести исследование в несколько этапов. В ходе первого этапа был осуществлен сбор слабо формализованных данных [28], полученных в ходе анкетного опроса. Респонденты в свободной форме письменно сформулировали две ассоциации, связанные с их городом. Исследовательский интерес касался определения восприятия горожанами их города. На данном этапе исследования были получены нарративы, которые связаны воедино темой, а не временем (К. Рисман) [20, с. 56].

На втором этапе использовалась качественная стратегия для анализа данных, полученных на первом этапе, а именно – качественно-количественный метод контент-анализа. Под ним понимают технику анализа данных в рамках исследовательского процесса, управляемого правилами, и этот исследовательский процесс связан с общими (качественными и количественными) исследовательскими стандартами [29, с. 10]. Единица анализа – контекстная единица, которая может быть определена как весь случай. Весь случай – это ответ на вопрос [29, с. 41]. На данном этапе исследовательская задача расширялась до границ определения отношения горожан к идентичности города, а полученные высказывания были

подвергнуты процедурам дедуктивного анализа данных (нисходящая стратегия). Проведён процесс выделения категорий анализа, согласно идеям К. Терлоу (K. Terlouw) и Н. Г. Федотовой, характеризующих идентичность города. Индуктивный анализ данных (восходящая стратегия), выявил дополнительные категории, характеризующие идентичность города. Согласно П. Мейрингу, форма анализа – структурирование содержания/тематический анализ [29, с. 65].

Третий этап исследования включал Sentiment Analysis, т. е. анализ человеческих эмоций. Данная техника позволяет исследовать «мнения и чувства, выраженные в определённом тексте, и дающая возможность измерить направленность и субъективность поведений, истекающих из этого текста. Объект изучения Sentiment Analysis – сентимент (тональность), то есть любое настроение или когнитивно-аффективное состояние, выраженное словами и предложениями» [30, с. 80]. Форма анализа – ручная. Категоризация суждений/нарративов и определение коннотативных характеристик высказываний горожан (позитивные; нейтральные; негативные) проводилась независимо двумя исследователями. Для нивелировки субъективизма исследователя сравнивались экспертные оценки выбора категории, характеристики высказываний и в случае совпадения фиксировались для формирования категориального ряда и определения направленности тональности суждения.

Четвёртый этап исследования направлен на выяснение соотношения данных о восприятии и оценочно-эмоциональных суждениях горожан об идентичности города с их уровнем городской идентичности. Такая постановка исследовательских целей и задач реализовывалась посредством метода триангуляции полученных данных.

Результаты проведённого исследования

Идентичность города рассматривается как совокупность представлений жителей о своём городе, смыслов, стереотипов, устойчивых образов.

Черновой вариант кодификатора строился на формах измерения идентичности города, предложенных К. Терлоу (K. Terlouw) (территориальная, институциональная, символическая и функциональная формы) [23] и символических кодах городской идентичности, использованных Н. Г. Федотовой в исследовании идентификационных процессов в современных городах (гражданский код, территориальный и культурный коды) [31]. Затем, по результатам первого этапа, кодификатор был модифицирован и расширен до семи категорий анализа (см. табл. 2). Кратко охарактеризуем каждую категорию.

«Территориальность» фиксирует значимые для человека смыслы, возникающие по отношению к «физическим характеристикам города» – морфологии города (ландшафт, внешний облик города, его история), к природным факторам территории, его географическому положению, роли города в регионе и стране. «Территориальная форма является наиболее ощутимым аспектом региона» [23, с. 709], результат взаимодействия человека и городской среды. Территориальные условия часто являются источником городской мифологии и стереотипов, знаково-символического восприятия города.

«Гражданственность» «позволяет рассматривать обычного человека как горожанина, который неравнодушен к судьбе своего города» [31, с. 2]. Это не только проявление активной гражданской позиции, включённость в управление городом, деятельное участие в жизни города, но и неравнодушное отношение к состоянию городской среды, социально-экономической ситуации, выражение оценочных суждений относительно городских институтов, прежде всего, власти. «Гражданственность» проявляется в отношении, оценках горожан к институтам. Такая расширенная интерпретация понятия «гражданственность» была использована отчасти из-за формулировки самого задания (респондентов просили написать ассоциации, связанные с городом). Гражданский код, который был предложен Н. Г. Федотовой, согласуется с позицией К. Терлоу (K. Terlouw): институциональная форма репрезентации идентичности города предполагает отношение горожан к различным городским институтам.

«Функциональность» – статус и роль города в более крупных системах (регионе, стране, мире), которые являются результатом экономических связей города, его места в административной национальной иерархии [23, с. 710].

«Культурно-символический код» репрезентирует уникальные факты истории и современной жизни города. Памятные события, уникальные городские практики, образы и стереотипы, мифы и городские легенды, которые являются общим источником символического облика города, основанием для конструирования бренда города.

Город – это его жители. Восприятие горожан, акцент на определённых чертах и поведении жителей, выделение «приметных» социальных групп и общностей является показателем идентификации с сообществом, осознание принадлежности к группе или отрицание этой принадлежности. Г. Тэджфел предположил, что группы, к которым принадлежат люди, являются важным источником гордости и самоуважения [32]. Значение локальных сообществ подчеркивал М. Кастельс, поскольку именно в них индивид приобретает смыслы, а идентичность становится главным источником этих смыслов, консолидации местных сообществ и укрепления

групп, образовавшихся на территории [33, с. 27]. Именно поэтому была добавлена категория «Характеристики горожан».

Город – это и личная история его жителя: места памяти, малая Родина, близкие люди, важные события в жизни (работа, учёба, встречи, рождение детей). Эти параметры определяют отношение индивида к территории проживания, привязанность к городу, «чувство общей судьбы».

«Оценочно-эмоциональное восприятие города» – суждения, которые насыщены переживаниями, чувствами, личностным отношением. Именно через такие суждения/нарративы «читается» идентичность города горожанами.

Таблица 2

Результаты категоризации восприятия респондентами города их проживания

№	Категории	Коды	Примеры высказываний респондентов
1.	Территориальность	- Внешний облик города (архитектура, парки, мосты и т. п.). - Природные факторы территории. - Местоположение города. - Размер города. - Район города.	- Красивые архитектурные решения. - Вечный холод. - Красивая осень. - Город на Полярном круге. - Маленький город. - Зарека. – 25 микрорайон
2.	Гражданственность	- Включённость в дела города, активность населения. - Оценка институтов власти. - Оценка состояния городской среды, инфраструктуры. - Оценка социальной и экономической ситуации в городе. - Оценка качества жизни.	- Отсутствует возможности влиять на развитие города. - За последние 10 лет путь от процветания к упадку. - Город контрастов: нищета и богатство. - Город, где бизнес почти не развивается. - Комфортная доступная среда: лучшие дороги.
3.	Функциональность	- Статус города. - Роль города в регионе, стране. - Предприятия и организации города, их продукция.	- Промышленный узел, Административный центр; столица Югры. - Газовая столица - СИБУР – Газпром
4.	Культурно-символический	- Официальная символика города. - Образ города, его характеристики. - Стереотипы, мифология. - Брендовый лозунг (слоган). - История города. - Аутентичные городские практики (события, праздники). - Знаковые места.	- Ямальский олень. - Большая деревня. - Тихий и размеренный. - Тюмень – лучший город земли. - Легендарная первая нефть. - Абалакское поле – фестиваль исторической реконструкции. - Белокаменный Кремль.

Окончание таблицы 2

№	Категории	Коды	Примеры высказываний респондентов
5.	Характеристики горожан	• Восприятие горожан (эмоциональная характеристика горожан, характерные черты жителей). • Социальные общности. • Знаковые личности, известные люди, их достижения.	• Работяги. • Отзывчивые люди. • Толерантный. • Многонациональный • Национальный колорит. • Белые воротнички. • Город временщиков. • А. В. Филипенко, Ю. В. Нелов, В. В. Якушев, С. С. Собянин.
6.	Личная история	• Малая Родина. Место рождения, срок проживания в городе. • Близкое окружение/Семья, родственники. • Важные события в жизни (работа, учёба, встречи, рождение детей).	• Здесь я родилась и живут мои родственники. • Беззаботное детство. • В этом городе родились мои дети. • Знакомство с интересными людьми.
7.	Оценочно-эмоциональное восприятие города	• Эмоциональная оценка, выражающая отношение к городу	• Гордость. • Город мечты. • Город, в который всегда хочется вернуться. • Грусть. • Уныние. • Терпимо.

Кроме того, все ответы респондентов были разделены на три группы – суждения с негативной, позитивной и нейтральной коннотацией. В таблице 3 приведены примеры высказываний респондентов, отнесённых к категориям анализа «Гражданственность» и «Оценочно-эмоциональное восприятие города» с учётом их коннотативной характеристики.

Всего было получено 5 263 ответа с суждениями респондентов, которые не столько представили свои ассоциации, один-два слова относительно восприятия города проживания, сколько продемонстрировали поведение о том, как они воспринимают свой город, зафиксировали свои жизненные ситуации, 89% респондентов написали не менее двух суждений о городе. Лишь 5% респондентов не сформулировали никаких ассоциаций в ответ на предложенное задание. Ответы, которые имели irrelevantный характер по отношению к заданной теме (меньше 1% от всех высказываний), не учитывались при анализе.

По частоте встречаемости наибольшее число суждений относится к категориям – «культурно-символический код», «территориальность» и «гражданственность» (см. табл. 4).

Таблица 3

Коннотативные характеристики высказываний горожан

Примеры высказываний респондентов		
Гражданственность		
Негативные высказывания	Нейтральные	Позитивные
• за последние 10 лет путь от процветания к упадку; • коррупция, никаких реальных полезных действий; • гнилые бараки; • магистральные дороги под окнами домов; • грязно; • безработица, нищета и богатство; • город, где бизнес не развивается; • боязнь поздно вечером выходить на улицу; • опасный; • плохая экология; • ужасное качество оказания услуг в больницах; • отсутствует возможность влиять на развитие города	• нормальное качество жизни	• в большинстве своём, здесь заботятся о людях; • гарантии социальной защищённости; • справедливость; • комфортная доступная среда; • лучшие дороги; • обустроенный; • высокий уровень жизни; • высокие доходы населения; • город возможностей; • экономически развитый; • спокойный; • безопасный; • хорошая экология; • город комфортный для семей с детьми
Эмоциональная оценка, выражающая отношение к городу		
• неинтересный; • грусть; уныние; • печальный; • тьма; мрачно; • жестокий; • тоска; скука; рутина; • ложь; • терпимо; • город, где мне нет места; • усталость	• нейтрально; • терпение и труд всё перетрут	• город счастья; • любимый; люблю свой город; • люблю тебя, горжусь тобой, мой Новый Уренгой; • я рад, что живу здесь; • радость; • успех

Таблица 4

Распределение ответов респондентов по категориям анализа

№	Категории анализа	Частота	В процентах от количества суждений n = 5 263
1.	Территориальность	1 191	23
2.	Гражданственность	970	18
3.	Функциональность	527	10
4.	Культурно-символический	1 275	24
5.	Характеристики горожан	246	5
6.	Личная история	541	10
7.	Оценочно-эмоциональное восприятие города	513	10
9.	Всего ответов	5 263	100

По направленности повествований внутри континуума позитивное – негативное акцент смещен в сторону суждений, носящих по отношению к городу скорее позитивный характер – 41% с позитивной коннотацией, 42% – нейтральных и лишь 17% – негативных.

На рисунке 1 представлено распределение ответов респондентов в зависимости от знака высказываний в каждой подгруппе. Среди позитивных высказываний доминируют оценки социально-экономической ситуации в городе (*высокий уровень жизни; город возможностей; экономически развитый*), городской среды (*отличные развязки дорог; развитая инфраструктура*), восприятие качества и безопасности жизни в городе (*социально защищённый город; безопасный город; комфортный для семей с детьми*), оценка институтов (*в большинстве своем здесь заботятся о людях; доверие; гарантии; искреннее внимательное отношение к людям; любовь к людям; справедливость*), иными словами то, что мы отнесли к категории «гражданственность». Важное место занимает восприятие собственной жизни, опыт проживания в городе (*беззаботное детство; в этом городе родились мои дети; первая любовь*) и стереотипы, образы, насыщенные эмоциональными переживаниями (*гордость; любимый; счастье*).

Негативные сужения – это прежде всего оценка социально-экономической ситуации в городе, оценка власти (*большие зарплаты у чиновников, маленькие у обычных людей; связи решают все*), неприятие природных факторов территории (*вечный мороз; комары, мошки*), принижение роли и статуса города, акцент на отрицательных, уничижительных стереотипах и образах (*Тюмень – столица деревень; провинция*).

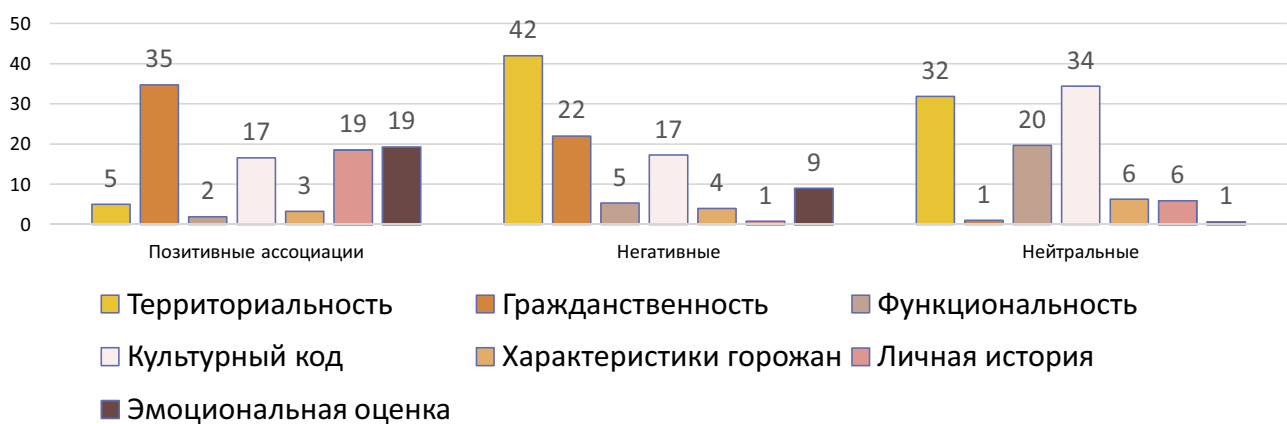

Рис. 1. Доли категорий анализа в позитивных, негативных, нейтральных высказываниях, %

Операционализация понятия «городская идентичность» и методика расчёта уровня городской идентичности подробно представлены в ряде работ авторов [24; 27]. Мы рассматриваем городскую идентичность горожан как вид социальной идентичности, которая может быть описана через аффективный, когнитивный и ценностный компоненты. Каждый компонент выражен с помощью ряда утверждений: «В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома»; «Этот город по-настоящему близок мне»; «Многие вещи в городе напоминают мне о моем прошлом»; «Моё будущее тесно связано с этим городом»; «Я знаю свой город так хорошо, что узнаю его на фотографии любой давности»; «Я хорошо знаю историю моего города»; «Мой город обладает историко-культурным наследием, и я горжусь им»; «Жителям других городов мой город кажется престижным», с которыми респонденты должны были выразить согласие по 5-балльной шкале (5 – полностью согласен, 1 – полностью не согласен).

Далее по указанным выше и апробированным методикам были рассчитаны индексы «городской идентичности» таким образом, чтобы 1 соответствовало «все полностью согласны», 0 – «все полностью не согласны». Индексы вычислялись по формуле $= (0 * \text{«Полностью не согласен»} + 0,25 * \text{«Скорее не согласен»} + 0,5 * \text{«И да, и нет»} + 0,75 * \text{«Скорее согласен»} + \text{«Полностью согласен»})$. Сводный индекс городской идентичности горожан равен сумме всех индексов, поделённой на их количество.

Респонденты были распределены по этому признаку на соответствующие группы (см. табл. 5), и далее анализ проходил в разрезе этих групп.

Вполне логично, что позитивное восприятие города характерно для респондентов с высоким уровнем идентичности с городом (см. рис. 2), в этой группе 53% всех высказываний имеет положительную коннотацию. В группе с низким уровнем идентичности к позитивной можно отнести лишь 26% высказываний.

Таблица 5

Распределение респондентов по группам в зависимости от уровня городской идентичности горожан

Группы по уровню городской идентичности	Значение сводного индекса	Респондентов в каждой группе	
		Численность	%
«Низкий уровень идентичности»	Сводный индекс $\leq 0,5$	750	26
«Средний»	$0,51 < \text{Сводный индекс} \leq 0,8$	1 316	46
«Высокий»	Сводный индекс $> 0,8$	769	27
Системные пропущенные		25	1
Всего		2 860	100

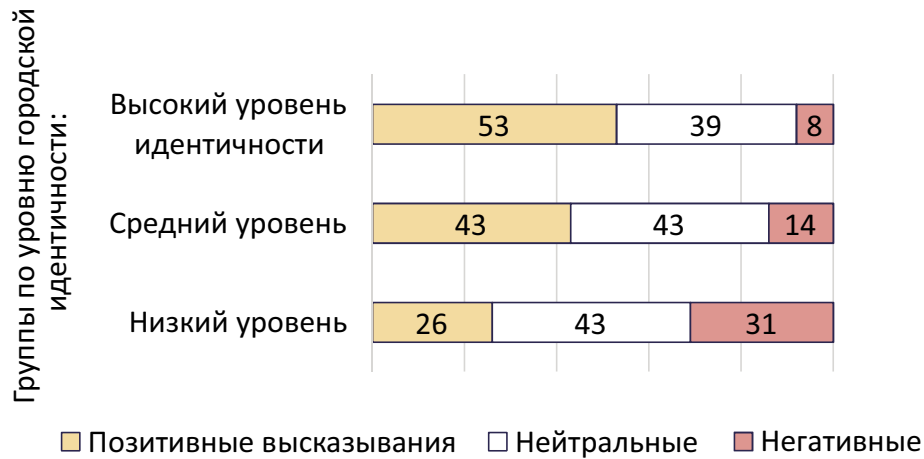

Рис. 2. Доли позитивных, негативных и нейтральных высказываний в группах по уровню городской идентичности, % от числа ответов

Распределение высказываний в группах по уровню идентичности показал, что высокий уровень идентичности связан с акцентом на значимые, успешные факты личной биографии, благоприятным личным опытом, высокой оценкой городских институтов и качества жизни в городе. Наибольшее число высказываний в этой группе можно отнести к культурно-символическому коду – суждения связанные с историей города, городскими практиками, официальной символикой, брендингом городов (см. рис. 3 и 4).

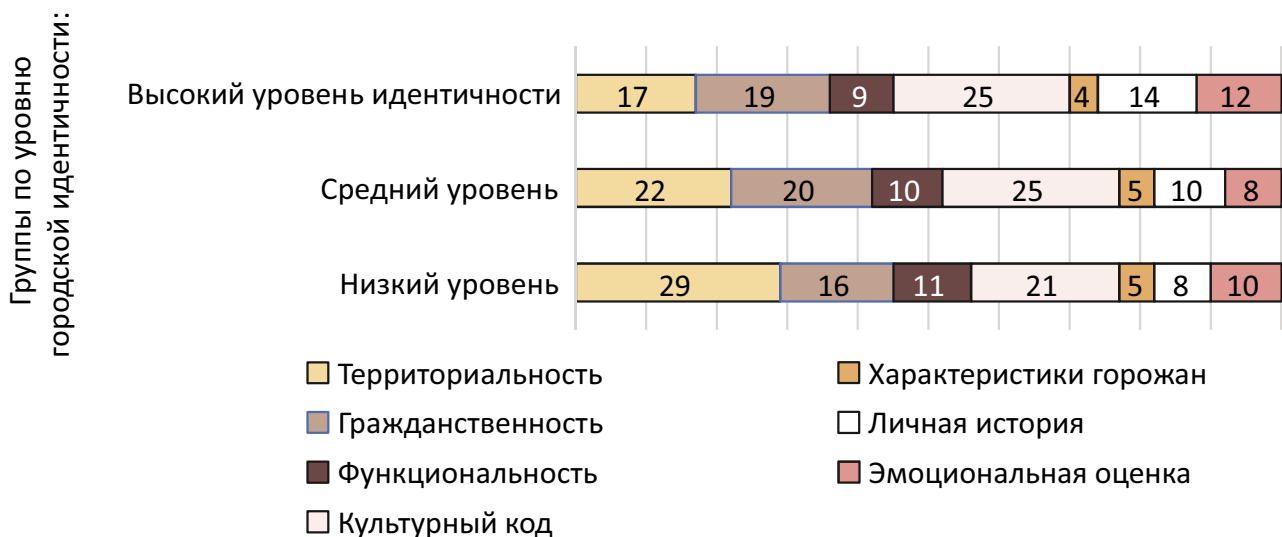

Рис. 3. Распределение высказываний по категориям в группах по уровню городской идентичности горожан, % от числа ответов

Рис. 4. Ассоциации респондентов с городом в группах с высоким и низким уровнем городской идентичности (Облако слов создано при помощи программы Words Cloud (URL: <https://wordsccloud.pythonanywhere.com/>))

В группе с низким уровнем идентичности 29% ассоциаций с городом связаны с территориальностью – неприятие внешней среды (природных факторов территории, географического положения, внешнего облика города); 16% высказывают недовольство институтами власти, состоянием городской среды, качеством жизни. Одно из самых часто встречаемых слов в этой группе – «отсутствие» (рис. 4).

Выводы

Восприятие своего города есть проекция уровня городской идентичности горожан. Эмоциональное восприятие города, оценка различных сторон жизнедеятельности города, рефлексия по отношению к городу свидетельствуют о принятии или отвержении идентичности города. Исследование показало, что восприятие идентичности города горожанами включает в себя не только территориальную, институциональную, символическую и функциональную формы (по К. Терлоу (K. Terlouw), гражданский и культурные коды (по Н. Г. Федотовой), но и характеристики горожан, личные истории, напрямую связанные с городом, эмоционально-оценочные суждения о нём. Суждения горожан представляют собой нарративы, которые в совокупности свидетельствуют о дискурсе. Данный дискурс не просто характеризует город, а позволяет считывать качество отношений, связности между городом и горожанами. Высокая степень связности позволяет говорить как о высокой степени городской идентичности горожан, так и о принятии ими идентичности города. Городской дискурс демонстрирует социальный заказ на продолжение реконструкции и реформирования городской среды,

её инфраструктуры, форм и содержания городского пространства. Высказывания горожан с низким уровнем городской идентичности о территориальной и функциональной формах идентичности города подводят к выводу о необходимости совершенствования мер городского управления по формированию искусственной городской среды, её разнообразии и соответствии представлениям горожан о современном городе.

Результаты исследования подтвердили значимость для горожан материально-вещественных элементов и форм города (территориальность и функциональность города). Именно данные элементы городской идентичности подвержены в большей степени оценочным суждениям и эмоциональным высказываниям.

Одновременно отмечаем тот факт, что горожане с высоким уровнем городской идентичности воспринимают город через призму личностной активности, участия в жизни города, отмечая в ответах параметры гражданственности, личной истории как наиболее значимые в определении идентичности города. Городской дискурс как исследовательский продукт обозначил социальный запрос горожан на свой город, на город, который принимается как формообразующая система городской идентичности, социальной активности, а, следовательно, и субъектности горожан. Данный вывод позволяет обратить внимание на необходимость управленческих действий по расширению условий участия горожан в жизни города, которые не только вовлекают в управление развитием города, но и позволяют сформировать личностные истории, напрямую связанные с городом. Многие параметры идентичности города управляемы, знание направлений их изменений позволяет создавать условия для формирования городской идентичности горожан, их субъектности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О. Б. Савинская, А. Г. Истомина [и др.] // Социологические исследования. 2016. № 8 (388). С. 21–29. EDN **WHWAVR**.
2. Основы социального управления / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев [и др.] ; под ред. В. Н. Иванова. М. : Высш. шк., 2001. 271 с. ISBN 5-06-003755-X. EDN **VSKYQZ**.
3. Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее изменения // ВЦИОМ : [сайт]. 21.10.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyane-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya> (дата обращения: 26.11.2023).
4. Горнова Г. В. Конфликтность городской идентичности: визуальные аспекты // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3 (25). С. 27–40. DOI [10.23951/2312-7899-2020-3-27-40](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-3-27-40). EDN **KAXAUR**.

5. Пакушина И. А. Основные направления формирования идентичности города Саранск (по результатам контент-анализа интернет-сообществ) // Современный город: власть, управление, экономика. 2019. Т. 1. С. 205–215. EDN **KXWRBY**.
6. Распоряжение правительства РФ от 23.03.2019 № 510-Р (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды» // КОДИФИКАЦИЯ.РФ : [сайт]. URL: <https://rulaws.ru/government/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-23.03.2019-n-510-r/> (дата обращения: 28.06.2023).
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента/Наука, 1999. 604 с. ISBN 5-02-026807-0. EDN **QWJLFB**.
8. Прогнозное проектирование и социальная диагностика : Сб.ст. : [В 3-х книгах] / Отв. ред. Т. М. Дридзе ; АН СССР ; Ин-т социол., М. : ИС АН СССР, 1991.
9. Князева Е. Системный подход как основа стратегического управления // Форсайт. 2020. Т. 14, № 4. С. 6–8. DOI **10.17323/2500-2597.2020.4.6.8**. EDN **LYCDAE**.
10. Bauman Z. Identity in the globalising world // Social Anthropology. 2001. Vol. 9, № 2. P. 121–129. DOI **10.1017/S096402820100009X**. EDN **FOSBNX**.
11. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семенов И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77. DOI **10.17976/jpps/2020.03.05**. EDN **OEGKSH**.
12. Castells M. The Power of Identity. Second Edition with a New Preface. Singapore : Wiley-Blackwell Publishing Ltd, 2010. 592 p. ISBN 978-1-444-31823-4. DOI **10.1002/9781444318234**.
13. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер ; пер. с англ. А. Бойков, А. Лисицына ; 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с. ISBN 5-318-00687-6.
14. Пирогов С. В. Контуры визуальных исследований города // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 59–63. EDN **RLYNIB**.
15. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137–150.
16. Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 84–111. EDN **ONCGTP**.
17. Де Серто М. По городу пешком / М. Де Серто, пер. с фр. А. Космарский // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24–38. EDN **JWUSGJ**.
18. Паутова Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2007. № 24. С. 149–168. EDN **KVKJCR**.
19. Narratives of change: How social innovation initiatives construct societal transformation / J. M. Wittmayera, J. Backhausb, F. Avelinoa [et al.] // Futures. 2019. Vol. 112. P. 102433. DOI **10.1016/j.futures.2019.06.005**.
20. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61. EDN **UGMXOT**.
21. Yin Robert K. Qualitative research from start to finish / Yin Robert K. ; Second Edition. New York : The Guilford Press, 2016. 386 p. ISBN 9781462521340.
22. Нечаева А. А. Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствове-

- дение. 2020. № 2 (21). С. 81–93. DOI [10.28995/2073-6401-2020-2-81-93](#). EDN [AAXTNI](#).
23. *Terlouw K.* From thick to thin regional identities? // *GeoJournal*. 2012. Vol. 77, № 5. P. 707–721. DOI [10.1007/s10708-011-9422-x](#). EDN [XNRYVM](#).
24. *Kostko N., Pecherkina I.* Urban Identities in Russian Cities and the Prospects of Their “Smart” Development // *Changing Societies & Personalities*. 2021. Vol. 5, № 4. P. 636–653. DOI [10.15826/csp.2021.5.4.154](#).
25. *Симакова М. А.* Забытая теория 1968 г. : Критика повседневности и революционный романтизм Анри Лефевра // *Вестник Московского Ун-та. Сер. 12: Политические науки*. 2018. № 3. С. 25–38. EDN [YXXEER](#).
26. *Цоллер В. Н.* Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // *Филологические науки*. 1996. № 6. С. 62–71.
27. *Будущее территорий: новые вызовы и инструменты развития : монография / К. Р. Ахтиярова, А. Н. Береговских, А. А. Борисова [и др.] ; под общей ред. Д. П. Соснина. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 334 с. ISBN 978-5-85006-461-7. EDN DBFBLS.*
28. *Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии. (Введение). 2-е изд., испр. М. : Nota Bene, 1999. 224 с. ISBN 5-8188-0005-9. EDN [RVRQNP](#).
29. *Mayring P.* Qualitative content analysis: theoretical foundation, basic procedures and software solution. Klagenfurt : GESIS, 2014. 144 p. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-395173> (дата обращения: 01.06.2023).
30. *Перси У.* Sentiment ayalysis: главные теоретические аспекты и некоторые прикладные подходы // *Przegl d Rusycystyczny*. 2020. Т. 169, № 1. С. 80–91. DOI [10.31261/pr.7726](#).
31. *Федотова Н. Г.* Символические коды городской идентичности (на примере российского и американского городов) // *Учёные записки Новгородского государственного университета*. 2020. № 8 (33). С. 18. DOI [10.34680/2411-7951.2020.8\(33\).18](#). EDN [JMILO](#).
32. *Tajfel H.* Social identity and intergroup behavior // *Social Science Information*. 1974. Vol. 13, № 2. P. 65–93. DOI [10.1177/053901847401300204](#).
33. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. ISBN 5-7598-0069-8.

Сведения об авторах

Н. А. Костко

доктор социологических наук,
профессор
AuthorID РИНЦ: [160794](#)

И. Ф. Печеркина

кандидат социологических наук,
доцент
AuthorID РИНЦ: [408122](#)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.7

URBAN IDENTITY AND PERCEPTION OF THE CITY IN MANAGEMENT DISCOURSE

Natalya Anatolyevna Kostko¹

Irina Fedorovna Pecherkina²

^{1, 2} University of Tyumen,
Tyumen, Russia,

¹ n.a.kostko@utmn.ru,
ORCID 0000-0003-1618-4548

² i.f.pecherkina@utmn.ru,
ORCID 0000-0003-4978-0311

For citation: Kostko N. A., Pecherkina I. F. Urban identity and perception of the city in management discourse. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):136–161. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.7.

Abstract. The discourse on the city, its forms, planning and management under uncertainty is undoubtedly the most widespread and relevant in the last ten years. The prospects for the development of the city and its urban community depend rather on the articulation and representation of the content of social demand from society, the population of specific cities, than on external factors. Citizens have a clear vision for the future and present of their city. The city perception of its inhabitants is correlated with the citizens' ideas about the modern city and appears as a discourse in their judgments, opinions and assessments. Urban discourse is defined as positioning, representation of urban identity of citizens and reflection of the perception of the city identity. The presence of this discourse is found in the citizens' narratives about the city. The study is based on the personal experience narratives, specifically the informants' reflections upon their evaluation and perception of their city were analyzed. Narrative analysis, supplemented by sentiment analysis (positive or negative presentation of the material) was chosen as a research tactic, the research method is content analysis. The major purpose of this work is to study the perception of the identity of the city by citizens. The novelty of the work is determined by the design of the study, combining qualitative and quantitative approaches, the method of triangulation according to N. Denzin., as well as the choice of a subjective parameter (perception by citizens of their city) as a guideline for managerial actions in shaping the identity of the city in order to achieve connectivity "city – citizen". An additional contribution of this paper is the construction of a paired logic of connectivity: "city – citizen" through the correlation between the citizens urban identity indicators and the identity of the city on the basis of empirical data of six cities in the Tyumen region. The study showed that citizens with a high level of urban identity perceive the city through personal participation in its life, through the manifestation of subjectivity.

Keywords: city as social system, citizens' urban identity, identity of the city, urban management

Acknowledgment: the reported study was funded by RFFR, project number 20-011-00305 “Social space of a smart city: methodology of development management and social construction”.

REFERENCES

1. Savinskaya O. B., Istomina A. G., Larkina T. Yu., Kruglova K. D. Conceptual ideas of mixed methods research: stages of development and current debates. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;8(388):21–29. (In Russ.).
2. Gladyshev A. G., Ivanov V. N., Patrushev V. I. [et al.]. Fundamentals of Social Management. [Osnovy' social'nogo upravleniya]. Moscow: Vy'sshaya shkola; 2001. 271 p. (In Russ.). ISBN 5-06-003755-X.
3. The environment that shapes us. How Russians assess the quality of the urban environment and the dynamics of its change. Analytical report. 21.10.2020. VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyane-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya> (accessed: 26.11.2023). (In Russ.).
4. Gornova G. V. The conflict of urban identity: visual aspects. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics=Praksema. Problemy' vizual'noj semiotiki*. 2020;3(25):27–40. (In Russ.). DOI [10.23951/2312-7899-2020-3-27-40](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-3-27-40).
5. Pakshina I. A. Main directions of the formation of the identity of the city of Saransk (based on the results of content analysis of Internet communities). *Modern City: power, management, economy=Sovremenny'j gorod: vlast', upravlenie, ekonomika*. 2019;1:205–215. (In Russ.).
6. Order of the Government of the Russian Federation from 23.03.2019 No. 510-R (ed. from 30.12.2020) “On approval of the methodology of formation of the urban environment quality index” [Rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 23.03.2019 № 510-R (red. ot 30.12.2020) “Ob utverzhdenii metodiki formirovaniya indeksa kachestva gorodskoj sredy”]. CODIFICATION.RF. Available at: <https://rulaws.ru/government/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-23.03.2019-n-510-r/> (accessed: 28.06.2023).
7. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception [Fenomenologiya vospriyatiya]. St. Petersburg: Yuventa/Nauka; 1999. 604 p. ISBN 5-02-026807-0.
8. Dridze T. M. ed. Prognostic projection and social diagnostics: Collection of articles: [In 3 books]. [Proгнозное проектирование i social'naya diagnostika: Sb.st.: [V 3-x knigax]. USSR Academy of Sciences, Institute of Sociology. Moscow: In-t social.; 1991. (In Russ.).
9. Knyazeva H. System theory approach as a basis of strategic management. *Fore-sight and STI Governance*. 2020;14(4):6–8. (In Russ.). DOI [10.17323/2500-2597.2020.4.6.8](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2020.4.6.8).
10. Bauman Z. Identity in the globalising world. *Social Anthropology*. 2001;9(2):121–129. DOI [10.1017/S096402820100009X](https://doi.org/10.1017/S096402820100009X).
11. Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Semenenko I. S. Identity policies in rural local community development in Russia. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020;(3):56–77. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2020.03.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05).
12. Castells M. The Power of Identity. Second Edition with a New Preface. Singapore: Wiley-Blackwell Publishing Ltd; 2010. 592 p. ISBN 978-1-444-31823-4. DOI [10.1002/9781444318234](https://doi.org/10.1002/9781444318234).

13. Ritzer J. Modern sociological theories. 5th ed. [Sovremennyye sociologicheskie teorii. Dzh. Ritser; per. s angl. A. Bojkov, A. Lisicy'na; 5-e izd.]. St. Petersburg: Piter; 2002. 688 p. (In Russ.). ISBN 5-318-00687-6.
14. Pirogov S. V. Contours of visual studies of the city. *Tomsk State University Journal=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;(376):59–63. (In Russ.).
15. Bourdieu P. Social space and symbolic power [Social'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast']. *Thesis*. 1993;(2):137–150. (In Russ.).
16. Th venot L. Which road to take? The moral complexity of “conditioned” humanity [Kakoj dorogoj idti? Moral'naya slozhnost' “obustroennogo” chelovechestva]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii=The journal of sociology and social anthropology*. 2000;3(3):84–111. (In Russ.).
17. de Certeau M. In the city on foot [Po gorodu peshkom]. *Sociological Review=Sociologicheskoe obozrenie*. 2008;7(2):24–38. (In Russ.).
18. Pautova L. A. Associative experiment: the experience of sociological application [Associativny'y e'ksperiment: opyt sociologicheskogo primeneniya]. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)=Sociologiya: metodologiya, metody', matematicheskoe modelirovanie (4M)*. 2007;(24):149–168. (In Russ.).
19. Wittmayera J. M., Backhaus J., Avelino F. [et al]. Narratives of change: How social innovation initiatives construct societal transformation. *Futures* 2019;112:102433. DOI [10.1016/j.futures.2019.06.005](https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.06.005).
20. Yarskaya-Smirnova E. R. Narrative analysis in sociology [Narrativny'y analiz v sociologii]. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 1997;(3):38–61. (In Russ.).
21. Yin Robert K. Qualitative research from start to finish. Second Edition. New York: The Guilford Press; 2016. 386 p. ISBN 978-1-4625-2134-0.
22. Nechaeva A. A. Narrative analysis as a collective memory research method. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies=Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie*. 2020;(2):81–93. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2020-2-81-93](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-2-81-93).
23. Terlouw K. From thick to thin regional identities? *GeoJournal*. 2012;77(5):707–721. DOI [10.1007/s10708-011-9422-x](https://doi.org/10.1007/s10708-011-9422-x).
24. Kostko N., Pecherkina I. Urban identities in Russian cities and the prospects of their “smart” development. *Changing Societies & Personalities*. 2021;5(4): 636–653. DOI [10.15826/csp.2021.5.4.154](https://doi.org/10.15826/csp.2021.5.4.154).
25. Simakova M. A. An abandoned theory of 1968: Henri Lefebvre, the critique of everyday life and revolutionary romanticism. *Bulletin of Moscow University. Episode 12. Political Science=Vestnik Moskovskogo Un-ta. Ser. 12: Politicheskie nauki*. 2018;(3):25–38. (In Russ.).
26. Zoller V. N. Expressive lexicon: semantics and pragmatics [E'kspressivnaya leksika: semantika i pragmatika]. *Philological Sciences=Filologicheskie nauki*. 1996;(6):62–71. (In Russ.).
27. Axtiyarova K. R., Beregovskix A. N., Borisova A. A. [et al]. The future of the territory: new challenges and development tools: monograph. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANXiGS; 2022. 334 p. (In Russ.). ISBN 978-5-85006-461-7.
28. Tatarova G. G. Methodology of data analysis in sociology. 2nd ed., revised [Metodologiya analiza danny'x v sociologii. (Vvedenie). 2-e izd., ispr.]. Moscow: Nota Bene; 1999. 224 p. (In Russ.). ISBN 5-8188-0005-9.

29. Mayring P. Qualitative content analysis: theoretical foundation, basic procedures and software solution. Klagenfurt: GESIS; 2014. 144 p. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-395173> (accessed: 01.06.2023).
30. Persi U. Sentiment analysis: the main theoretical prerequisites and some empirical application. *Przegląd Rusycystyczny*. 2020;169(1):80–91. (In Russ.). DOI [10.31261/pr.7726](https://doi.org/10.31261/pr.7726).
31. Fedotova N. G. Symbolic codes of urban identity (on the example of Russian and American cities). *Scientific Notes of Novgorod State University=Uchyony'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;8(33):18. (In Russ.). DOI [10.34680/2411-7951.2020.8\(33\).18](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8(33).18).
32. Tajfel H. Social identity and intergroup behavior. *Social Science Information*. 1974;13(2):65–93. DOI [10.1177/053901847401300204](https://doi.org/10.1177/053901847401300204).
33. Castells M. Information Age: Economy, Society, Culture Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo, kul'tura]. Translated from English. Under the scientific editorship of O. I. Shkaratan. Moscow: GU VSHE'; 2000. 608 p. (In Russ.). ISBN 5-7598-0069-8.

Information about the Authors

N. A. Kostko

Doctor of Sociology,

Professor

ResearcherID: [AFP-6724-2022](https://orcid.org/0009-0001-9210-9210)

Scopus AuthorID: [56946864700](https://orcid.org/0009-0001-9210-9210)

I. F. Pecherkina

Candidate of Sociology,

Associate Professor

ResearcherID: [AAC-5247-2019](https://orcid.org/0009-0001-9210-9210)

Scopus AuthorID: [57202991963](https://orcid.org/0009-0001-9210-9210)

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор

Горшков М. К.

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Камышан В. В., Мищенко Д. Ф. Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Чичилов Е. В.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2024. Том 12, № 1. Дата выхода в свет 27.03.2024.